The background of the entire page is a vertical painting of a sky. It features thick, expressive brushstrokes in various shades of blue, teal, and light green, transitioning into warm, soft tones of orange, pink, and peach towards the bottom. The overall style is impressionistic and textured.

Даль весенняя

Евгений Молостов

Евгений Павлович Молостов

Даль весенняя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70293445

SelfPub; 2024

Аннотация

Пускай хоть в рай я угожу, От впечатления сгорая, И там я Господу скажу: «Родимый край был лучше рая». Стихи Е.П. Молостова подкупают своей открытостью, искренностью и умением автора внимательно вглядываться в окружающий мир, в собственные переживания, прослеживается откровенная влюблённость в поэтику Есенина. Книга задержит на себе самый придирчивый взгляд истинного ценителя поэзии, ибо стихи, составляющие его, пронизаны нежностью ко всему живому. Проза о жизни Нижегородской деревни в военные и послевоенные годы погружает в эпоху, не столь далекую, поднимая из глубин памяти рассказы наших бабушек и дедушек.

Содержание

Поэзия – красота нашего мира	13
Золотой листопад (стихи)	15
«В час моего рождения...»	16
«Утреннее солнце...»	18
Родимый край	20
«Ой ты, Родина – светоносная...»	23
Утро в деревне	24
Зарянка	25
«Я трогаю сирени гроздья пышные...»	26
«Ты свет мой, надежда, желанье...»	28
Родина	29
«Шопена мелодия тихо звучала...»	31
«Когда любовь приходит к людям...»	32
«На улице весенний дождь идет...»	33
Майский вечер	34
Июль	35
«Сад дышит зноем...»	36
Ключ	37
Соловей и воробьи	38
В лесу	40
«При встрече шутят, смачно льстят...»	42
«Мне скоро уходить со свету...»	43
«И жизни нет, коль нет любви...»	44

«Тихая, вечерняя, розовая мгла...»	45
«Соловьиный посвист льется звонко...»	46
«Я объехал всю планету...»	47
Бессонница	48
Цепочка четверостиший	49
«Бездорожье. Что за канитель...»	52
Март	54
«Далекое, родное детство...»	55
«Утро просыпается с колокольным звоном...»	56
«Видно, жизнь уж сама так занята...»	57
«Как ни старайся молодиться...»	58
«Ты думаешь в часы досуга...»	59
Нательный крест	60
«Без стихов всегда я, как без хлеба...»	62
Муза	63
«Светило солнце...»	64
Август	65
Этюд	66
Поэтессе Ирине Краевой	67
«Недавно вроде цвел вишневый сад...»	68
Расулу Гамзатову	69
Царице неба и земли	70
Галине Молостовой	71
«Пусть не совсем богатый твой наряд...»	72
«Да. Человеку надо малость...»	74
«День, ясным солнцем залитой...»	75

«Опять вечернею порою...»	77
«Пусть вспоминаются мне снова...»	78
Сон	79
«Бродяга умер у вокзала...»	80
«Как не любить осеннюю красу...»	81
1994	82
«Однажды наш колхоз купил...»	84
«Жизнь – это, брат, такая кутерьма...»	86
Смерть льва	87
«Я перед сном, ложась в постель, молюсь...»	88
«Судьба не раз меня трепала...»	89
«По округе слыл я забиякой...»	90
«Отбил, как в пляске, дробью вешний гром...»	92
Четверостишия	93
Море	96
«Улыбаясь, радуются люди...»	97
«Однажды утром по росе...»	98
«Из глубины веков, издалека...»	99
Россия	100
Женщинам-ветеранам в честь праздника 8 марта	102
Землянка	103
Приветствую тебя, мое родное Кстово	105
А.З.	107
«Когда весело мне или грустно...»	109

«Пустынные речные берега...»	110
«Любишь? Люби...»	112
«На дворе январь...»	113
«Давно ли утихли метели...»	114
Май	115
Заря	117
Березка	118
Рябина	119
«За голубой оградой...»	120
«По цветам, травинкам...»	121
Девичий сказ	122
Юношеское	124
Юрию Прохорову	125
«Певица ты...»	127
«В минуты эти радостные я...»	128
«Дождик сыпал целый день...»	129
«От реки веет утренним холодом...»	130
«Когда меня настигнут грозы...»	131
«Расшумелся дождь, распоясался...»	132
«Боль утихнет, и горечь уляжется...»	133
О Кавказе	134
Виктору Мухину, Герою Советского Союза	135
Другу поэту В. Пескову	137
«Нет. Не идет она – плывет...»	138
Весна	139
Коррида	141

«Дождь прошел. Распускаются вишни...»	142
Осеннее	143
Сергею Есенину	144
«Всю жизнь мы истину искали...»	146
«Я не люблю, когда ты хмуришься...»	147
Молитва	148
Старому вдовцу	149
Марш «моржей»	150
«Ты критик по своей судьбе...»	151
«Ничего нелепей нету...»	152
Акростих	153
«Мне милый подарил зарю...»	154
Госпоже смерти	155
«Больше нет ни желаний, ни мочи...»	156
«Мне еще немного жить на вольном свете...»	157
«Видно, я свое отжил...»	158
«На погосте кресты, как мощи...»	159
Похороны	160
«Пока с дружкой лечились от вина...»	161
«Узнал недавно от шофера-друга...»	162
«По отпускам гуляет: то в Сочи, то в Крыму...»	163
«Я сердцем юн, хоть мне уж много лет...»	164
«Я долгие годы скитался один...»	165
«Я в отчаянном раздумье...»	167
«Зарыдала, причитая, безутешно выюга...»	168

Друг	169
«В молодости всем был нужен...»	171
«Чтоб любую работу осилить...»	172
«На скамейке около подъезда...»	173
«Когда в крови огонь, душе борьбы охота...»	174
Армения	175
«Ночь мелькнула черным вороном...»	177
«О, Боже, где я только не был...»	178
«Один поэт однажды во хмелю...»	180
«В лесу я видел поутру росу...»	181
«Чуть восток зазолотится...»	183
«Ну и что, что мы оба седые...»	184
«Приходи ко мне в гости, весна...»	185
Пасха	186
«Земля вековая, пропахшая хлебом...»	187
Галине Молостовой	188
Поэт	191
На стихи Николая Рачкова	193
«Читаю стихи Николая Рачкова...»	195
«Фиалки, ноготки и васильки в стакане...»	197
Виктору Кумакшеву	198
«Я Божьей милостью поэт...»	200
Собрату по перу Патвакану Лусину (Мкртчяну)	201
В санатории Анкаван	203
Художник	205

Береза	206
Майский день	207
«Появился на бел свет...»	208
«Мне говорят...»	209
Любимой женщине	210
«Сыр на столе, шампанское и свечи...»	211
«Не гордись и не превозносись...»	212
В.Я. Золиной	213
Осень	214
Мой отчий край благословенный	215
Цитаты:	216
Проза	217
В начале войны	217
В войну немец бомбил и наши края	224
Тяжело в ученье – легко в бою	229
Память о страшной войне	236
Он чудом остался в живых	240
Он испытал на себе оккупацию	259
Судьба женщины	264
Рожденный в год революции	274
Нечаянное знакомство с В.Я. Дворжецким	282
Из краткого выступления на встрече памяти Владимира Автономова в Кстовской центральной библиотеке	289
Воспоминания о Владимире Васильевиче Половинкине	292

Краткое выступление о поэте Борисе Селезнев в честь его 50-летия в Кстовской центральной библиотеке им. А.С. Пушкина	295
Лев Федорович Цапурин	302
Казачка из Красного Оселка	307
Хвалите бога	311
Вспоминая родного брата	316
Храм-часовня на Барановом Ключе	319
О Варваре-Великомученице	324
О часовне на улице Варварская	329
О матушке-земле нашей	332
На родине С. Есенина	336
О С. Есенине. Заколдованные звуки	349
Дорогая Н. Решетовская	355
О Сахарове А.Д.	357
Материнское сердце	360
Бывает же такое	365
На лесной вырубке	369
Смерть причину нашла	372
Насмешка судьбы	375
Здравствуйте, Евгений, не знаю вашего отчества	380
Наедине с природой	383
Поле за окном	385
Неотправленное письмо (от последней колхозницы ссср)	389

О сестре моей Тамаре Павловне Шихиревой и ее хранителе Николае Угоднике	393
Суд над колхозниками	395
Роковая любовь	397
Отсвет далеких лет	407
Встреча с земляками	411
Алкогольный напиток для кого-то источник зла, а кому-то он поднимает настроение	419
Плакучая ива	425
Я почти всю свою жизнь вел дневники, записывал то, что приходилось мне по сердцу, а также списывал из книг, газет и журналов интересные случаи	430
Краткая дневниковая запись. Санаторий «Городецкий»	435
Из памяти прошлого	440
Он был строг к себе и добр к людям	444
Как санитарка больного от смерти спасла	447
Алексей Егорович не доверяет женщинам	450
Целый год на своих ногах ходил, как на протезах	455
Жила такая женщина	459
Тарзан	462
Суматошные дни молодости	464
Для любимой девочки и новогоднего гостинца не жалко	471

Меня однажды за террориста приняли	474
Был такой случай	476
«Юмористы»	478
За это его приняли в коммунисты	480
Бог шельму метит	482
Слово о бывшем воре-медвежатнике	484
Пуд соли	488
Подкармливать птиц – природе польза и себе удовольствие	489
Вездесущая синица	492

Евгений Молостов

Даль весенняя

Поэзия – красота нашего мира

Она, как любимая женщина, возбуждает мою душу и сердце, вдохновляет меня. Только от любви к творчеству так молодо и задорно может биться мое беспокойное сердце. Поэзия облагораживает меня, продлевает мне жизнь и заставляет надеяться на будущее. Она возбуждает во мне интерес к жизни, стремление к намеченной цели и достижению ее. Она меня заряжает новой энергией и удесятерит мои духовные силы.

Евгений Молостов. 2004 г.

Торопись обрадовать
Добрым словом встречного.
Быть может, больше с ним
Не придется встретиться.

Историк Джузджани, XIII век

Золотой листопад (стихи)

За окном золотая осень. 2003 г.

«В час моего рождения...»

В час моего рождения,
Лишь свет увидев, я
Воскликнул в изумлении:
«Дай руку, жизнь моя!»
С необычайной силой
Младенческую кровь
Во мне воспламенили
Надежда и любовь.
Передо мной открылись
Земля и небеса.
И я, как в Божью милость,
Поверил в чудеса.
В стремлении высоком,
С волнением, не дыша,
Под материнским оком
Я сделал первый шаг.
И, словно в доброй сказке,
Лик солнца засиял.
С доверием и с ласкою
Господь мне лиру дал.
Надеждой окрыленный,
Живу в родном краю.

И до сих пор влюбленный
О Родине пою.
Пусть в синеве играя,
Дни юности моей
Мечтою улетают
На крыльях журавлей.
Но в горе и в веселье
С самозабвением я
Кричу, как в час рождения:
«Дай руку, жизнь моя!»

«Утреннее солнце...»

Утреннее солнце землю пригревает.
На лугу девчонка песню напевает.
Песню напевает, да еще какую –
Про большое счастье, про мечту большую.
Про житье привольное, чем я горд и рад.
И о том, как люди чудеса творят.
Про весну цветения, что волнует кровь.
И о том, как в космосе побывал Титов.
Много песен сложено о родной стране.
Петь о нашей Родине хочется и мне.

Утреннее солнце землю прогревает

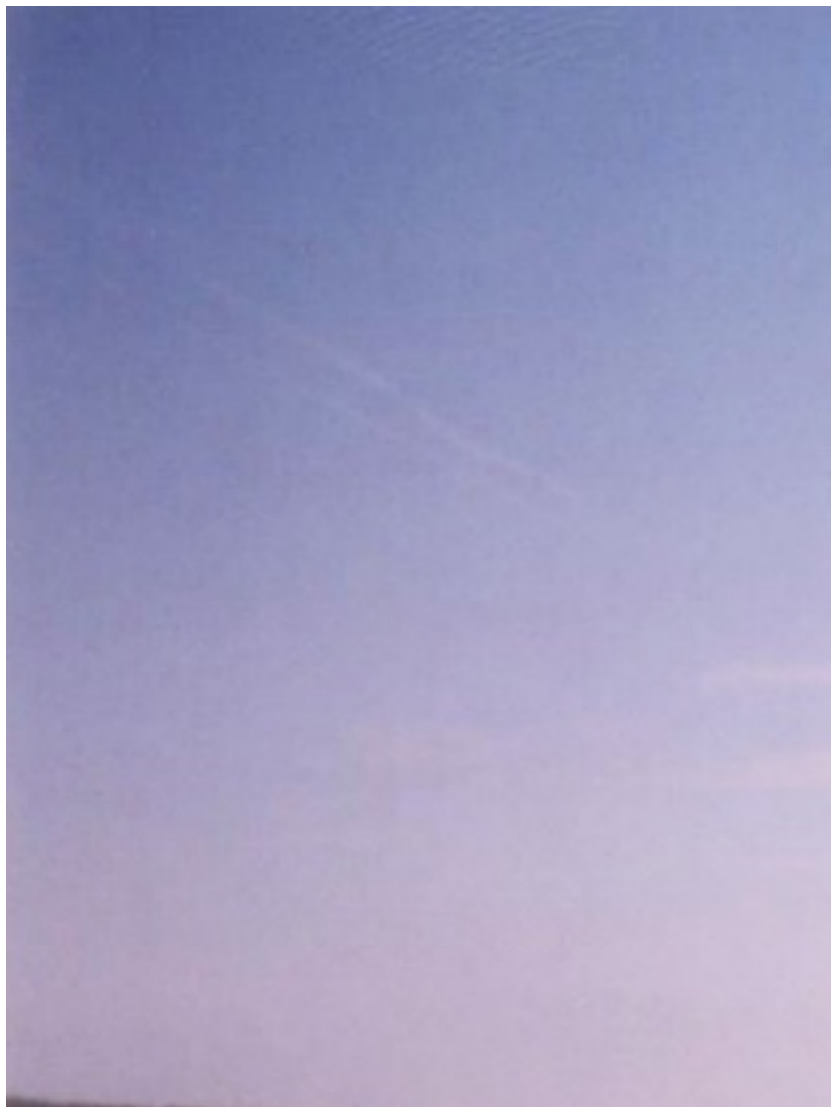
Родимый край

В душе моей цветущий май.
Вернулся в отчий дом я снова.
Люблю тебя, родимый край,
Как Божий храм, как Божье слово.

Родимый край, я счастлив, рад
Увидеть вновь ветлу седую
У дома, старый палисад
И у калитки мать родную.

Что может быть еще милей?
Я у родительского крова.
Меня, как самого родного,
Встречает с песней соловей.

В груди своей любовь храня,
Я бормочу, от счастья светел:
«Родимый край, ты у меня
Единственный на свете».

Малая родина

«Ой ты, Родина – светоносная...»

Ой ты, Родина – светоносная.
Небо звездное, утро росное.
Ты – как музыка тихоструйная.
Как заря моя вечно юная.
О тебе одной только песнь пою
И люблю тебя, словно мать свою.
Ой ты, Родина – даль весенняя,
Земля Пушкина и Есенина.

Утро в деревне

Едва лишь солнце поутру
Озолотит листву деревьев,
Как просыпается деревня,
Мычанье слышится в хлеву.
Хозяйский слышен разговор.
А молодой горластый кочет
Мир потрясает что есть мочи,
Взлетев на новенький забор.
И все яснее звон и стук.
Калиткой где-то заскрипели.
А где-то нежно на свирели
Играет виртуоз-пастух.

Зарянка

Как мила собой ты, пташка божья!
Твои песни за душу берут.
Может быть, ты на зарю похожа,
Что тебя зарянкою зовут.

Может быть, чтоб голос твой послушать
К нам тебя прислала Божья Мать,
Чтоб очистить пеньем наши души
И вселить святую благодать?

Тихо бьется родничок хрустальный,
Капает с берез весенний сок.
А в округе нежный и печальный
Слышится зарянки голосок.

«Я трогаю сирени гроздья пышные...»

Я трогаю сирени гроздья пышные.
На них роса сверкает, как алмаз.
Таинственные звуки еле слышные
Ловлю, боясь нарушить утра час.

Гляжу вокруг: в краю моем родимом
Весны краса мне с детских лет близка.
Я нежно чувствую в соку зари малиновой
Приятной свежести дыханье лепестка.

Зарянки пенье жалобное слышится.
Небесная бледнеет синева.
Сирени куст от ветерка колышется.
От легких дум яснее голова.

И все от этой кажущейся малости.
В благословенной этой тишине
От неизбывной боли и усталости
Природа-мать врачует душу мне.

И ранью утренней, и поздно вечерами я

Люблю бродить. И разве тут до сна?
О волшебство, о миг очарования,
Моя любовь и жизнь моя, весна!

«Ты свет мой, надежда, желанье...»

Ты свет мой, надежда, желанье.
Весь век повторять буду я:
Нигде без тебя нет житья мне,
Россия, Россия моя.
Пусть годы несутся, как вихри.
И веря в мечту и любя,
Боюсь я на время, на миг хоть
Представить себя без тебя.
Россия сияния синего,
Оранжевого огня,
Как пламя неугасимое,
Всегда ты в душе у меня.

Родина

Мне 30 лет. Года бегут, что реки.
Уж солнечный восход сменил зарю.
Друзья мои, отныне и навеки
Я свое сердце родине дарю.
Чувства переполнены восторгом.
Умолчать? О нет, не в силах я.
Как растет и крепнет с каждым годом
Родина любимая моя!
Родина. Какое это слово!
Сколько славы, силы сколько в нем!
И мечтает человек о новом
Счастье светлом, будущем своем.
Родина! Не мне ль тобой гордиться!
Вырастила ты таких сынов,
Что сегодня улетают птицей
Ввысь намного миль от облаков.

Знаю, нам доступно все на свете,
Многое покажем в этот век.
Верю я, что на любой планете
След оставит русский человек.
Он и на полях, и на заводах

Трудится не покладая рук –
И на благо своего народа
Человек, товарищ, брат и друг.
Родина – земля моя родная!
Не могу, чтоб не воспеть тебя.
Так расти и крепни, процветая,
Родина любимая моя.

«Шопена мелодия тихо звучала...»

Шопена мелодия тихо звучала.
Черемуха пышно повсюду цвела.
Средь тонких тростинок луна величаво
По озеру лебедем белым плыла.
Надеждой и верой, любовью и страстью
До края заполнилось сердце мое.
Я тронул луну, но попытка напрасна,
И понял – не взять мне ее.
Вот так и девчонка с доверчивым взглядом
И свежести нежной, и ласки полна.
Вот кажется близко, совсем уже рядом,
Но как недоступна она!

«Когда любовь приходит к людям...»

Когда любовь приходит к людям —
Преображается весь свет.
Им кажется, весна повсюду.
Жизнь вечная. И смерти нет.

Они не думают о хлебе.
Как будто бы живут в раю.
Счастливые глядят на небо
И видят там звезду свою.

«На улице весенний дождь идет...»

На улице весенний дождь идет,
На солнце его капельки искрятся.
И кажется, как будто он поет –
Земля и небо веселятся.

Майский вечер

Пришли мы с нею в сад,
Был теплый майский вечер.
Оранжевый закат
На озере расцвечен.
И ранняя звезда
С высот на нас глядела.
Я счастлив был тогда.
Кругом цвело и пело.
Сегодня я пришел
Один. Такой же вечер.
Но сад уже отцвел.
Как жаль, что май не вечен.

Июль

Ни облачка в дали лазури чистой.
И на земле ни вздоха-ветерка.
Пруд на лугу прозрачно-серебристый,
Как зеркало, блестит издалика.
Весь день марит – наверно, пред грозой.
Выдывая круто виражи,
Легко и резко, низко над землею,
С веселым свистом носятся стрижи.

«Сад дышит зноем...»

Сад дышит зноем. Коробятся листья.
Тиньканье слышно снующих синиц.
Ветви от яблок тяжелые виснут.
Яблоки крупные цвета зарниц,
Как обнаженные груди девиц.
Завороженный, гляжу, не дыша я,
Скоро, быть может, их кто-то сорвет
И с нетерпеньем к губам поднесет,
Сладкий, живительный сок предвкушая.

Ключ

Среди ложбин ликуя и резвясь,
Ключ-песенник, на солнце серебрясь,
Поет о том, как он в крошечной мгле
Мечтал о вольной жизни на земле,
Чтоб видеть солнце, неба синеву
И на лугах высокую траву,
Чтоб слышать птиц веселый пересвист
И как лепечет тальниковый лист.
Какую веру надо в жизнь иметь,
Чтоб так из-под земли бежать суметь.

Соловей и воробьи

Поутру искрятся нивы.
Солнце светит во всю мочь.
Чудных звуков переливы
Не стихают день и ночь.

Сколько страсти, вдохновенья
Соловью господь дает!
От такого песнопенья
У людей душа цветет.

Его трели вдаль несутся,
Словно вестники любви.
Только воробьи дерутся
Да купаются в пыли.

Их своя забота гложет –
Жизнь какую им вести.
И поэтому, быть может,
Им с певцом не по пути.

И поэтому мы знаем
С малых лет и до седин:

Воробьи летают стайей.
Соловей всегда один.

В лесу

Прекрасней места нет окрест,
Где можно от забот забыться.
И я пришел сегодня в лес,
Чтоб вновь природой насладиться.

Пришел я отдохнуть душой.
Кивают мне калина, верба.
И солнце с радостью большой
Шлет свой привет горячий с неба.

Мне чудится: здесь рай кругом.
На листьях искрятся росинки.
Ползет мурашка по травинке.
Пчела целуется с цветком.

С берез откапал сладкий сок.
Дубы стоят, как на параде.
А шаловливый ветерок
Седые волосы мне гладит.

А над полянкой мотылек
Летит в ребяческой отваге.

А там внизу, в сыром овраге,
Струится тихо ручеек.

И веря сердцу своему,
Сын всемогущего прогресса,
Я, вслушиваясь в тишину,
Хочу постигнуть тайны леса...

«При встрече шутят, смачно льстят...»

При встрече шутят, смачно льстят,
А за глаза хулят, злословят.
Во всех мирских грехах винят
И пакость новую готовят.

Познавши скуку одиночества,
Познавши подлость, горечь бед,
Теперь мне одного лишь хочется –
Приставить к сердцу пистолет.

«Мне скоро уходить со свету...»

Мне скоро уходить со свету
Навеки в глушь и темноту.
Хоть умирать желанья нету,
Но жить совсем невмоготу.

Для Вас же сказочно, красиво,
Как прежде золотятся дни.
На каждой яблоне и сливе
Горят весенние огни.

«И жизни нет, коль нет любви...»

И жизни нет, коль нет любви.
На этот мир гляжу устало.
Когда-то пели соловьи,
Сирень всюду благоухала.

Я любовался в майский день
Ее красотой и слушал трели,
Но отцвела моя сирень
И соловьи мои отпели.

Не остановишь жизни бег,
Ее извечной карусели.
Кому-то – цвет, кому-то – снег.
И вместо птиц поют метели.

«Тихая, вечерняя, розовая мгла...»

Тихая, вечерняя, розовая мгла
Речку, луг окутала, на село легла.
И повсюду, кажется, нету ни души.
Вслушаешься – шепчутся мирно камыши.
Далеко разносится грустный хор девчат.
Перепелки сонные «Спать пора» кричат.
В тихом свете месяца я тропой иду,
Серебристо светятся яблоки в саду.
На лугу виднеются белые цветы,
А вдоль речки тянутся тальника кусты.
Сторона родимая, край ты мой родной!
Ты в душе останешься навсегда со мной.

«СОЛОВЬИНЫЙ ПОСВИСТ ЛЕТСЯ ЗВОНКО...»

Соловьиный посвист лется звонко.
Вишни цвет срывает ветерок.
С чем тебя сравнить, моя девчонка,
На какой похожа ты цветок?

На фиалку, розу иль ромашку?
(В памяти названья ворошу.)
Я, по-русски, душу нараспашку,
Руку дружбы дать тебе спешу.

«Я объехал всю планету...»

Я объехал всю планету.
Я тебя ищу по свету
Вот уж сколько лет.
И терзаюсь, и тоскую,
Все зову тебя, родную,
А тебя все нет.
Может быть, ты мне приснилась!
Отзовись же, сделай милость.
Брежу я тобой.
И терзаюсь, и тоскую,
И зову тебя, родную,
Каждою весной.
Снова лед на речке тает.
Снова вишня расцветает.
Только где опять,
И терзаясь, и тоскуя,
Дорогую и родную
Мне тебя искать?

Бессонница

С вечера я лег в свою постель,
Но не спится. Думы донимают.
За окном всю ночь визжит метель.
Кажется, что реквием играют.
Без конца визжит седая мгла.
И под этот реквием, кто знает,
Может, плачет под окном ветла,
Может, домовой в трубе рыдает.
Но я знаю, что в такой глуши
Никуда мне от себя не деться –
Это стоны собственной души,
Это вопли собственного сердца.

Цепочка четверостиший

«Он висит у неба на краю...»

Он висит у неба на краю,
Будто подготовленный отсечь
Голову повинную мою,
Золотой луны дамоклов меч.

«Я шар земной раз десять обойду...»

Я шар земной раз десять обойду,
И если я любимой не найду,
То залечу под облака, как птица,
И упаду, чтоб вдребезги разбиться.

«Соловей в самозабвенье...»

Соловей в самозабвенье.
Слушая, как он поет,
Даже месяц в изумленье
До ушей разинул рот.

«Забрезжило сияньем новым утро...»

Забрезжило сияньем новым утро,
Восход над горизонтом луч зажег.
Переливается в росинках перламутровых
Нетронутой травы зеленый шелк.

«Когда любовь из сердца схлынет...»

Когда любовь из сердца схлынет,
Жизнь потеряет интерес.
Вот почему живу я ныне
И потому несу свой крест.

«По зеленым полям и лугам...»

По зеленым полям и лугам,
По прозрачным озерам, прудам
От зари разливается свет,
Как в душе моей юности след.

В отделе

Три подружки, три болтушки
Целый день сидят, как клушки.
Каждый день они без дела,
Нет им дела до отдела.

«В российской деревне я вырос...»

В российской деревне я вырос.

С ней связана жизнь моя вся.

И как бы она не сложилась,

Я счастлив, что здесь родился.

«Бездорожье. Что за канитель...»

В XIX веке на месте теперешних Дубенок находилась всего лишь небольшая деревушка Александровка. И теперь грунтовую дорогу, идущую от Дубенок до деревни Новопокровское, старожилы называют «александровской». По этой дороге раньше мы ходили работать на Мызу. В ненастье там была непролазная грязь. Зимой снегу надувало выше колена.

Бездорожье. Что за канитель!
Не видать ни зги – все в белом дыме.
Словно ведьма, злющая метель
Больно хлещет космами седыми.

Бездорожье. Хуже нет зимой.
Всех и вся с горячностью ругая,
Я по снежной целине шагаю
Мимо леса по полям домой.

И меня сильней все гложет зуд.
В дом, в тепло – желание безмерно.
Приготовив ужин, ждут-пождут
С дочкою жена меня, наверно.

Через час добрался до села.
Здесь сугробы, словно скирды в поле.
Кажется, уж силы нету боле,
Но душа веселость обрела.

После выюги дома, как в раю.
Не успев жену обнять за плечи,
Оглянулся. Ба! Не узнаю:
Теща улыбается мне с печи.

Март

Март по лесу шажочками робкими
В ласке солнца несет нам весну.
Слышно, падает крупными хлопьями
Снег подталый с ветвей под сосну.
Снова веет теплом над сторонкою.
День прибавился. Заголубел.
И синец свою песню негромкую
Удивительно нежно запел.
Скоро лес переполнится звуками.
Рад я видеть лесную красу.
Только кто так по дереву стучает?
Эта птица торопит весну.

«Далекое, родное детство...»

Далекое, родное детство
Я видел будто бы во сне.
Как исцелительное средство,
Молитвы мать твердила мне.

И, чтобы в доме было счастье
И не одолевала грусть,
Я стал с прилежностью стараться
Заучивать их наизусть.

И в будни, в праздник ли чудесный,
Всегда молюсь с любовью я,
Не отвергал бы Царь Небесный
Раба заблудшего меня.

«Утро просыпается с КОЛОКОЛЬНЫМ ЗВОНОМ...»

Утро просыпается с колокольным звоном.
Хор пернатых слышится на лугу зеленом.

Далеко разносятся птичьи голоса.
И лежит нетронутой на траве роса.

Речка неторопкая что-то ворожит.
Над густой осокою луговка кружит.

Солнце поднимается в вышину небес.
В утреннем сиянии словно замер лес.

На земле и на небе Божья благодать.
Осенив крестом себя, вышла в сени мать.

И с утра, как водится на святой Руси,
Тихо шепчет старая: «Господи, спаси».

«Видно, жизнь уж сама так занята...»

Видно, жизнь уж сама так занята,
Когда бед осыпался град,
Мне всегда снисходительно, внятно
Говорили: «Ты сам виноват».

Для меня это были уроки
На мирской и житейский лад.
Терпеливо сносил упреки,
Что поделаешь: «Сам виноват».

А пришла мне пора веселиться,
Руки тянут и сват, и брат.
Я же тотчас спешу объяснить:
«Извините, я сам виноват».

«Как ни старайся молодиться...»

Как ни старайся молодиться,
А молодость прошла навек.
Не потому ль так часто снится
На черном поле белый снег?

Не потому ль в зеленой чаще,
В чужом заброшенном краю
Я стал прислушиваться чаще
К кукушке, а не к соловью?

«Ты думаешь в часы досуга...»

Ты думаешь в часы досуга,
Что в жизни я не преуспел.
Не унывай, моя подруга.
Еще не все я песни спел.

А если кто-то рядом злится
И для меня готовит месть —
Еще в моей пороховнице,
Как говорится, порох есть.

Нательный крест

На жизнь свою смотрю я строго.
Мне очень дорог вольный свет.
Я твердо верю, что без Бога
Ни истины, ни жизни нет.
И как христианин отчизны
Я этой верою дышу,
Всегда распятие ношу,
Как символ истины и жизни.

Храни меня мой крест нательный.
Храни и дома, и в пути,
Чтоб в ясный день и в день метельный
Я смог все трудности снести.
Прошу, избавь меня от злата.
Спаси от бед, болезней, смут,
От всех ханжей и супостатов
И притаившихся иуд.
Пусть мимо пронесутся тучи,
Не станет воронье кружить.
И я смогу благополучно
До светлой старости дожить.
А кто проявит вдруг при встрече

Ко мне духовный интерес,
Тому я искренне отвечу:
«Меня хранит нательный крест».

«Без стихов всегда я, как без хлеба...»

Без стихов всегда я, как без хлеба.
Не сменю их на любой уют.
Мне стихи, что звездочету небо,
Никогда покоя не дают.

А пошлешь публиковать в газету –
Там их прорва – этой чепухи.
Вот как достается хлеб поэту,
Вот что значит сочинять стихи.

Муза

Я музой, как жизнью своей, дорожу.
Но, видит Господь, не всегда мне до музы.
Я, впрягшись в двуколку свою, развожу
Весь день седоков и тяжелые грузы.

Я раб, я, как лошадь, везу и везу.
А время торопит меня, подгоняет
И рот удилами мне в кровь раздирает.
Я их от обиды и злости грызу.

Просвета не вижу ни ночью, ни днем.
Наверно, до смерти не будет отбоя.
И муза, смирившись с моею судьбою,
Живет, как затворница, в сердце моем.

«Светило солнце...»

Светило солнце. Теплым ветром дуло.
В округе заливались соловьи.
Хоть юность уж давным-давно мелькнула,
Я рвал цветы и думал о любви.

Я думал, что еще чего-то стою,
Коль в сердце снова вспыхивает жар.
Но ворон, пролетая надо мною,
Со злой насмешкой крикнул мне:
«Ты ста-а-р-р».

Август

Ночь небо в звезды нарядила,
Заполнив все вокруг прохладой.
Ажурный месяц, как кадило,
Струил по речке синий ладан.

На берегу ветла склонилась,
Как четки лист перебирая,
Как будто Господу молилась,
В молчанье тихом пребывая.

Над лесом зорька занималась...
Я удивленными глазами
Смотрел вокруг и мне казалось:
На всеошной я в Божьем храме.

Этюд

О, зимнее раздолье!
Мороз, ни ветерка...
В снегу луга и поле.
Льдом стянута река.

На голубом просторе
Коней рысистый бег.
Сиреневые зори,
Черемуховый снег.

Поэтессе Ирине Краевой

Да, эта поэтесса хороша.
Для истинных читателей отрада.
Вот у кого открытая душа,
Вот у кого добру учиться надо.

Ее стихи – родник в полдневный зной.
Все люди для нее – как сестры, братья.
Она, как на лугу цветок весной,
Глядит на мир, раскрыв свои объятия.

Она родимой стороны певец.
Ее любовь и свет – родное Кстово.
В минуту трудную для всех людских сердец
Всю жизнь свою она отдать готова.

«Недавно вроде цвел вишневый сад...»

Недавно вроде цвел вишневый сад,
Сегодня в нем уже листва желтеет.
Да, времечко не повернуть назад.
Тот счастлив, кто им дорожить умеет.

А я им никогда не дорожил.
Мне все казалось, жить я буду вечно.
Работал, и гулял, и пил, конечно,
И ни о чем буквально не тужил.

Мне утренняя нравилась заря,
Но день прошел. Закат уже пылает.
И времени я столько потерял,
Что мне его теперь уж не хватает.

Расулу Гамзатову

Расул, я повторяю неустанно,
Певец кавказских гор и солнечных полей,
Что Вы не только гордость Дагестана,
Но всей России – Родины моей.

Вас зная лишь по книгам да газетам,
Мне хочется увидеть Вас, старик.
Я не поэт. Мне до поэта – где там,
Хотя в душе моей стихов живой родник.

Мне хочется увидеть Вас, услышать.
Черты лица запомнить навсегда.
Ведь Ваш полет орла любого выше,
Вы – словно в небе яркая звезда.

Пусть годы пролетают вольной птицей,
И пусть со временем в глазах померкнет свет –
Земле цвести, а поколениям длиться.
В сердцах людей века Вам жить, поэт.

Царице неба и земли

Я у тебя просил прощенья,
Просил спасенья от грехов,
Дать мне в печалях утешенья
И защитить от всех врагов.

Мне самому ни с чем не справиться,
И я просил твоей любви,
Пренепорочная наставница –
Царица неба и земли.

Я раб твой, ничего не стою,
Но все ж меня коснулась ты.
Пусть был лишь миг передо мною
Твой лик пресветлой чистоты.

Теперь я счастлив. С новой силой
В моей душе, в моей крови
Горит огонь неугасимый
Твоей божественной любви.

Галине Молостовой

Ты жемчужинка моя
Нежная и милая.
На всем свете у меня
Самая любимая.
Пусть хоть ты не смелая
И порою грустная,
Ты, как вишня спелая,
Сладкая и вкусная.

«Пусть не совсем богатый твой наряд...»

Пусть не совсем богатый твой наряд,
Ты для меня и так бесценный клад.

Синь наших майских ласковых ночей
Мне не заменит свет твоих очей.

Ты словно роза красная весной,
Навеки очарован я тобой.

И никому, хочу тебе сказать,
Любовь мою к тебе не разорвать.

Пускай для нас умолкнут соловьи
И побелеют волосы твои.

Зимой суровой не щадит мороз
Ни красоты, ни аромата роз.

И если вдруг мы превратимся в прах,
То я тебя успел воспеть в стихах.

И я «спасибо» говорю судьбе,
Что счастье и любовь нашел в тебе.

«Да. Человеку надо малость...»

Да. Человеку надо малость,
Чтоб вызвать к жизни интерес.
Когда берет меня усталость,
Иду я в лес.
И мне приходится дивиться,
Когда я всякий раз стою
И слушаю. Повсюду птицы
Поют, как ангелы в раю.
Лесная музыка слышна
И птичек дивные напевы.
И в небе вовсе не луна
Видна, а лик Пречистой Девы.
И, стоя на лесной дороге
С глубокой думой, глядя ввысь,
Шепчу я благодарность Богу,
Что так прекрасна наша жизнь.

«День, ясным солнцем залитой...»

День, ясным солнцем залитой,
Покой подарит нам.
И мы в зеленый лес с тобой
Зайдем, как в Божий храм.

Я там признаюсь без прикрас
Тебе в любви своей.
И тут же повенчает нас
Веселый соловей.

Судьба нас волею небес
Соединит навек.
Мы оба понесем свой крест
И в зной, и в дождь, и в снег.

И выйдем на цветущий луг,
Где музыка звучит.
Но если так случится вдруг,
Судьба нас разлучит,

Я все равно к тебе приду
Наперекор судьбе.

Как яблоко, сорву звезду
И подарю тебе.

«Опять вечернею порою...»

Опять вечернею порою
Я жду тебя, стою, как тень.
Но ты проходишь стороною,
И, как назло, цветет сирень.
Какая горькая досада –

Из-за тебя лишился сна!
Но ты любви моей не рада,
Давно в другого влюблена.
И, словно снег весенний, таешь,
Привет не шлет любимый твой.
А я мечтаю, все мечтаю,
Как мне бы встретиться с тобой.
Мечтаю днями и ночами.
Но, видно, надо так судьбе –
Ты о другом полна печали,
А я мечтаю о тебе.

«Пусть вспоминаются мне снова...»

Пусть вспоминаются мне снова
Те зря потраченные дни
И та записочка в три слова:
«Люблю другого, извини».
Теперь весну сменило лето,
И отцвела давно сирень.
Но также кружится планета.
По-прежнему проходит день:
Работа до седьмого пота
И ты. Одной тобой дышу.
Чудно. Тебя целует кто-то,
А я стихи тебе пишу.

Сон

Мне снится: то кричу я криком,
То напрягусь и не дышу.
Как будто я в ущелье диком
Над краем пропасти вишу.

И страшно так, аж дыбом волос.
И не души, а скоро ночь.
Кричу, кричу, но хрипнет голос.
Зову, но некому помочь.
Ужели здесь моя могила?
Течет холодный пот с лица.
Последние теряю силы.
И нету этому конца.

«Бродяга умер у вокзала...»

Бродяга умер у вокзала,
А бабка старая ревет.
– Что голосишь?
Она сказала:
«Нас всех
Такая участь ждет!»
И то ли внука, то ли сына
Упоминала без конца,
Пока в попутную машину
Не погрузили мертвеца.
Она кого-то все ругала
И долго плакала в тоске.
Потом неспешно пошагала
С пустой кошелкой на руке.

«Как не любить осеннюю красу...»

Как не любить осеннюю красу,
Когда ручей с холодным звоном льется,
Да изредка печальный раздается
Синицы звень в задумчивом лесу?

Как не любить осеннюю красу,
Когда листва оранжевого цвета
И светлой паутинкой бабье лето
Среди ветвей искрится на весу!

1994

Жизнь наша в корне изменилась вдруг,
Уплыли те денечки золотые.
Я раньше отдыхать летал на юг.
Теперь там отдыхают лишь «крутые».

От «демократов» ветерок подул.
Отняли все, что было у народа.
Ни на минуту нынче не заснул.
Хоть, слава Богу, есть у нас природа.

Росой обрызгал утренний рассвет
Лип и рябин зеленые одежды.
И я увидел нежный, чистый свет,
И в сердце поселился дух надежды.

Вдали заря цветной рекой лилась.
Пруд отражал сиреневые краски.
И солнце выплыло. И начало, смеясь,
Раздаривать цветам и травам ласки.

Ручей журчал, чтоб жажду утолить.
Среди акаций птицы напевали.

Коль красота жива, есть смысл и жить.
Не все мы, значит, в жизни потеряли.

«Однажды наш колхоз купил...»

Однажды наш колхоз купил
Кобылу молодую.
Я ей в денник овса носил,
Лелеял, как родную.

Хоть было много лошадей
(И я в них разбирался),
Но каждый раз лишь я на ней
В свободный час катался.

В груди моей под птичий гам
От счастья сердце пело.
Я по задворкам и лугам
Летал – в ушах свистело.

Нет, это был не героизм,
Не показная смелость.
Мы строили социализм
И жили, как хотелось.

И солнце с неба, между тем,
Светило нам неплохо.

Но, видно, нравилась не всем
Советская эпоха.

Настал момент – социализм
Ненужным оказался.
В страну вступил капитализм,
И наш колхоз распался.

И корму негде стало брать.
Пришлось, почти что даром,
Кобылу милую продать
На колбасу татарам.

Как много всяческих потерь
Бывает в этом мире...
Не покататься мне теперь
На молодой кобыле.

«Жизнь – это, брат, такая кутерьма...»

Жизнь – это, брат,
Такая кутерьма:
Друзей так мало,
Врагов же тьма.

За каждый миг ее
Дерутся, а не ропщут.
Сил хватит – будешь жить.
Не выдержишь – затопчут.

Тут надо малость
Приложить ума.
Подальше привыкай
Держаться от дерьма.

Смерть льва

Он раньше был властным, всесильным,
как Бог.

Вся тварь перед ним трепетала.

Но время пришло – одряхлел он и слег,

Не в силах дышать даже стало.

Последний закат в его жизни алел.

Смертельно больной и усталый,

Он с горькой слезой обреченно глядел,

Как ждут его смерти шакалы.

Они притаились... В природе порой

Случается так необычно:

Когда-то для них он был страшной грозой,

Теперь станет легкой добычей.

«Я перед сном, ложась в постель, молюсь...»

Я перед сном, ложась в постель, молюсь.
Что нагрешил, все замолить пытаюсь.
Я с каждым днем, как с жизнью, расстаюсь,
А утром будто заново рождаюсь.

На сердце ни тревоги, ни забот.
Гляжу – не нагляжусь на эту землю.
И пенье птиц, и розовый восход,
Как Божий дар, восторженно приемлю.

«Судьба не раз меня трепала...»

Судьба не раз меня трепала.
А я все жив. Притом влюблен.
Я, очевидно, из металла
На этот свет произведен.

И пусть хоть близок жизни вечер,
Мои цветы не отцвели.
Лишь с каждым годом только крепче
В моей душе вино любви.

«По округе слыл я забиякой...»

По округе слыл я забиякой.
Горечь ту переживала мать.
Кем-нибудь устраивалась драка,
Бабы говорили: «Он опять.

Он опять, а как же тут иначе.
Песни матерщинные поет.
Всей деревне задает задачи,
Никому покоя не дает».

Край родимый, милая сторонка,
Не гаси в душе моей огонь.
В этот час залиvisto и звонко
Заиграла русская гармонь.

А на утро вновь худые вести.
Мать на этот раз, собрав родню,
Мне сказала: «Подбирай невесту,
Непрременно осенью женю».

Вот и осень. Свадьба. Гости сели.
Я невесты ощутил ладонь.

За окошком ветлы зашумели,
И навзрыд заплакала гармонь.

«Отбил, как в пляске, дробью вешний гром...»

Отбил, как в пляске, дробью вешний гром.
Гроза прошла. Летят пернатых стаи.
Блестя на солнце ярким серебром,
Синеют лужи, небо отражая.
Цветут сады. Кругом белым-бело.
Порхают мотыльки со стебелька на стебель.
Любой живой душе сейчас тепло,
Просторно и светло, и на земле, и в небе.

Четверостишия

«Тех, кто за правду, – держат на учете...»

Тех, кто за правду, – держат на учете.
Известен всем печальный их конец.
У нас не честный труженик в почете,
А, как обычно, подхалим и льстец.

«Лишь в правде свет...»

Лишь в правде свет,
Лишь с ней нам жить века.
Пускай она порою и горька,
Я буду про нее писать, пока
Не выронит перо моя рука.

«Словно алмаз, светит ярким огнем...»

Словно алмаз, светит ярким огнем,
Коль отражается солнышко в нем.
Издали греет надежды тепло –
Ближе подходишь – стекло.

«Восходит солнце. Чуть прохладой веет...»

Восходит солнце. Чуть прохладой веет.
Стрижи стремглав несутся над водой.
Травой искристой берег зеленеет,
И пруд струится дымкой голубой.

«Покой потерял я и сны...»

Покой потерял я и сны.
Журчат ручейки, звеня.
Глаза голубые весны
Заворожили меня.

«На диво знакомым, на ужас родным...»

На диво знакомым, на ужас родным
Друг в друга влюбиться сумели.
Встречаемся редко – по выходным,
И встречи нам кажутся мигом одним,
Но вечностью длятся недели.

«Ручьи отзвенели. Апрелью конец...»

Ручьи отзвенели. Апрелью конец.
Глядят с любопытством из почек листочки.

В саду распевает веселый скворец,
На поле виднеются борозды-строчки.

«Что прошло, теперь не воротится...»

Что прошло, теперь не воротится,
Было многое – не таю.
Вспомню прошлое – плакать хочется.
Ой, как жалко юность мою.

Море

С утра на море солнца лик
Могучие целует волны.
И в ослепительный тот миг
Я, радости и счастья полный,
Смотрю на них во все глаза.
Вдали – седая дымка тает,
А утренняя бирюза
Огнем божественным играет.
Я море с детства полюбил.
С его капризами смиряюсь.
И, чтобы охладить свой пыл,
В пучину грозную бросаюсь.
И на волне, как на коне,
Весь предаюсь ее порыву
И, чтобы не сорваться мне,
Держусь за огненную гриву.

«Улыбаясь, радуются люди...»

Улыбаясь, радуются люди,
Словно выпив зелена вина,
Потому что зацвело повсюду,
Потому что вновь пришла весна.
Снова в Пасху солнце заиграло.
После гроз синее свод небес.
Все в округе сразу засияло,
Вновь зазеленел и ожил лес.
Не стихают дятлов перестуки,
Слышится еще грачиный грай.
Сколько красок, запахов и звуков
Нам приносит светлый месяц май!

Он благоухает повсеместно
Под лихие трели соловья.
Снова нарядилась, как невеста,
Белая черемуха моя.
С неба песня жаворонка льется,
Ему вторит родничок лесной.
Мы поэты от земли и солнца,
Стих свой пишем сердцем и душой.

«Однажды утром по росе...»

Однажды утром по росе
Бродил я с думой неизменной:
«Мы в этом мире тленны все –
Зато поэзия нетленна».
Но как раскрыть мне тайну строк,
Взамен принять какие муки,
Чтоб наконец постичь я смог
Их заколдованные звуки.
Внимают им и зряч, и слеп.
Они и в будущем, и ныне,
Как голодающему хлеб,
Как путнику родник в пустыне.
О, мать поэзия, она –
Весны бушующие реки.
И в ней такая глубина,
Что не достать мне дна вовеки.

«Из глубины веков, издалека...»

Из глубины веков, издалека
Течет она – поэзии река.
Я знаю, к ней дорога нелегка,
Жизнь проживешь –
Покажется – века.
А в сущности
Всего какой-то миг.
Скажи, мой стих,
Мой крохотный родник,
Сумеешь ли,
Беспомощный такой,
Ты слиться с той
Великою рекой?

Россия

Россия – цвет яблонь весенних,
Синь нежно цветущего льна.
Веселый рязанец Есенин
И звездный Гагарин она.

Россия, воспринял я с болью
Тревожное наше житье,
Но с давнею чистой любовью
Вместилась ты в сердце мое.

Мне дороги с колыбели
Родные просторы твои.
Зимою здесь свищут метели,
Весною поют соловьи.

За речкою безымянной,
Где луг неземной красоты,
Вдыхал я твой воздух духмяный
И рвал для любимой цветы.

Ты жить под своею звездой
Стремишься, со всеми любя,

Считаешься в мире святою,
Но сколько врагов у тебя!

Они тебя рвали на части –
Народ твой все вынести смог.
Россия, дай Бог тебе счастья!
Россия, храни тебя Бог!

Женщинам-ветеранам в честь праздника 8 марта

Ваш идеал – за честь страны бороться,
За укрепление уз своей семьи.
О, женщины – мои землепроходцы,
О, труженицы славные мои.

Где стойкости могли вы научиться
И с верою в грядущее смотреть?
С врагом остервенелым насмерть биться
Во имя жизни, презирая смерть.

Чтоб жизнь была богаче и светлее,
Везде вы были первыми всегда.
Трудились, сил последних не жалея,
Когда был холод, голод и нужда.

Войны разруха, боль утрат. И это
Вы все, буквально все превозмогли.
О, спутницы Любви, Добра и Света!
От всех мужчин поклон вам до земли!

Землянка

(пародия на одноименное стихотворение Игоря Чурдалева)

Да, мерзли не мы, голодали не мы.
И пулями мы не задеты.
Не видели плена, спаслись от тюрьмы,
И нас миновали наветы.

Не мы подрывались на минных полях,
Не знали мы хвори и беды.
Не мы, изможденные в концлагерях,
Своей дожидались победы.

Да, сытно едим мы и сладко мы пьем.
Ученые стали, речисты.
«Землянка» не в моде, про «Айсберг» поем.
Танцуем не вальсы, а твисты.

Теперь все идет на потребу, для масс,
Живущих свободно, красиво.
И песня «Землянка», она не про нас.
«Все правильно, все справедливо».

И смею ли в этом кого-то корить,
Коль сам я с фашистом не бился,
Пешком лишь под стол мог тогда я ходить,
А кто-то еще не родился.

Но тех, кто с последней гранатой у ржи
Шел на смерть, бросаясь под танки,
Мы помнить обязаны всю свою жизнь
И петь о солдатской землянке.

Приветствую тебя, мое родное Кстово

Приветствую тебя, мое родное Кстово!
Твоим размахом восхищаюсь я.
Сегодня мне пришлось тебя увидеть снова
В разгаре полном трудового дня.

Я вижу снова башенные краны,
Рабочих вижу слаженный настрой.
Они своей заботой непрерывной
Преображают город свой родной.

Чуть слышно где-то музыка играет.
Над городом синее плат небес.
В аллеях дети с мамами гуляют.
Для них прекрасней нету здешних мест.

Куда бы ни пошел я и повсюду,
Достойные почтения и любви,
Встречаются знакомые мне люди –
Заслуженные земляки мои:

Писатели, рабочие, артисты,

Чиновники, врачи, учителя,
Боксеры, шахматисты и самбисты –
Их воспитала кстовская земля.

А в праздник в честь Победы нашей славной,
С любовью к жизни, к солнечному дню,
Идут с цветами наши ветераны
На площадь Мира к вечному огню.

Чисты в сердцах их радости земные.
И в памяти романтика жива.
Встречают здесь их ели молодые
И шелковая стелется трава.

Я в жизни своей тайны не нарушу.
Есть множество в России городов,
Но ты один мою волнуешь душу –
Я буду век хранить к тебе любовь.

А.З.

Он фантазер, волшебник и поэт.
Поверив горячо в любовь, как в Бога,
Он шел во тьме тернистою дорогой,
Но муза его вывела на свет.

Он полон сил, восторга и мечты.
Любовь его, как сказочная птица
Божественной нетленной красоты,
К высотам ослепительным стремится.

Россия для него – родная мать.
Давно прошел он и моря, и сушу.
Но чтоб стихотворенье написать,
Он с кровью выворачивает душу.

Немало чудаков у нас в стране,
Но он, как говорят, дошел до точки.
Не только днем, и по ночам во сне
Лирические складывает строчки.

Ни с чьей его не спутаешь строку.
Я с разными поэтами общаюсь.

Видал великих на своем веку,
Но вот такими, право, восхищаюсь.

Они по гроб верны своей мечте.
И муза им дороже всех на свете.
Такие умирают в нищете,
А признают их только после смерти.

«Когда весело мне или грустно...»

Когда весело мне или грустно,
Каждый день, лишь забрезжит рассвет,
Я вверяю стихам свои чувства,
И лучится в них солнечный свет.
Полны тайной любви и привета,
Из души моей рвутся слова,
Точно летом к желанному свету
Сквозь асфальт молодая трава.

«Пустынные речные берега...»

Пустынные речные берега.
В прохладной мгле ухабины и кочки.
Еще в лесу не все сошли снега,
А на деревьях набухают почки.

Вдали мелькнул последний солнца луч,
И умерли пугающие тени.

И в неподвижном сумерке ни туч,
Ни вздоха ветерка, ни птичьих пений.

Такая тишь и благодать кругом!
Мерцают звезды на небе пологом.
Еще раз убеждаешь себя в том,
Что этот мир для счастья создан Богом.

И он во мне вовеки не умрет.
И не могу я наглядеться вволю,
Как месяц чуть качается, плывет
По небу, словно лодочка по морю.

А утром на работу выхожу,

Заря горит в полнеба, как жар-птица.
На это чудо только погляжу –
Рука невольно тянется креститься.

И если загорланят петухи
Или над полем птицы закружатся,
Я тороплюсь записывать стихи,
Пока они на душу мне ложатся.

«Любишь? Люби...»

Любишь? Люби. Только снова
Я повторяю, что пью.
Если полюбишь другого,
Морду тебе разобью.

Мне наплевать, что я сельский,
Ты же из города. Что ж!
Что же ты в пункт милицейский,
Слезы глотая, идешь?

Это всего лишь цветочки.
Я говорю от души.
Сказано. Сделано. Точка.
Там хоть в Верховный пиши.

И не ругай меня, кроха,
Что я невежда и груб.
Может, воспитан я плохо,
Но уж зато однолюб.

«На дворе январь...»

На дворе январь. Морозом
Все сковало утром ранним.
Даже месяц в небе звездном
Изогнулся в рог бараний.

В инее дома-палаты.
И в такой мороз жестокий
Все торопятся куда-то,
Раскраснелись нос и щеки.
Где вода была – там лед.
От дыханья пар идет.

В небе зорька увядает.
На узорах в окнах синих
Скоро солнце засверкает
И засеребрится иней.

С удивленьем смотрят ели,
Устремив вершины ввысь.
Небеса заледенели,
Но кипит земная жизнь.

«Давно ли утихли метели...»

Давно ли утихли метели
И ели встряхнулись от сна?
А нынче грачи прилетели,
Вовсю верховодит весна.
И вижу я, как под оконцем
Из лужи воробушек пьет.
А парень, сощурясь от солнца,
В совхоз на работу идет.
Лелея надежды живые,
С любовью глядит его мать,
Как парень сегодня впервые
На тракторе выйдет пахать.
Грачи устремятся вдогонку
Кудрявой его борозде.
Под вечер заедет на кромку,
Своей улыбаясь звезде.

Май

Под высокой радугой-дугою
Мчится май, бутонами звеня.
О весна, цветенье дорогое,
Подожди, не покидай меня.

Дай мне вешней свежестью упиться,
Соловья послушать поутру.
Посмотреть в саду, как будут виться
Лепестки черемух на ветру.

На рассвете дай к груди планеты
Безмятежно голову склонить
И с цветов росинки-самоцветы
Собирать ладонями и пить.

Пусть пропахнут губы мои мятой.
Дай, весна, мне ту живую нить,
Чтобы полюбившую когда-то
Я не смог вовеки разлюбить.

А в душе тревога и усталость.
Где она теперь, бывлая страсть.

Только бы врагам моим на радость
Не споткнуться мне и не упасть.

Целиной неезженою бойко,
С жаждою мгновенья торопя,
Жизнь моя, как взмыленная тройка,
Мчится вихрем, бешено храпя.

Заря

Нет ни удержу ей, ни уема!
Абрикосовым соком горя,
Разлилась по всему окоему
Без конца и без края заря.

Я ее никогда не забуду.
Золотую ее красу.
Мне, как ярому жизнелюбу,
Так и хочется выпить всю.

Березка

На берегу, среди цветов неброских,
Где в ряд стоят дубки-холостяки,
Стоит она, капризница-березка,
Собой любясь в зеркале реки.

Присмотришься – совсем еще ребенок,
Игривая, беспечная, и ей
Дыханьем теплым ветер, как гребенкой,
Причесывает шелк густых кудрей.

А в поздний час, когда крылом жар-птицы
Взмахнет закат, украсив небосвод,
Кругом все спит, лишь ей одной не спится –
Она грустит и все чего-то ждет.

Рябина

В саду от дома недалеко,
Где от цветов в глазах рябит,
Всегда скромна и одинока,
Рябина тонкая стоит.

И вот однажды, что с ней стало:
Когда уж выпали снега,
Внезапно на нее напала
Шальная, пьяная пурга.

Ее ломали злые вихри,
Трясли, как дикое зверье.
А поутру, когда все стихло,
Больную бросили ее.

Заря зажгла свои рубины,
Но век забыть я не смогу,
Как у измученной рябины
Краснели пятна на снегу.

«За голубой оградой...»

За голубой оградой
В кустах притих и лег
Сиреновой прохладой
Весенний ветерок.

Запахла сладкой брагой
Зеленая трава.
Вступает твердым шагом
Весна в свои права.

И солнышком румяным
Украшен яблонь цвет.
И я, от счастья пьяный,
Пью утренний рассвет.

«По цветам, травинкам...»

По цветам, травинкам,
По лесным тропинкам
Ходит каждый вечер
На гулянье ветер.

Молодо резвится,
Вьется возле ели.
Видно, он влюбиться
Смог на самом деле.

Он давно с ней ладит –
Что ему забота!
То ее погладит,
То шепнёт ей что-то.

То играть возьмется,
Балагур, в горелки...
И краснеет солнце
За его проделки.

Девичий сказ

Как-то в рощу раз я весенним днем
Погулять пошла одинешенька.
Словно маленькой, наказала мать,
Чтоб не сбилась я с путь-дороженьки.
Чтоб не сбилась я, не пропала бы,
Не осталась там на ночь темную.
Только, помнится, засмеялась я
В ответ матери: «Что ты, милый свет,
Что ты, матушка, – говорила я, –
Я уж взрослая, мне семнадцать лет».
Долго по лесу я цветы рвала.
Соловей все пел, а я слушала.
Шла и слушала я соловушку,
И забыла я совет матушки.
Вдруг опомнилась. «Где я, Боже мой!» –
Вслух воскликнула в огорчении.
Охватил испуг. Затуманилась.
Только что это – не виденье ли?
Как во сне-раю, очи-жгучий свет,
Предо мной вдруг встал добрый молодец.
И сказал он мне, соловьем пропел:
«Зря печалишься, не заблудишься».

Улыбался сам и смотрел в глаза,
Головой тряхнул кучерявою.
Тут пропал испуг, оживилась я.
Сердце билось же пуще прежнего.
Голос – чист ручей... Помню, стала я
От его речей полупьяная.

Горячей огня – взор-симпатия,
И привлек меня он в объятия.
Наши мед-уста тут слились вконец
В жарком пламене молодых сердец.
Вплоть до вечера мы гуляли с ним,
Был свидетелем зелен лес один.
Был свидетелем зелен лес один
Да притихший вдруг мой соловушка.
Не простившись с ним, я пошла домой
Без цветов в руках, с камнем на сердце.
Я пошла домой, он глядел мне вслед.
Помутнел в глазах предо мной бел свет.
«Не брани меня, свет мой матушка,
Я уж взрослая, мне семнадцать лет».

Юношеское

Снова сердце тревожно забилося
И опять я не в силах заснуть.
Сколько разных невзгод навалилось
На мою истомленную грудь!

Боль душевная. Тоска адская.
В моей жизни не выбран путь.
Голова ты моя залихватская,
Я тебя уроню где-нибудь.

Юрию Прохорову

Сыплет ночь на луга,
На озера и лес
Желтых звезд жемчуга
С темно-синих небес.

Серебро месяц льет
На раздолье полей,
Тишину разорвет
И замрет соловей.

Слова молвить невмочь
В эту тишь-благодать.
Не в такую ли ночь
Родила меня мать?

Сад, что белый навес.
По тропинке идешь
И, как в сказке, чудес
С нетерпением ждешь.

В гостях у Юрия Прохорова. Январь 2015 г.

«Певица ты...»

Певица ты. Я зритель лишь.
И высока твоя эстрада.
Меня ты манишь и пленишь,
Как спелый плод чужого сада.

У всех всегда ты на виду.
Что я люблю тебя – не знаешь.
И на эстраде, как в саду,
Ты легкой бабочкой порхаешь.

Сейчас закончится концерт,
Опять один пойду аллеей.
Покажется весь белый свет
Пустой, ненужною затеей.

Не одиночества боюсь.
Боюсь – тебя навек теряю.
Я днем шучу и веселюсь,
А ночью горестно вздыхаю.

«В минуты эти радостные я...»

В минуты эти радостные я
Хочу тебя поздравить с днем рождения.
И плюс к подарку от меня
Обещанное мной стихотворение.

Лишь для тебя весенняя пора
В сиреновом цветочном окруженье
И ласковые теплые ветра
В невидимом и радостном движенье.

Лишь для тебя, я говорю любя,
Здесь каждый куст и каждая былинка,
И над лугами голубая дымка,
И это утро тоже для тебя.

Все для тебя: озера, змейки рек,
Леса, луга и прочие уголья.
Весь белый свет в твоих руках сегодня,
И я сегодня тоже твой навек.

«Дождик сыпал целый день...»

Дождик сыпал целый день.
А когда уж стало лень,
Ближе к ночи перестал.
Ветер тучи разметал.
С неба синего видна
Стала полная луна.
Всюду разливается,
В лужах отражается.
Из серебряного света
Точка в точку, как монета.
В каждой луже по луне –
Вот бы все собрать их мне.

«От реки веет утренним холодом...»

От реки веет утренним холодом.
Облака над лугами грустят.
Чешет лес свою рыжую бороду,
Только по ветру ключья летят.

Даль подернулась дымкою пышною,
А из той предрассветной дали,
Грусть вызванивая еле слышную,
Шлют прощальный привет журавли.

Дни и ночи несутся каскадом
И теряются в призрачной мгле.
Жизнь моя, неужели и вправду
Только гость я на этой земле?

«Когда меня настигнут грозы...»

Когда меня настигнут грозы,
Я часто ухожу в запой.
Глотаю собственные слезы
И заедаю трын-травой.

Ни день, ни ночь не различаю.
Тебя не слышу, хоть ори.
И ни за что не отвечаю –
Все синим пламенем гори.

Но если вновь в мое оконце
Заглянет муза не спеша
И снова засияет солнце –
Вновь оживет моя душа.

Я буду счастлив, как влюбленный,
Что смог все грозы перенести,
Всем улыбаться просветленно
И славить Бога, что он есть.

«Расшумелся дождь, распоясался...»

Расшумелся дождь, распоясался,
И ничто ему нипочем.
Каждый смотрит, куда бы спрятаться,
А он бьет – аж плечам горячо.
Что за силища, за амбиция.
Всем задал он такой возни.

Ни дружинники, ни милиция
Не берут его, шут возьми.
Видно, ведают власти местные:
Не унять им такую прыть.
Я завидую, слово честное –
Мне бы тоже таким вот быть.

«Боль утихнет, и горечь уляжется...»

Боль утихнет, и горечь уляжется,
И не надо о прошлом жалеть.
Зря мерещится мне, зря мне кажется
В одиночестве нищая смерть.

И порою, когда занеможится,
Зря мерещится злой непокой,
Будто мать моя очень тревожится:
Ее сын непутевый такой.

Все пройдет, утрясется, уляжется,
Ни к чему о минувшем тужить.
Зря мерещится мне все и кажется –
Надо жить.

О Кавказе

На Кавказе я ни разу не был.
Не видал его высоких гор.
Мне лазурью крашеное небо
Вдохновенно не ласкало взор.
Я живу, всегда с судьбою споря,
Позабыв о том, что есть покой.
Не гулял и не мечтал у моря –
У великой древности седой.

Слышал, там красивые деревья,
Зори, что начищенная медь.
На душе давно мечту лелею
Колыбель поэтов оглядеть.

Виктору Мухину, Герою Советского Союза

С печалью глядя в небеса,
Народной скорби молча внемля,
Ты с болью в сердце видел сам,
Как враг топтал родную землю.

С душою, гордой и бесстрашной,
С лихой решимостью в глазах
Ты защищать Отчизну нашу
На битву в первых шел рядах.

С жестокой вражьей, темной силой
Тревожной утренней порой
Как настоящий сын России
Ты принял бой, неравный бой.

Как патриот и воин истый,
Смерть презирая в том бою,
Из пулемета бил фашистов,
Спасая Родину свою.

В той схватке средь огня и дыма

Ты отличился как герой,
И выиграл тот смертный бой,
И обессмертил свое имя.

Навек повержен враг жестокий,
Не встать той силе роковой.
И благодарные потомки
Чтить будут вечно подвиг твой.

Другу поэту В. Пескову

Отец наш – солнце. Мать – земля.

Мы их родные сыновья.

У нас с тобой одна дорога –

Чтоб воспевать людей и Бога.

Ведь что прославлено поэтом –

Непреходяще в мире этом.

«Нет. Не идет она – плывет...»

Нет. Не идет она – плывет!

Ей лишь семнадцать лет.

И паренек, разинув рот,

Глядит ей вслед.

Весна

Сегодня светлый праздник Воскресенья.
Опять с весной верба расцвела.
Я слышу вновь тревожащее пенье,
Звонящие вдали колокола.
Ликует солнце после долгой хмари,
В ручьи бросая искорки огня.
И нежно расцвела Иван-да-Марья
В моем саду и в сердце у меня.
В мечтах всегда бываю я богатым.

Привыкнув с детства верить чудесам,
Я в сад вхожу, как в царские палаты,
А в лес всегда вхожу, как в Божий храм.
Мир снова полон красоты и света.
Нарядные летают мотыльки.
И на лужайках озорные дети
Плетут из одуванчиков венки.
А вечером я выйду на аллею.
Навстречу мне, как барышня, – луна.
Я буду снова любоваться ею
И от любви хмелеть, как от вина.
Пусть впереди тяжелая дорога.

Не зная ни покоя и ни сна,
Гляжу вокруг и призываю Бога,
Чтоб не была последнею она.

Коррида

Жизнь, как коррида, –
Смертный бой.

Я в ожиданьи боя.

Кому-то нужен был покой,

Но я не знал покоя.

Как будто бы тореадор,

Всю жизнь с быками дрался.

Сам удивляюсь до сих пор,

Как я живым остался.

«Дождь прошел. Распускаются вишни...»

Дождь прошел. Распускаются вишни.
На листочках дрожащий хрусталь.
Воздух стал и прозрачней, и чище,
Посвежела весенняя даль.

Потеплело вокруг, и ликует
Наш цветами увенчанный сад.
Где-то горлица тихо воркует,
Отовсюду плывет аромат.

Ручеек вдоль оврага резвится
И поет дифирамбы весне.
А по небу без усталости мчится
Царь Вселенной на рыжем коне.

Осеннее

Ласково шепчется с речкой осока.
Воздух прозрачен, и тихо окрест.
Гуси, на юг улетаая далекий,
Крикнули мне «до свиданья» с небес.

Вспыхнула роща пожаром багряным.
Песню отпела высокая рожь.
Голову кружит мне, словно я пьяный.
Душу тревожит. С чего? Не поймешь.

Словно безумный куда-то все рвешься,
Изо дня в день по земле колеса.
А обернешься и диву даешься –
Дел еще много, а жизнь почти вся.

Красками осени день разукрашен,
Тянется клин над сторонкой лесной.
Мне на прощание крыльями машет,
Чтоб его вновь ожидал я весной.

Сергею Есенину

Ты юношей начал душою терзаться
И бремя раздумий нести,
Чтоб лире своей безраздельно отдаться,
Ей в жертву себя принести.

Твой разум был к истине волен стремиться,
С любовью мечтать и искать.
Дремавшие души в родную столицу
Шел словом живым пробуждать.

С своим добродушным, улыбчивым взглядом,
Вперед устремляя шаги.
С тобою не только друзья были рядом –
Еще и, к несчастью, враги.

Успехи твои их ужасно бесили.
Они не умели любить.
Нашли лишь, от зависти и от бессилья,
Единственный выход – убить.

И смерть твою трусы решили ускорить.
А ты же – сжимая кулак,

Чтоб нервы больные свои успокоить,
Ходил «причащаться» в кабак.

Порою был пьяным. Но мыслил ты ясно.
Душа пребывала в крови.

Любя свою родину нежно и страстно,
Ты людям пел песню любви.

Но песня осталась твоя недопетой,
А дверь незакрытой в кабак...
У нас на Руси убивают поэтов,
Как будто бродячих собак.

«Всю жизнь мы истину искали...»

Всю жизнь мы истину искали.

За правду до сих пор стоим.

А нас ругают (и ругали).

Давай их, милая, простим.

Ни зло, ни ложь не обойдешь.

И мы понять должны с тобою,

Что краше жизнь не проживешь,

Чем предначертано судьбою.

«Я не люблю, когда ты хмуришься...»

Я не люблю, когда ты хмуришься
И на лице твоём укор,
Когда ты с кем-нибудь на улице
Ведешь сердитый разговор.

Или когда идешь, унылая,
Как подневольная, к венцу.
Ты улыбайся чаще, милая,
Тебе улыбка так к лицу!

На реченьке не видно доньшка,
Ее покрыл декабрьский лед.
Твоя улыбка мне, как солнышко,
Как первой ласточки прилет.

Молитва

Прости меня, мой Царь Небесный,
За ночи грешные и дни,
За плод, вкушенный мной, запретный.
От вражьих козней сохрани.

Избавь от всяких искушений,
Напрасной смерти, бед, скорбей,
Предательства и унижений,
И от навета злых людей.

От восхвалений лицемеров.
И, чтоб не сбился я с пути,
Дай мне любовь, надежду, веру,
Слепую душу просвети.

Со вздыханием, слезами
Прошу я: «В смертный час меня
Избавь от страшных испытаний,
Мытарств и вечного огня».

Старому вдовцу

Жена его ушла в небытие,
А он глядит на карточки ее.
Перебирает книги и белье
И вспоминает прошлое житье.
Своей семьей живут отдельно дети.
Он любит их всего сильнее на свете.
Особенно любимы им внучата,

Крикливые, как малые галчата.
Но не идут к нему ни дети и ни внуки –
Знать, не доходят до него их руки.
Мелькают каждый день чужие лица.
И не с кем ему словом поделиться.
Друзей уж нету. Он в огромном мире
Грустит один в трехкомнатной квартире.

Марш «моржей»

Мы любим жизнь, мы любим вольный свет.
Уверены – грядущее за нами.
Мы будем жить не меньше сотни лет!
Для этого и стали мы «моржами».

Припев: Встречая бодро утренний рассвет,
Мы не боимся ни жары, ни холода.
И сколько б не исполнилось нам лет,
Наш ясен ум и сердце наше молодо!

Купаемся трескучею зимой.
В закалке-тренировке наша сила.
Мы гимн поем купели ледяной,
Которая нас всех объединила.

Припев: Встречая бодро утренний рассвет,
Мы не боимся ни жары, ни холода.
И сколько б не исполнилось нам лет,
Наш ясен ум и сердце наше молодо!

«Ты критик по своей судьбе...»

Ты критик по своей судьбе.
И нагоняешь столько страху:
Когда стихи несешь тебе –
Как будто бы идешь на плаху.
Несладко, что и говорить.
Но... надо критиков любить.

«Ничего нелепей нету...»

(пародия на стихотворение Игоря Чурдалева)

Ничего нелепей нету,
Если под луной
Кто-то движется по снегу
Рядышком со мной.
Не оглядываясь, прямо
Я бегу, аж взмок.
И шепчу в испуге: «Мама,
Только бы не волк».
Обернулся у кювета –
Прекратился хруст.
Никакого зверя нету,
Наст блестящий пуст.
Нет причины опасаться,
Не грозит беда.
Да откуда ж зверю взяться,
Что за ерунда.
Отдышался еле. Тьфу ты.
Шапка набекрень.
Надо ж так: со зверем спутал
Собственную тень.

Акrostих

Мастера-поэты пишут,
Словеса боготворя.
Так меня от этих виршей,
Откровенно говоря,
Что-то тянет на зевоту.
И тоска снедает. Жуть.
Кто бы знал, как мне охота
Уязвить кого-нибудь.

«Мне милый подарил зарю...»

Мне милый подарил зарю,
Закат, луну над морем, звезды.
Ему я как-то говорю:
«Дари, мой друг, пока не поздно!»

Еще он подарил рассвет
И солнце, чтобы было жарко.
Он сможет подарить весь свет,
А на цветы деньжонок жалко.

Госпоже смерти

Плох ли человек, хорош –
Никого не ставишь в грош.
Норовишь застать врасплох
И считаешь каждый вздох.
И здоровый, и больной,
И женатый, холостой,

Доходяга и силач,
И преступник, и палач,
Безработный и банкир,
И герой, и дезертир,
Грубый и легкоранимый,
И судья, и подсудимый,
Рыжий, русый и брюнет,
И художник, и поэт,
Президент страны любой –
Все равны перед тобой.

«Больше нет ни желаний, ни мочи...»

Больше нет ни желаний, ни мочи.

Затухают земные огни.

Досыпаю последние ночи,

Доживаю последние дни.

И теперь ни воды мне, ни хлеба.

Истекает назначенный срок.

Приближается светлое небо.

Исчезает земля из-под ног.

«Мне еще немного жить на вольном свете...»

Мне еще немного жить на вольном свете.
Радоваться солнцу, воздухом дышать.
Смерть с злорадством всюду расставляет сети.
Ей меня давненько хочется поймать.
Разве разузнаешь, разве разгадаешь,
Сколь еще осилю я путей-дорог.

Но уж коль, плутовка, ты меня поймаешь,
Значит, твоей сети избежать не смог.
Там и успокоюсь. Холмик и ограда.
Всем нам уготовано – вместо света тьма.
Вместо солнца жаркого – вечная прохлада.
Вместо вольной волюшки – вечная тюрьма.

«Видно, я свое отжил...»

Видно, я свое отжил,
Отработал свой век,
И теперь для прохожих –
Пожилой человек.
У коллег – на почете.
Сам – всегда начеку.
Каждый день – на учете,
Каждый час – на счету.
Для семьи был опора,
А теперь – нету сил.
Жизнь закончится скоро.
...А как будто не жил.

«На погосте кресты, как мощи...»

На погосте кресты, как мощи,
Вековечный нашли приют.
Им деревья тенистой рощи
Заунывную песню поют.
Неумолчной внимая песне,
Мыслю я, покорясь судьбе:
Как, когда и в каком же месте
Я покой обрету себе.

Похороны

Когда я умру, будет плакать семья,
Тяжелая будет в те дни всем забота.
Соседи придут, незнакомцы, друзья,
С которыми я на заводе работал.

С печалью в лице поглядят на меня,
На свечи и гроб. Повздыхают немного,
Что очень короткая жизни стезя.
И вспомнят про Бога.

Про божеский суд разговор заведут.
А как же? Был грешен страдалец.
Затем на погост на руках понесут
И шествие то замыкать будет старец.

И старцу, что сам соборован уж весь,
Какой-то прохожий вопросик обронит:
«Скажите, а что за процессия здесь?»
Ответит старик: «Работягу хоронят».

«Пока с дружкой лечились от вина...»

Пока с дружкой лечились от вина,
С его квартиры съехала жена.
Потом она ему призналась честно:
«С тобою – с трезвым – жить неинтересно».
Моя ж, напротив, – не проходит дня, –
Твердит, что жить не может без меня.

Я счастлив, что любовью обеспечен,
И перед другом козырнуть мне есть чем.

«Узнал недавно от шофера-друга...»

Узнал недавно от шофера-друга,
Что развелась с ним «верная» супруга.
Причина в том, что он, хоть и не пил,
Зато машину вдребезги разбил.

Советуем ему: «Сойдись с другой!
“Москвич” приобрети недорогой!»
А он в ответ теперь смеется нам:
«Не верю – ни жене, ни тормозам!»

«По отпускам гуляет: то в Сочи, то в Крыму...»

По отпускам гуляет:
То в Сочи, то в Крыму,
А мужа уверяет,
Что предана ему.
И муж, развесив уши,
Пробормотав «о'кей!»,
Ее с восторгом слушает
И верит ей.
Всегда делами занят
До пота, словно черт.
Ей сам билет достанет,
Свезет в аэропорт.
Вдогонку крикнет: «Чао!» –
Уверенный в любви.
...И носит величаво
Рога свои.

«Я сердцем юн, хоть мне уж много лет...»

Я сердцем юн, хоть мне уж много лет.
В душе весна, хоть скоро стану сед.
В глазах любви струится дивный свет.
Наверное, меня счастливей нет.
Я жду поры, ищу с любимой встреч,
Чтоб с нежностью ее коснутся плеч.

Придет она, я ей скажу, любя:
«На всей земле прекрасней нет тебя».
И после этих слов, как в сладком сне,
Она застенчиво «люблю» прошепчет мне.
Я благодарен Богу вновь и вновь,
Что торжествует на земле любовь.

«Я долгие годы скитался один...»

Я долгие годы скитался один.
Не счесть на висках серебринок седин.
Случалось по разным дорогам идти.
Однажды тебя повстречал на пути.

И, как по весне, по тебе загрустил
И руку для дружбы твою попросил.
Ты руку дала мне, влить бодрость сумела,
И жизнь с новой силой во мне закипела.

И я с той поры благодарен судьбе,
Что душу родную увидел в тебе.
С тех пор пусть судьба к нам относится строго,
Идем мы с тобою одною дорогой.

И пусть лиходеи про нас говорят,
Что скоро завянет любовный наш сад.
Плевать мы хотели на всякие слухи,
От зависти сплетники вечно не в духе.

Надежду храню я, что будем мы оба
С тобою жить вместе до самого гроба.

И счастлив я буду с тобою одной –
Ведь мы родились под одною звездой.

«Я в отчаянном раздумье...»

Я в отчаянном раздумье,
Полон горьких мук.
Мне сказали, друг мой умер,
Задушевный друг.
Словно в ясном небе грянул
Надо мною гром.
Подошел ко гробу. Глянул.
В горле ком.
Да, тяжелая утрата
И жесток наш рок.
Ведь и мы умрем когда-то,
Подойдет лишь срок.
Смерть всегда за нами всеми
Ходит по пятам.
Не в одно лишь только время –
Все мы будем там.

«Зарыдала, причитая, безутешно вьюга...»

Зарыдала, причитая,
Безутешно вьюга,
Горько мне напоминая
О кончине друга.

Стонет, плачет беспрестанно,
Слышно по округе.
Так и я не перестану
Горевать о друге.

Отшумят дожди и ветры,
Отверкают грозы,
Но не высохнут на сердце
Пролитые слезы.

Друг

А. Колесову

Прохожих много на земле вокруг,
Идущих недалеко ли, далече ль,
И первого, мне нужного, при встрече
Я очень часто называю: «Друг».

Я вечно в сердце этот звук несу.
И он звучит, как музыка, как песня.
Бредя по городам, полям и весям
Или средь чащи, где-нибудь в лесу.

И если заплутаюсь где в пути
И мне навстречу попадетсЯ кто-то,
Опять спрошу я: «Друг, как мне пройти,
Не забрести б случайно на болото!»

Жизнь нелегка. И долго ль до беды.
Опять бежишь, в твоей душе осадок:
«Друг, выручай, в семействе нелады
И на работе тоже непорядок!»

Давно я знаю верность крепких рук.

И сам, бывает, чем-то помогаю,
Когда мне тоже кто-то молвит вдруг:
«Друг, подскажи, как дальше жить, не знаю!»

И после всяких пережитых мук
Само нам солнце улыбнется с неба.
Жить в одиночку очень плохо, друг.
Каким бы смелым ты и крепким не был.

«В молодости всем был нужен...»

В молодости всем был нужен.

Всех ко мне влекло.

На друзей и на подружек

Мне тогда везло.

А теперь по всей округе

Нету вообще

Ни подруги и ни друга –

Разлюбили все.

«Чтоб любую работу осилить...»

Чтоб любую работу осилить,
Чтоб любое постичь ремесло,
Я прикладывал массу усилий
И терзался, когда не везло.

Жизнь познать мне пришлось слишком рано.
Кое-как был одет и обут.
Видел жадность и зависть с обманом.
Выручали терпенье и труд.
И покамест в груди сердце бьется,
Верю разуму и рукам.
Мне всегда все с трудом достается.
Говорят, что везет дуракам.

«На скамейке около подъезда...»

На скамейке около подъезда
Кумушки судачить собрались.
Не по нраву им пришлась приезжая,
То ль одежда, то ли ее жизнь.
Я спросил: «И что им за забота?»
А сосед ответил: «Есть корысть.
Сплетницам наушничать охота
Так же, как собакам кости грызть».

«Когда в крови огонь, душе борьбы охота...»

Когда в крови огонь, душе борьбы охота.
Но сквозь желанье, веру и мечты
Не кажется ль тебе, поэт, что ты
Лишь повторяешь подвиг Дон Кихота.

Длинна, поэт, крута твоя дорога.
Но от вершины шаг всего лишь вниз.
Вот почему прошу тебя, как Бога:
Уж коль дойдешь – оттуда не сорвись.

Армения

Армения – мой край чудесный.
Моя певучая страна.
Там люди не живут без песен.
У них в душе всегда весна.

Стозвонные ручки резвятся,
А солнце в барабан свой бьет.
Не только люди веселятся,
Там горы водят хоровод.

И я был бесконечно рад
Как гость далекий из России,
Что мне долина Арарат
Свои цветы преподносила.

Великолепнейшее место,
Отдохновение души.
Там зори всходят, как невесты,
Что хоть картины с них пиши.

Красивый бархатный наряд,
Ланит божественные краски.

...А звезды по ночам, как в сказке,
Лишь о любви там говорят.

«Ночь мелькнула черным вороном...»

Ночь мелькнула черным вороном.

Зорька встала, как лиса.

Свет на все четыре стороны

Половодьем разлился.

«О, Боже, где я только не был...»

О, Боже, где я только не был.
Где только не пришлось мне быть.
Однажды изловчился в небе
Свою жар-птицу изловить.

Душой от радости пылая,
Я захмелел, как от вина.
Но, как игрушка золотая,
Мне вдруг наскучила она.

И перестал я с ней возиться.
Открыв своей избы окно,
Я отпустил свою жар-птицу,
Оставив перышко одно.

Друг упрекает, горячится
И негодует: «Ну и ну!»
А я в ответ: перо жар-птицы,
Я им стихи писать начну!

Как в трудностях не отступали,
Как шли сквозь бури и ветра.

Стихи, которые бы стали
Достойны этого пера!

Чтоб для души, не ради хлеба.
Чтоб жизнь воспеть – мечта моя.
Мне так же дорога, как небо,
И наша матушка – земля.

«Один поэт однажды во хмелю...»

Один поэт однажды во хмелю
Стал осуждать на людях жизнь мою.
И в тот же час ответил я ему:
«Судить меня не твоему уму!
А коль во мне заметил грех какой,
Вглядись в себя – ты тоже не святой».

«В лесу я видел поутру росу...»

В лесу я видел поутру росу.
Она на солнышке алмазом разгорелась.
Такую первозданную красу
Руками брать и целовать хотелось.
Как в первый раз, когда на небе синь
Пронзали ласточки полетом быстрым,
Я трогал ветви трепетных осин
И впитывал душою шепот листьев.
Средь мха стояли гномиками пни.
Между деревьев солнышко играло.
Голубкой ворковал ручей в тени.
И сто забот с души моей спадало.
Вот тут не верь попробуй чудесам.
Попробуй красотой не любоваться.
И пропадет целительный бальзам –
Тот дух, которым мне не надышаться.
И встав на бугорок, как на амвон,
Я принимал здесь таинство лесное
И ощущал блаженство неземное,
Как будто бы я видел чудный сон.
Как будто бы во сне, не наяву,
Светлел над головою неба полог.

О, кто бы знал, как несказанно дорог
Мне этот мир, в котором я живу.

«Чуть восток зазолотится...»

Чуть восток зазолотится,
Заалееет чуть,
И уже не спится птицам,
Скоро в дальний путь.

Тучных стай с горы отлогой
Ощущаю свист.
И кружится над дорогой
Пожелтевший лист.

«Ну и что, что мы оба седые...»

Ну и что, что мы оба седые!
Мы и в этот преклонный наш день,
Словно в годы свои молодые,
Любим жизнь, как цветы полевые,
Как цветущую в мае сирень!

«Приходи ко мне в гости, весна...»

Приходи ко мне в гости, весна!
Я открою и дверь, и оконца.
После вьюг, как тяжелого сна,
Буду рад я желанному солнцу.
Жуткий холод на сердце, поверь.
Так тоскливо и скучно порою.
Я не только оконца и дверь –
Пред тобою и душу открою.

Ждет, волнуется сердце в груди,
Потому что тебя нет милее.
Буду ждать. Только ты приходи.
Я молю, приходи поскорее.

Пасха

И на земле, и в вышине
Объята ночь красой нездешней.
От счастья в этой тишине
Я плачу, кающийся грешник.

Свершилось чудо из чудес:
Стою один, как в поле колос,
И слышу чистый с неба голос:
«Христос Воскрес! Христос Воскрес!»

Встает заря. Редет мгла.
Курлычут птицы в поднебесье.
Кругом звонят колокола.
И слышу я: «Христос Воскресе!»

Я на мгновение замру.
И окажусь как будто в сказке.
Играет солнце поутру,
И люди радуются Пасхе.

«Земля вековая, пропахшая хлебом...»

Земля вековая, пропахшая хлебом.
А в воздухе утреннем, словно ключи,
Последним теплом с глади ясного неба
Балуют нас яркого солнца лучи.
Земля вековая. Поля. Перелески.

Края дорогие. И каждый тут куст,
Как будто старинная русская песня,
Наводит осеннюю светлую грусть.
Березы и клены глядят изумленно.
И кружится бабочкой желтой листва.
Ложатся печатью свежо и влюбленно
На сердце стихов золотые слова.

Галине Молостовой

Теперь, когда снова жасмином
Цветущим запахло кругом,
Я вспомнил тот дом с мезонином
И девушку, жившую в нем.

База отдыха «Витязево» г. Анапа. Август 1982 г.

Ту девушку звали Галиной.
Еще до сияния звезд
Встречались мы с ней у жасмина,
Что в их палисаднике рос.

Потом мы подолгу гуляли.
Над лесом закат догорал.
Она про любовь напевала,
А я на гармошке играл.

Любуясь вечерней зарею,
Гуляли мы с ней вдоль села.
С тех пор, опьяненных любовью,
Судьба нас навеки свела.

Живем до сих пор. И не каюсь.
Как прежде, не зная забот,
Я ей на гармошке играю,
Она о любви мне поет.

Поэт

Памяти Федора Сухова

Вечерний ветер щеки холодит,

А он на небо зимнее глядит.

Быть может, у него в душе печаль,

Что так всегда подолгу смотрит вдаль.

А может быть, за той вечерней мглой

Он слышит предков голос неземной.

Глубокой ночью белая метель

Начнет стелить пуховую постель.

Петь жалобные песни до утра.

Ей будет вторить старая ветла.

Но сменится студеная пора,

И вновь подуют теплые ветра.

Растает снег. И в стороне лесной

Запахнет долгожданною весной.

И побегут шумливые ручьи.

Он будет слушать, как кричат грачи.

Как дятел стукнет, заскрипит дергач.

В округе он один такой богач.
Душой богат, не надо потому
Ни золота, ни жемчуга ему.

Жила б земля, и был бы солнца свет.
А для него дороже слова нет.

Под солнцем днем, а ночью под луной
Он так живет в любое время года.

Родимый дом его – весь шар земной,
А крыша дома – купол небосвода.
Он устремляет взгляд, как звездочет,
Его к путям неведомым влечет.

Сам спозаранку где-нибудь в лугах,
И весь землей и травами пропах.
Он любит мир и смотрит на него.
Вовек не разгадать нам дум его.

На стихи Николая Рачкова

День отошел. Смеркаться начинает.
В квартирах зажигаются огни.
Придя с работы, я стихи читаю
Рачковские. Мне дороги они.
Ведь правды в них ему не занимать.
Я вижу, как убитого сыночка,
Что нынче привезли с горячей точки,
С прискорбием оплакивает мать.
Увенчанные лаврами творцы
Лжедемократии судьбу за нас решают.
С каким апломбом зажили дельцы!
С каким трудом крестьяне выживают!
Увидев зло и нищету окрест,
Он, сердцем уподобившись Мессии,
Несет в своих стихах тяжелый крест
Во имя возрождения России,
Чтоб люди свои души берегли,
В тартарары чтоб всем не провалиться,
Чтобы сиял свет неба и земли,
Ходили в церковь Господу молиться.
Чтоб пчелы собирали в улья мед,
Чтобы леса повсюду не горели,

Чтоб урожаи были каждый год,
По праздникам, как прежде, песни пели.
Чтоб разговор вели не о войне,
Чтоб не о ЖКХ кипели страсти,
А о цветущей дорогой стране,
О красоте, достоинстве и счастье.
Доходчивое золотое слово!
Оно кричит нам в наступившей мгле

Из уст поэта нашего, Рачкова:
«О Родине, о жизни, о земле».
За жизнь свою прочел я много книг,
Видал поэтов я немало славных.
Но он в стихах таких высот достиг,
Что по России мало ему равных.

«**Читаю стихи Николая Рачкова...**»

Читаю стихи Николая Рачкова,
Люблю я в них мысли высокий полет.
Мне тайный пленительный свет его слова
Невольно за самое сердце берет.

В стихах его чувствуешь запах гречихи,
То видишь у рощи, как бьют родники,
То как на завалинке мирно и тихо
Беседу ведут меж собой старики.

Об экологии, Боге и хлебе.
Во взорах тревога и горькая грусть
За землю, за лес и высокое небо,
За всю нашу милую матушку – Русь.

Люблю я стихи Николая Рачкова.
В них музыка, нежность, любовь и мечты,
И неувядаемый цвет чистоты,
И Пресвятой Богородицы Слово.

В них Родины нашей победы, потери,
Там солнца лучи росы с травушек пьют.

Стихи у Рачкова о Жизни и Вере.
И в них соловьи и зарянки поют.

«Фиалки, ноготки и васильки в стакане...»

Фиалки, ноготки и васильки в стакане.
И это все – один большой букет.
Вот так и мы, сдружившись в Анкаване,
И русский с белорусом, и армяне,
Как в том букете, нежном и духмяном,
Друг другу дарим и тепло, и свет.

Виктору Кумакшеву

Кумакшеву ныне,
Уздечкой звеня,
В честь именин
Подарили коня.

Друзья поздравляли,
Устроив банкет,
Здоровья желали
И жить много лет.

Закончилось поздно
Веселье и смех.
Жемчужины-звезды
Глядели на всех.

И месяц-полтинник
Свидетелем стал,
Как наш именинник
Коня оседлал.

Что может быть краше:
Ночь при луне

И Виктор Кумакшев
На белом коне.

«Я Божьей милостью поэт...»

Игорь Чурдалев в своем поэтическом выступлении по телевидению сказал, что он не любит, когда поэтов называют «местными». Ему я посветил это стихотворение.

Я Божьей милостью поэт.
И стал стране давно известным.
Но как-то раз один эстет
Назвал меня поэтом местным.
Я хохотал над словом тем,
Над столь эпитетом нелестным.
Поэт, как солнце, светит всем,
А солнце не бывает местным.

Собрату по перу Патвакану Лусину (Мкртчяну)

Отпуск мой окончен. Утром рано
С чемоданом собранный стою.
На прощанье друга Патвакана
Я зову на родину свою.

Говорю: «Я скоро буду дома.
К нам приедешь, будем мы с тобой
По друзьям ходить и по знакомым
И стихи читать наперебой».

Он спросил меня: «Ты мне напишешь,
Как прибудешь в свой родимый край?» –
«Напишу, но ты ко мне, дружище,
Хоть зимой, хоть летом приезжай!»

Улыбнувшись грустными глазами,
Он сказал: «Тебе я не совру.
Только помни, это между нами,
Я приеду, если не помру».

А вершины гор белеют снегом,

И от них не оторвать мне глаз.
Приезжай, мой дорогой коллега,
И тебе понравится у нас.

В санатории Анкаван

Я сегодня не особо занят.
Фотоаппарат с собой – и в путь.
Меня больше на природу тянет –
Хочется душевно отдохнуть.

Потому и встал я нынче рано,
И, пока рассеется туман,
Все облажу горы Анкавана
И махну на озеро Севан.

Я сюда не в первый раз приехал.
И я буду бесконечно рад,
Коль увижу я с горы Маймеха
Горы Арагац и Арарат.

Сколько прохожу я здесь – не знаю,
Опьяненный дикой красотой.

Мне цветы головками кивают,
Чистой окропленные росой.

Здравствуй, утро добрых впечатлений!

«Здравствуй, здравствуй», – слышу я в ответ.
И на травах росы заблестели,
Словно слезы друга давних лет.

Художник

Дмитрию Мезенцеву

Увидел он пейзаж – и сердцем рад.
И мысли забродили, словно вина.
Он пристальный не отрывает взгляд,
Не слышит ничего, что говорят.
В его душе рождается картина.

Береза

Заалела заря, зарумянилась.
Луг покрылся туманом седым.
Подошел я к березе и, кланяясь,
Прошептал: «Сколько лет, сколько зим!
Пополнела, морщинок прибавилось.
Все проходит – жалей, не жалей.
Раньше тонкою талией славилась.
Нынче славишься статью своей.
Смотришь вдаль с затаенной тревогою,
И в каком бы я не был краю,
Тоже чую, как холодом трогает
Ветер времени душу мою».

Майский день

Николаю Захарову

Майский день. Тепло. И солнечно вокруг.
Золотится одуванчиками луг.
В палисаднике душистая сирень
Низко клонится на новенький плетень.

Здесь когда-то пел веселый соловей.
Здесь я встретился с любимую своей.
Ох и страстную любовь моя была!
Колдовским огнем она мне душу жгла.

И казалось нам, что счастья жизнь полна.
И вовеки не окончится она.
Но разъехались мы в разные края,
Навсегда один с тех пор остался я.

Как заря, угасла молодость моя.
И теперь нет ни любви, ни соловья.

«Появился на бел свет...»

Появился на бел свет,
Шустрый, словно мальчик,
С золотою головой
Нежный одуванчик.

Улыбнулась мать-земля,
Молвила: «О, Боже,
Как две капельки воды
Он на солнце схожий».

«Мне говорят...»

Мне говорят: «Ты любишь непокой,
Как молодой влюбиться можешь даже».
Наверно, от природы я такой –
Лицо стареет, а душа все та же.
Любовь моя – божественный обет.
Моя судьба, итог моих свершений.
Она меня хранит от всяких бед,
От всех невзгод и жизненных крушений.
Любовь моя, как солнца ясный свет.
В нее я верю непоколебимо.
Вот почему я и на склоне лет
Не представляю жизни без любимой.

Любимой женщине

Ты, словно утренняя роза,
Собой красива и чиста.

Моя поэзия и проза,
Моя заветная мечта.

Моя надежда и спасенье,
Мое стремленье сквозь года.
Ты – мой восторг и возрожденье,
И путеводная звезда.

Ты – озаренье, сила духа.
Ты – словно музыка в тиши.
Ты – жизни праведной порука,
Моя гармония души.

Ты – моя нежность и прозренья,
Печаль и радость, даль и близь.
Ты – страсть моя и вдохновенье,
Небесный свет, любовь и жизнь.

«Сыр на столе, шампанское и свечи...»

Сыр на столе, шампанское и свечи.
Как в молодости в нас играет кровь!
Мы пьем вино в предновогодний вечер
За нашу верность, счастье и любовь.

«Не гордись и не превозносись...»

Не гордись и не превозносись.
Не злорадствуй и не раздражайся.
Верь, прощай, надейся – в этом жизнь.
В сердце мир храни и улыбайся.

Не прелюбодействуй, кротким будь,
Долготерпелив, в труде усерден.
Будь воздержан, чтобы был твой путь
Скромн, непорочен, милосерден.

Не лукавь, не лги, не осуждай.
Не кури, не пей, не объедайся.

Бога славь и нищим подавай.
В жизни человеком быть старайся.

В.Я. Золиной

Цветами луг пестрел. Я радовался, пел.
Не знал и сам, какой цветок сорвать хотел.
Тогда всего один сорвал я для души,
Хоть для меня они все были хороши.
И, в книжку положив, принес его домой
И вспомнил про него суровою зимой.
Он свежести своей совсем не сохранил,
Но прежней красотой меня к себе манил.
Теперь он высох весь и запаха уж нет,
Но будто он принес мне той весны привет.
И пусть мои года мелькают, как во сне,
Я буду вспоминать всегда о той весне.

Осень

Лес осенний играет на солнце.
То не свечи – березы горят.
Не цыганка бросает червонцы,
А звенит золотой листопад.

Грозовые дожди отшумели.
Жухнет пижма и никнет люпин.
Не костры у дорог разгорелись –
Зарумянились гроздья рябин.

То не серенькой тучи обличье,
То не ветер протяжный поет.

Над полями, прощально курлыча,
В небе клин журавлиный плывет.

Мой отчий край благословенный

Жизнь промелькнет в мгновенье ока.

И я, как человек любой,

По неизбежности жестокой,

Родимый край, прошусь с тобой.

Как все, не избегу я тленья.

Но я душой представить тщусь –

В каком еще там измерении,

В каком пространстве окажусь?

Мне хочется во имя лиры,

Чтоб не порвался наш союз,

Чтоб там же, как и в этом мире,

Я мог бы ощущать твой пульс.

И так же в той дали безбрежной,

Мне незнакомой и чужой,

С любовью пламенной и нежной

Я воспевал бы край родной.

И пусть великий шар земной

Меня б носил по всей Вселенной,

Я знал бы, он всегда со мной,

Мой отчий край благословенный.

Цитаты:

Дым отечества намного приятней, хотя он иногда и очень едкий.

Игорь Кириллов, диктор советского телевидения

Хотящего судьба ведет – нехотящего тащит.

Клеанф, древнегреческий философ-стоик

Проза

В начале войны

В канун Дня Победы в деревне Новопокровское Кстовского района я встретил старого земляка – участника Великой Отечественной войны Пальгуева Михаила Алексеевича, сидящего на крыльце своей избы.

Слева М.А. Пальгуев

Подошел к нему. Мы с ним когда-то плотничали в нашем колхозе «Победа бедноты», затем переименованном в «XXII партсъезда». Разговорились о Второй мировой войне. Оказалось, он был участником строительства оборонительных сооружений, которые рыли в начале Отечественной в нашей Горьковской области, что для меня было ново. Я попросил Михаила Алексеевича рассказать об этом, поскольку это часть истории нашего края, о которой мы, к сожалению, мало знаем.

Михаил Алексеевич закурил, задумался и неторопливо начал рассказывать. «В октябре 1941 года вышло решение Горьковского городского комитета обороны направить все силы на строительство оборонительных сооружений на тех направлениях, куда может проникнуть враг. Поэтому все районы от Волги и до Оки начали выполнять намеченные обязательства.

Государственный архив
Нижегородской области

1941год ЗЕМЛЯНЫЕ РАБОТЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА
ВОКРУГ г. ГОРЬКОГО

1941 год. Земляные работы на строительстве оборонительного рубежа вокруг г. Горького

От нашего колхоза «Победа бедноты» под председательством Ивана Михайловича Бабурин, строгого мужика, послали со взрослыми и нас, шестнадцати и семнадцатилетних: Тоню Пальгуюеву, Катю и Машу Молостовых, Васю Фадеева, Катю Пальгуюеву, Таню Чурушкину, Веру Глодину и многих других. Некоторых в деревню Крутец, что стоит в четырех километрах от Чернышихи, а нас, человек двадцать пять, – в деревню Грязновку Чернухинского сельсовета. Автобусы тогда не ходили. Шли большей частью пешком. Две лошади везли для нас питание да кое-какой скарб. Когда приехали, людей там набралось тьма-тьмуца. Селили человек по десять и более в одной избе. На работу вставали в 5 часов утра. В сухую погоду еще сносно было, а в грязь со снегом невыносимо было идти. Шли строем с фонарями за 7-8 километров от мест проживания. Одеты и обуты почти все были плохо. Рабочий день длился с 7 утра до 6 вечера с обедом в один час. Через каждые 50 минут делали 10-минутный перекур.

За сутки давали одноразовое горячее питание, а на завтрак промерзлый кусок ржаного хлеба, подогретый на костре. При таких условиях мы выполняли свою работу, несмотря на холодный ветер и мороз.

Местность, где проходил рубеж горьковского обвода, бы-

ла непростая – то овраги и лощины, покрытые лесом и кустарником, то поля. Деревья спиливали, пни выкорчевывали, кустарник вырубали и, если земля была мерзлая, вгрызались в нее вручную ломами и кирками. Это потом стали толлом взрывать. А сколько загубили озимых, хороших лугов! Но приходилось жертвовать. Война. Противотанковые рвы были шириной семь метров, по низу – три метра и глубиной три метра. Кроме того, приходилось ставить плотные проволочные заграждения. Над нами нередко пролетали немецкие самолеты. Поскольку на строительстве оборонительных сооружений было больше женщин, летчики, слишком уверенные в своей легкой и быстрой победе, смеясь, сбрасывали листовки на русском языке вот такого содержания:

“Милые гражданочки!

Не ройте свои ямочки.

Приедут наши таночки,

Зароют ваши ямочки”.

Но все были уверены – враг не пройдет и победа будет за нами! И в то же время душа была неспокойна. Мы, ребяташки, помнили, что нас еще ожидает фронт. Те, кто родился в 1924-1925 годах, и я в том числе, ходили на военную подготовку в сельсовет, а для рожденных в 1922 году и ранее всеобщ проводился прямо у противотанковых рвов, в перекур. Их многих оттуда же забирали на фронт.

В конце зимы я заболел тифом. На лошади привез меня Василий Фадеев домой. Больше месяца пролежал я в больнице, а потом пошел в райвоенкомат проситься добровольцем на фронт. А поскольку у меня уже были призваны старший брат и отец (погибший на войне), мне хотели дать отсрочку на год в связи с тем, что у матери оставались двое на руках. И все-таки мне пошли на встречу, весной 1942 года призвали на фронт. Прошел с боями до Германии. Сначала под командованием Ватутина, а затем, когда его убили, Конева. В Германии получил ранение и около двух месяцев пролежал в госпитале. После демобилизации женился на девушке Лидии Грозновой (с которой, кстати, вместе рыли противотанковые рвы). Построили кирпичный дом. Обзавелись семьей, хозяйством. Время летит».

Я смотрю на фотографию фронтовых лет Михаила Алексеевича, которую показывает мне его сын и поясняет: «Здесь он сфотографирован с товарищем уже после победы». Молодой, статный, красивый. Грудь его украшают орден и две медали.

В войну немец бомбил и наши края

Великая Отечественная война краешком задела и наши деревни. И нашим жителям пришлось от нее натерпеться ужасов. Немецкие бомбардировщики и днем и ночью летали бомбить завод им. Ленина, Автозавод и Станкозавод мимо Утечино, через Афонино, Новопокровское, Анкудиновку.

Первый вражеский самолет мы приняли за свой. Он летел низко-низко. Моя старшая сестра вела корову с пастьбы. Увидев самолет, она озорно закричала: «Эроплан, эроплан, посади меня в карман, а в кармане пусто, вырастет капуста». Но, заметив на самолете фашистский знак, мы поняли, что происходит что-то неладное.

Пожилые люди помнят, как ясным солнечным днем 4 ноября 1941 года фашистским стервятником была сброшена бомба на Ленинский завод. Говорят, что, когда немецкий самолет улетал обратно, он сбросил три бомбы у нас в Борщевках (на лугу между нашей деревней Новопокровское и Утечино).

Люди рассуждали по-разному. Одни говорили, что немец сбросил бомбы на луг, чтобы освободиться от груза. Якобы он не хотел больших жертв. Другие уверяли, что он это сделал из трусости. Торопился, чтобы не быть сбитым. Но сбивать-то тогда нечем было. Вблизи Ленинского завода не бы-

ло зениток. В наших краях тоже. Но наш однодеревенец Василий Ляпин в то время был на смене там и видел эту бомбежку. Он утверждал, что в самолет стреляли и пули отскакивали рикошетом.

Не знаю как в городе, а у нас, по свидетельству старожилов Михаила Федоровича Грозного, Анастасии Павловны Каляскиной, Александры Алексеевны Горячевой и других, зенитки и прожектора поставили после этой бомбежки в 1942 году – зенитки за деревней Анкудиновка, недалеко от лесной сторожки, и на Лысой горе, напротив деревни Подновье. А при нашей деревне Новопокровское установили в двух местах (с кузнечихинской стороны и с утечинской) прожектора.

Мне, шестилетнему ребенку, запомнилась особенно одна страшная летняя ночь. Тогда один за другим летели фашистские стервятники бомбить Горький. Мы, дети, прижавшись со всех сторон к матери, сидели, как цыплята вокруг клушки, у своей избы, со страхом наблюдая, как прожектора с разных сторон выискивали летящие высоко в небе немецкие бомбовозы. А зенитки стреляли в них. То ли от выстрелов зениток, то ли от взрывов бомб наш пятистенный крепкий дом то и дело вздрагивал. Мама шептала молитвы и крестилась. А мы крепко-крепко прижимались к ней.

Нам, жителям, от местных властей был дан приказ, чтобы мы сзади дворов вырыли ямы, как бомбоубежища, и укрывались в них от авиабомб. Яма была вырыта и у нас. Покрыли ее длинным железным листом. Но мы не сидели в ней.

Боялись. Мать говорила: «Упадет рядом бомба – и нас может завалить землей. А тут, у избы, все на виду. Самолет будет лететь на нас – убежим». Днем эта яма служила нам, детям, для игр. Мы друг от друга прятались в ней. Перепрыгивали через нее.

Еще я помню, как в Дубничках (это поле учхоза, где поперек него растет полоса дубков) с немецкого самолета был сброшен большой фонарь. В народе его называли паникадило. Может быть, еще сбрасывали в том месте фонари, потому что там было светло почти до утра. Некоторые говорили, что в ту ночь высадили шпиона и якобы при свете ему было легче ориентироваться в незнакомой стороне. Утром я услышал, что на том поле нашли парашют из шелка.

Днем казалось не так страшно. Люди ходили на работу. Разговаривали во весь голос между собой.

Через три дома от нас у Егора Лялина в молельной жили прожектористы. Они все любили меня. Я хорошо помню лейтенанта Ваню Черевко. Он дружил с нашей семьей. Часто ходил к нам. Я был крепким мальчиком. Мать надевала на меня короткие штанишки, красивую рубашку, на кудрявую голову красную пилотку с белой кисточкой. Ваня Черевко брал меня на руки и поднимал высоко, приговаривая: «Ты бутуз, Женько!»

А когда в молельной ставили кино (там иконы были вынесены), девушки-прожектористки брали меня с собой. Помню, я сидел у одной на руках. Фильм показывали про войну.

Как сейчас помню: мужчины (наверное, партизаны) держат длинные винтовки за штыки, приклады их касаются земли. Кино смотрели не все. Некоторые в это время стояли на посту.

Я часто думаю о том, что немецкие самолеты могли наши деревни вообще стереть с лица земли. А они за всю войну разбомбили две избы в Анкудиновке, одну в Афонине и, говорят, еще в Бешенцеве (у Курлаковых). Может, и не все немцы были жестокими, поскольку бомбы сбрасывали не на кирпичный афонинский завод и не на близлежащие деревни, а в овраги и на луга. Я слышал, что много бомб немецкие летчики сбросили за анкудиновский детский санаторий. Якобы железную дорогу бомбили, да не попадали. Чуть. Если бы они захотели, то сделали бы свое черное дело!

Несколько бомб было сброшено в нашем Оксеновском овраге (это место с кузнечихинской стороны вблизи нашей деревни). Еще одна была сброшена в овраг, находящийся между полями, нашим и кузнечихинским. очевидцы рассказывали, что когда немец сбросил бомбы на афонинский луг, то одна не взорвалась. А от взрыва другой бомбы развалило близлежащий стог.

Меня старшая сестра Тамара давно одолевала, чтобы я написал в Москву на передачу «Жди меня» и разыскал Ваню Черевко – украинца. Он нам всем нравился. А сестре в особенности. Ей в ту пору было 13 лет. А Шура Чурушкина, 1922 года рождения (в замужестве Ляпина Александра Се-

меновна), рассказывала мне, что она дружила с прожектористом – Вовкой Козловым. Он москвич. Ее тоже интересовало, как сложилась его жизнь. Я писал, но безрезультатно. Тогда не было таких, как сейчас, технических возможностей.

Время лечит раны и у земли, как у людей. Раньше мне часто попадались на глаза воронки от тех бомб, а теперь не видать. Заило. На их месте растет обыкновенная трава.

Тяжело в ученье – легко в бою

Алексей Александрович Коротков родился 25 декабря 1923 года в деревне Новопокровское Кстовского района Горьковской области в крестьянской семье. Из троих детей он был старшим. Окончив семилетку, помогал отцу и матери по хозяйству. До призыва на военную службу восемнадцатилетним пареньком успел семь месяцев поработать прессовщиком на заводе им. В.И. Ленина.

Шел март 1942 г. Алексей Александрович вспоминает: «Работали мы тогда на заводе по 12 часов. На работу и с работы ходили пешком с Костей Бабуриным и Васей Ляпиным через Дубенки по Александровской дороге, пролегающей между полями деревень Новопокровское и Кузнечиха. И опасались, потому что, когда немецкие самолеты летали бомбить Горький через наши деревни Афонино, Новопокровское и Анкудиновка, близстоящие зенитки стреляли по ним, и осколки от снарядов, падая на землю, могли задеть и нас. Солдаты из воинской части, которая находилась в Кузнечихинском клубе, недалеко от поля, запрещали нам ходить по этой дороге. Но мы ходили, рисковали, потому что от Мызы до нашей деревни это был самый короткий путь. Стрельба по вражеским бомбовозам всегда напоминала мне, что я скоро окажусь участником войны, и я со дня на день ждал

своего призыва. И вот однажды пришел с работы домой, а дома уже собрались родня и соседи. Мать печет кокурки и пироги. У самой слезы текут по щекам. Приготовили мне целый мешок сухарей. Читаю на столе повестку: “Явиться в Кстовский РВК 25 марта 1942 года”. Это значит – на другой день. Утро следующего дня выдалось солнечным. Колхоз выделил подводу, и я с провожатыми поехал в райвоенкомат Старого Кстова. В Кстове собрали сто призывников. Прошли медкомиссию. Политрук сказал, что, прежде чем попасть на фронт, нас повезут учиться на младших офицеров.

30 марта 1942 года, построив в шеренги, нас отправили в Горький на Сортировку, а затем повезли на восток.

Остановились под Свердловском, в лесу, в Еланских военных лагерях.

Отобрали нас 30 новобранцев. Около месяца мы строили там землянки. Спали на постелях из елочных веток. В первых числах мая отправили на шестимесячные курсы в Камышловское пехотное училище, это 18-20 км от Еланских лагерей. Там нам выдали обмундирование. 15 мая мы приняли присягу.

И начали нас учить тактике, маршировать, правильно держать винтовку, как ползать по-пластунски, спастись от конницы, находить врага, приемам штыкового боя (штыками кололи щиты). Ходили на стрельбище, заучивали обязанности бойца и командира. Но доучиться нам не дали. И званий не присвоили.

В сентябре прошел слух о том, что вышел приказ Сталина о контрнаступлении наших войск под Сталинградом и что нас хотят туда отправить. Уже вагоны на железную дорогу подали. Но время шло, а мы, находясь на прежнем месте, продолжали маршировать, ходить на стрельбище. И все-таки пришел тот день, и нас, курсантов трех училищ – Камышловского, Тюменского и Березовского, соединили вместе. Получился смешанный состав. Нашей воинской части дали название: “96-я отдельная стрелковая бригада”. И отправили под Сталинград.

В поезде я сидел напротив окна. Ко мне подошел комиссар нашего вагона (кажется, майор) и говорит: “Послушай, Коротков, может случиться, что над нами будут летать вражеские самолеты и бомбить нас. Вот тебе ручной пулемет (Дегтярёва), если увидишь их, лупи по ним из него через это окошко”. Только проговорил он, слышим гул приближающегося немецкого стервятника. Взрывы бомб. Наш поезд остановился. Некоторые вагоны загорелись. Мы выскочили из них. Из самолета началась пулеметная стрельба. Несколько человек ранило. Послышались крики, стоны. Кругом суматоха. Когда самолет скрылся, все более-менее успокоились. Нас переформировали. Загрузили в уцелевшие вагоны. И мы снова поехали. Тесно стало. А ничего не поделаешь – всем ехать надо. Километров через десять слышим – опять фашистский самолет летит. В этот раз несколько человек убило. Вагоны полностью сгорели. Тут командование

догадалось: днем стали в большой траве хорониться, а ночью идти пешком. Мучила жажда, но воды нигде не было. Наконец, через несколько дней мы подошли к деревушке в семи километрах от Сталинграда. Нас разместили в частные дома. Сталинград стоял под немцем весь разбитый.

На другой день к нам в избу пришел лейтенант и забрал меня со всем боевым снаряжением. Собрали таких, как я, около сотни солдат, привели в штаб бригады. Переписали. И на построении объявили, что нас зачислили в комендантскую роту. Под туннелем были комнаты, в которых размещался штаб корпуса, и мы стали его охранять.

Однажды, стоя на посту, я видел Георгия Жукова, беседовавшего с Константином Рокоссовским.

Наступательная операция нашей армии за Сталинград началась 19 ноября 1942 года. В нескольких боях за него пришлось участвовать и мне.

Расскажу, когда меня ранило. Наш взвод состоял из тридцати бойцов. Время было 12 часов ночи. Капитан поставил задачу – взять тракторный завод. Подошли к переднему краю. Притаились. Слева было видно, как летели трассирующие пули. Это стреляли немцы из пулемета. А с правой стороны бил миномет. Мы с товарищем вызвались сначала взять пулемет. Подползли поближе. Смотрим, ствол его закреплен на бруствере траншеи и наставлен в нашу сторону. Подбежали к траншее. Она была открытая. В ней сидели и разговаривали двое молодых немцев. Мы их обезоружили и

забрали с собой. Привели к капитану. Он их передал младшему лейтенанту, чтобы тот отвел в штаб. Таким же образом мы и минометчиков обезоружили и захватили. В этот раз я был ранен осколком снаряда в левое предплечье. В захвате тракторного завода я уже не участвовал. Меня отправили в саратовский госпиталь. Пролежал там с декабря 1942 по февраль 1943 года. После выписки увидел, что таких, как я, оказался целый эшелон. Повезли нас в Саратовскую область. Привели к какой-то школе. Капитан сказал: “Вот здесь вы будете учиться на снайперов”. Проучились март, апрель и май. После учебы направили в Орловскую область. Меня распределили в 399-ю дивизию. В первую очередь отвели в столовую. Повар налил мне тарелку супу. Только я сел за стол и начал кушать, ко мне подошел солдат. Он спросил меня: “Ты откуда родом?” Я ответил: “Из деревни Новопокровское Горьковской области. Только что прибыл из школы снайперов”. – “А я из соседней деревни Утечино. Значит, земляки. Сейчас нахожусь в разведроте”. Он тогда куда-то торопился, сказал: “Еще увидимся”. Но я его больше нигде не видел.

Следующий раз меня ранило в правое бедро. Ночью на передовой линии недалеко от реки Сож (Сож – это левый приток Днепра в Гомельской области) мы выбили немцев из передних траншей. Заняли выгодную позицию. Но после этого боя у нас не осталось ни гранат, ни других боеприпасов. Немцы словно учуяли, и давай нас теснить назад. Схва-

тились в рукопашную. За неимением оружия мы вынуждены были кидаться камнями, а то и просто землей. Отняли у них несколько винтовок и пулемет. Многих наших товарищей тогда тяжело ранило, а я отделался легким ранением. И все-таки свою позицию мы удержали.

В другой раз меня чуть не убило. Да, видимо, не суждено было тому случиться. Это происходило в Орловской области, ночью, у маленькой деревушки Александровки. Ее наши солдаты прозвали “Семидомики”, потому что в ней находилось всего около десятка изб. Рядом с ней размещалась огневая точка. Оттуда стреляла пушка. Нам поручили уничтожить ее. Молодой, неопытный лейтенант, только что прибывший к нам, и шестеро бойцов шли впереди нас со станковым пулеметом, а мы с рядовым Февралевым – сзади них. Лейтенант дал очередь из пулемета в то место, откуда стреляла пушка. А из станкового пулемета ночью, когда нет наступления, стрелять нельзя, нам это еще на учебных занятиях говорили, потому что при выстреле из него вылетает пламя, и враг может этим воспользоваться, определить наше местонахождение. Между нами и немцем было примерно метров сто. И, действительно, после этого выстрела противник уничтожил весь наш расчет. Смертельно ранило и находившегося рядом со мной Февралева, который был родом из Костромы. Он лишь успел проговорить: “Коротков, передай жене...” – и скончался. В живых я остался один. До этого еще я, глядя в бинокль, заметил снайпера. Притаившись, начал

следить за ним. Оказалось, что я следил за ним, а он за мной. Впереди стоял куст репейника. Когда снайпер выстрелил в меня, пуля попала в ствол репейника и разорвалась. Я только увидел перед собой вспышку искр. Снайпер, наверно, подумал, что убил меня. Чуть привстал, видимо, хотел сменить место своего положения, я его в этот момент и шлепнул».

Долгий фронтовой путь прошел Алексей Коротков. Очень тяжелый и опасный. И все-таки выжил. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

День Победы встретил в портовом городке Пиллау (ныне Балтийск), который находится неподалеку от Калининграда.

Демобилизовался в марте 1947 года в звании старшего сержанта. Женится в 1948 году. Вырастили с женой четверых сыновей. Жена умерла в 1990 году в возрасте 62 лет. Теперь уже выросли внуки.

Алексей Александрович, как участник войны, получил в Нижнем Новгороде квартиру, но жил в деревне. Занимался личным подсобным хозяйством. На восьмидесятом году стал плохо слышать, а позднее потерял зрение. Скончался на 91 году в марте 2014 года.

P.S. Алексей Александрович – мой родственник. Я хорошо помню те дни, когда его провожали на войну и когда он вернулся. После приезда захожу к ним в избу, а у них вся передняя комната расклеена военными плакатами. Один плакат мне особо запомнился – солдат, рвущийся в бой, и под ним надпись: «Тяжело в ученье – легко в бою».

Память о страшной войне

Владимира Алексеевича Новожилова призвали на войну с завода им. В.И. Ульянова (ныне Термаль), работал он там (после окончания ремесленного училища) слесарем в седьмом сборочном цехе. В декабре 1942 г., как только ему исполнилось 17 лет, его и многих других горьковских ребят зачислили курсантами в Арзамасское пулеметно-минометное училище. В училище они приобрели отличнейшие знания. Закалку на всю жизнь. Через полгода им сказали: «Товарищи курсанты, настало время и вам защищать нашу Родину от фашистских захватчиков».

Привезли их в подмосковный город Раменское, где была сформирована 10-ая гвардейская воздушно-десантная бригада, впоследствии преобразованная в 301-й гвардейский парашютно-десантный полк в составе 100-й гвардейской дивизии. Так у Владимира Новожилова началась служба в десантных войсках с особой подготовкой.

В начале лета 1943 года они прибыли в Карелию на станцию Оять. Сделали несколько марш-бросков. Марши были такими, что по двое-трое суток не спали. Последним марш-броском десантники выдвинулись в район города Лодейное поле и после сильной артподготовки и авиационных ударов форсировали широкую и полноводную реку Свирь.

Следующий бой состоялся у небольшого городка Самбатукса. Здесь его ранило в ногу. Ранен был Владимир Алексеевич не единожды. Особенно памятен был бой под городом Сортавалой, у высоты «Карельская». Здесь его 6 июля 1944 года тяжело ранило. Владимир Алексеевич вспоминал: «был взрыв мины такой силы, что меня оглушило и осколком снаряда пробило каску, ранило голову, бровь и глаз. Я закрыл лицо руками и упал в бессознании. Через какое-то время, сквозь шум, услышал мужской голос: “С какой бригады, орел?” Это вслед за наступающими солдатами шел командир бригады Харазия Хасан Лагусанович со своей охраной. Я не мог слова произнести. Меня сразу же положили на палатку и вынесли с поля боя. Положили рядом с другими тяжелоранеными. Они стонали. Через некоторое время их стоны прекратились. Они умерли.

Меня сначала привезли в Олонецкий монастырь. Там собрали всех раненых и повезли в город Визлицу в госпиталь. Увидев мое лицо, главврач сказал санитарам: «Этого на стол!» На столе я ощутил жуткую боль. Мне удалили зрительный нерв. Врач приказал дать мне водки. Выпив три глотка, я провалился... не знаю куда. Потом нас погрузили на баржу и отправили через Ладожское озеро. В конце июля привезли в город Бабаево Вологодской области. В госпиталях долго не задерживали. Увидев, что я начал поправляться, меня хотели отправить в стройбат. Но, сделав на рентгене снимок головы, увидели над переносицей осколок. И меня

направили санитарным поездом в город Киров. Там, в госпитале, контр-адмирал, профессор Засосов – седой, высокий, здоровый мужчина, поглядев на снимок, произнес: “Сынок, да как ты живым остался?” Профессор, переговорив с главным врачом по фамилии Шварц, предложил сделать операцию. Показали мне киянку и стамеску, чем они будут долбить мне переносицу, чтобы извлечь оттуда минный осколок. Я лежал в большом зале. Был ходячим больным, как и другие некоторые солдаты. Я ходил, нервничал, знал, что скоро мне начнут делать операцию. Знали об этом и мои товарищи. Невдалеке они играли в домино. Один мой товарищ, сержант Трушкин, пригласил меня сыграть с ними. И в шутку сказал: “Если ты сейчас наберешь более 17 очков, значит, зарежут тебя, а если нет, то будешь жить”. И я стал с ними играть в домино. Игра закончилась “рыбой”, и у меня оказалось 18 очков. Я поверил “предсказанию” сержанта Трушкина. И перед операцией спрятался под крыльцо, сжавшись в комок. Часа через три загремели ведрами, посудой. Я вылез на обед. Медсестра спросила: “Новожилов, где ты был?” – “Здесь”, – соврал я. На другой день профессор Засосов мне сказал: “Мы делать операцию передумали. Тебе вытащат осколок на гражданке. Ты сам видел, какой у нас инструмент. У тебя осколок зарастет капсулой, но голова будет болеть”».

Из госпиталя гвардии сержанта Новожилова отправили на пересылку, а оттуда с другими сослуживцами в запасной

полк.

За бой под Сортавалой Владимира Алексеевича наградили орденом Славы третьей степени – самой дорогой солдатской наградой. Много фронтовых дорог прошел десантник Новожилов. Прослужив до 1947 года, он демобилизовался и вернулся на свой родной завод. Там он за активное участие в рационализации и трудовую деятельность в 1957 году был награжден медалью «За трудовое отличие». В феврале 1978 года удостоился новой правительственной награды – Ордена Октябрьской революции. В 1989 году за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства СССР награжден серебряной медалью ВДНХ. Свыше пятнадцати лет он являлся заместителем председателя Совета ветеранов-десантников Нижегородской области.

Пророчество профессора Засосова оказалось верным. Прошло 60 лет. Владимир Алексеевич поехал в больницу имени Семашко и обратился к врачу – отоларингологу Ковальчуку Юрию Михайловичу – по поводу полипа в носу и показал ему снимок, чтобы он увидел, где находится осколок. Ковальчук удалил и полип, и осколок. Осколок настолько окислился, что Новожилов долго отмывал его. Он у него хранился, как память о страшной войне. Владимир Алексеевич прожил большую и яркую жизнь. Умер он в августе 2011 года в возрасте 86 лет.

Он чудом остался в живых

С Кириллом Петровичем Петровым мы познакомились нынешней зимой во время одной из прогулок возле стадиона поселка Селекция, на котором ребятня почти каждый вечер при свете электрических лампочек каталась по льду на коньках. А мы, увлекшись разговорами, ходили взад и вперед, делаясь впечатлениями из личной жизни. Кирилл Петрович заинтересовал меня своей необыкновенной судьбой. Интеллигентный и чрезвычайно скромный человек, он прожил большую и полезную для общества жизнь. Должность у него была – главный агроном. Кандидат сельскохозяйственных наук. Бывший фронтовик. Ветеран Великой Отечественной войны. Я попросил его поподробнее рассказать о себе и пережитых событиях в ту войну, на которой он чудом остался в живых.

«Я родился, – начал Кирилл Петрович, – 11 января 1918 года в деревне Табанары Цивильского района Чувашской АССР младшим из шестерых детей. Родители – крестьяне. В 1937 году с отличием окончил Цивильский сельскохозяйственный техникум. В то время окончивших с отличием техникум направляли для поступления в сельскохозяйственный институт без экзаменов. Родители мои были старые и нуждались в заботе, поэтому я не пошел в институт, а поступил

работать участковым агрономом в Чебоксарский МТС.

Через год меня призвали в армию. По прибытии в Киев попал в артиллерийский дивизион, где проходил службу в течение года. Там мне присвоили звание заместителя политука роты и направили в пулеметную роту на должность политука роты.

В 1940 г. я переехал в Ленинград для поступления в военно-топографическое училище. Выдержав конкурс, стал курсантом этого училища. На первом же году учебы меня приняли в члены партии. Рекомендации дали из 29-го отдельного стрелкового батальона местных войск, где служили ранее в Киеве командир батальона Николаев и комиссар батальона Бескровный.

Когда началась война, это училище передислоцировали в Горьковскую область, Павловский район. Располагалось оно недалеко от села Абабково в бывшем монастыре.

В апреле 1942 г., по окончании училища, мне присвоили звание лейтенанта и направили на Первый Украинский фронт (бывший Воронежский фронт) в распоряжение отдела кадров артиллерии фронта. И там сразу же назначили вторым помощником начальника отдела кадров. Это была для молодого лейтенанта высокая должность. Но работа в тылу меня не устраивала. Дни казались долгими и нудными. В течение месяца работы вторым помощником при штабе я трижды подавал рапорт, чтобы направили на передовую. И наконец просьбу удовлетворили.

Попал в 131-й артиллерийский полк на должность командира взвода топографической разведки (с исполнением должности командира штабной батареи).

131-й артиллерийский полк только что вышел из боевых действий и заново укомплектовывался и обучался в течение полутора месяцев недалеко от города Старый Оскол.

После формирования и обучения полк выступил на передовые позиции. Однако на передовой полку выполнять боевую задачу пришлось короткое время. Впередистоящие войска начали отступать, и полк потерял связь с дивизией.

Стояло начало лета 1942 г. Командир полка дал приказ сняться с передовых огневых позиций. Мне дал приказ, как топографу, вывезти ночью штаб и штабную батарею в назначенное место.

К утру приказ командира был выполнен. Я еще не успел позавтракать, как ко мне прибежал посыльный, докладывает: “Товарищ лейтенант, вас вызывает к себе начальник штаба”.

Я быстро сел на коня и поскакал. Начальник штаба приказал: “Штаб полка и штабную батарею передислоцировать на новое место!” И этот приказ был выполнен. Но обстановка складывалась сложно. Кругом летали вражеские самолеты и был слышен гул и рокот танков. Мы стояли и ждали дальнейших распоряжений. В это время комиссар батареи политрук Сердюк быстрым шагом подошел ко мне и говорит: “Лейтенант Петров, поезжайте еще раз к начальнику штаба и

командиру полка, выясните обстановку и спросите, что нам дальше делать”. Я снова помчался туда. Однако я там никого не нашел. Повернул коня и галопом поскакал обратно в наш штаб полка и штабную батарею. Но и здесь никого не застал. Я остался один. Коня расседлал и пустил на волю. Он мне больше был не нужен. Спустился в овраг, в кустарники. Там встретил своих семерых разведчиков, и мы вместе пошли в сторону реки Оскол, где рядом с ней притулилась небольшая деревенька. Туда бежали все оставшиеся солдаты, попавшие в окружение. У реки Оскол один полковник формировал из прибегавших солдат и офицеров пехотные роты, чтобы форсировать эту реку. И вот первая рота пошла к реке, а в это время немцы подожгли деревню. Солдат, бросившихся переплывать реку, они с той стороны встретили пулеметным огнем. Слышались ругань, крики и стоны утопающих. Невдалеке я заметил капитана-артиллериста с несколькими солдатами и орудием. Спросил его: “Вы что хотите делать?” Он ответил: “Пока пойдем с орудием вверх по берегу реки Оскол, а там видно будет!” И я со своими солдатами присоединился к нему. Прошли километров пять и остановились у одной деревни. Капитан пошел в деревню, а мы, очень уставшие, остались у орудия. Прилегли прямо на землю и уснули. Через какое-то время я почувствовал, что меня кто-то будит тихим голосом: “Вставай”. А я продолжал спать. Второй раз я услышал голос громче: “Вставай!” И в этот раз у меня глаза слипались, и я никак не мог поднять от земли голову. В тре-

тый раз я услышал прямо над ухом просительный, но очень громкий голос: “Вста-а-ва-ай!” Я вскочил и увидел, что наши солдаты все спят, как убитые, а неподалеку на нас идет группа немцев. Я крикнул: “Ребята, вставайте, немцы идут!” Они уже по нам открыли огонь. Мы еле успели зарядить орудие и выстрелить в них. И сумели-таки отразить атаку. Думаю, Бог помог. Раньше я не так верил в Бога, с этих пор поверил всем сердцем. Когда бы ни пошел на передний край для засечки целей противника, всегда вспоминал Бога. Просил его помочь мне выполнить боевое задание. Но никогда об этом никому не говорил. У нас снаряды тогда кончились, и мы оставили это орудие. И двинулись дальше. Через реку Оскол нас переправили мальчишки на лодках. Я в благодарность им отдал свои часы. И мы мелкими группами пошли на восток, чтобы выйти к своим войскам.

Со мной остались двое: младший лейтенант и старший лейтенант (начфин части одного полка). Мы долго шли, в основном ночами, а днем спали во ржи. Наконец, у одного села остановились. Я сходил в крайнюю избу и попросил хлеба и воды. Перекусили. Тут старший лейтенант говорит: “Я с Украины, моя родина занята немцами, пойду домой!” Младший лейтенант сказал: “А я из Смоленской области, моя земля тоже под немцами. И я пойду домой!”

Я понял, что они в мое отсутствие сговорились и начал их со слезами на глазах убеждать: “Не делайте этого. Война еще не кончилась. Мы победим!” Но они ушли. И я опять

остался один».

В это время я прервал Кирилла Петровича и спросил: «Дома, наверное, тревожились за вас, поскольку не получали от вас писем?» Он ответил: «У меня дома остались тогда только старые родители. Две сестры были замужем, имели детей и жили отдельно. Один брат в раннем возрасте умер. А два старших брата тоже воевали. Мать с отцом, конечно, больше плакали обо мне. Думали, что меня убили. Когда я вышел из окружения и написал им письмо, они в ответе мне полуграмотно написали: “Сыночек, мы по тебе очень горевали. День и ночь молились Богу. И ждали твоего письма. Плакали кровавыми слезами”. Я думал, что они преувеличенно выразились: “плакали кровавыми слезами”, но отец мне потом рассказывал, что из глаз их действительно не слезы текли, а кровь, потому что слишком много плакали».

Кирилл Петрович приложил правую руку к груди и пожаловался: «Вот вспомнил все это и за сердце схватило!» Тут я вспомнил, что моему собеседнику пошел уже 83-й год и не стоит его беспокоить лишними вопросами.

Спустя некоторое время, он успокоился и продолжил: «Так вот я с попутчиками разминулся и пошел своей дорогой. Пройдя километров восемь, увидел на пригорке деревню. А посреди деревни немецкие машины. Чтобы немцы не заметили меня, пошел огородами. Завидев густую яблоню, сучья которой под тяжестью яблок касались земли, я незаметно подошел к ней и обнаружил под деревом сидящих сол-

дат из окруженной группировки. Их было человек 10-12. Поздоровался с ними. Узнал, что они тоже продвигаются к нашим. Но каким путем? Когда? Мнения у всех оказались разные. Я спросил: “Кто пойдет со мною, вот сейчас?” Согласился один солдат, башкир по национальности, Рахматулин Агель. Я его назвал Алеша.

С ним мы долго шли на восток. В одной деревне переоделись в гражданскую одежду. Днем прошли в районный центр (Уколовский район Воронежской области) – село Красное и решили зайти в лес, покушать ягод. Прошли по опушке леса метров сто, видим, нас догоняет немецкая легковая машина. Офицер спрашивает нас через переводчика-старика: “Откуда вы? И куда идете?” Я ответил: “Идем домой с окопной работы!” (Мы проходили мимо вырытых нашими противотанковых окопов и рвов. И это меня надоумило.) Немецкий офицер пристально посмотрел на меня и говорит: “Вон там большая дорога! Идите туда!” Но мы, как только легковушка скрылась, усталые, решили все-таки зайти в лес, отдохнуть и поесть ягод, поскольку были очень голодные. Немного отошли, смотрим – впереди стоит грузовая машина, полная немецких солдат. Старший машины – фельдфебель – нас остановил и закричал: “Партизан! Партизан!” Посадили нас на землю и стали обыскивать. Вытащили у меня из бумажника деньги, письма, фотографии и положили на землю все. Удостоверение офицера мне еще тогда не выдали. Фельдфебель настойчиво принялся нас еще раз обыскивать. Провел

по моему туловищу руками, чтобы удостовериться нет ли у меня чего-нибудь компрометирующего. У меня в фуфайке был зашит партийный билет. Я подумал: “Как только фельдфебель найдет мой партийный билет, меня сразу же расстреляют”. Перед нами только что вывели из леса одного военного и расстреляли, как партизана, найдя у него партбилет. Стоял июль, погода была солнечная. Как мне не хотелось умирать! В это время подъезжает опять та же легковая машина с офицером. И фельдфебель побежал к нему докладывать, что поймал партизан. Пришлось подойти к офицеру и объяснить ему, что мы не партизаны! Офицер в этот раз посмотрел на меня сердито и громко сказал через переводчика: “Я же вам велел выходить на большую дорогу!” Показав рукой в сторону дороги, он отпустил нас.

Наши войска находились за Доном. Но как туда пробраться? Не отдохнув и не поотведав ягод, мы вышли на большую дорогу и пошли в сторону близлежащего населенного пункта. Прошли километров пятнадцать, прежде чем увидели мальчика лет двенадцати, пасущего жеребенка. Спросили у него: “Есть ли в деревне немцы?” Он говорит: “Немцев нет!” Далее спрашиваем: “Кто староста?” Мальчик ответил: “Андрей Алексеевич Капустин, бывший директор средней школы”. Мы с Алешей, измотанные, решили в этой деревне остановиться хоть на недельку, подкрепить свои силы. Пошли к старосте домой. Жена его только что испекла хлеба. Отрезала нам по кусочку, налила молока. Самого Ан-

дريا Алексеевича дома не было. Хозяйка сказала: “Он у своего помощника”. Перекусив, мы пошли искать его. Встретив старосту, объяснили ему, что мы из окружения. Не разрешит ли он нам пожить в деревне? Деревня называлась Расховецкое. Староста ответил: “Живите. Ночевать можете в школе”. Пришли в школу. Там все было перевернуто кверху дном. На полу валялись книги, тетради. Вышли на улицу. Сидим на крыльце. Смотрим через дорогу – стоит пятистенный дом. Хозяин во дворе что-то делает. Я послал Алешу узнать, не разрешит ли он нам переночевать у него. Хозяин оказался добрым. Инвалид гражданской войны, звать Демьяном. В одной половине избы сам жил с женой, в другой было навалено сено. Мы там и поселились. Демьян покормил нас, побрил и спать положил. Утром встали, он уже каждому из нас нашел работу: меня послал в лес косить траву, а Алешу колоть дрова к другому хозяину. Так, переходя из одного дома в другой, мы выполняли всевозможные работы: убирали зерновые, молотили, строили погреба.

Прожили в той деревне до декабря 1942 года. Декабрьской ночью пришли полицейские, спросили хозяев: “Дома ли у вас окруженец?” – и сказали, чтобы я через час явился в комендатуру. Я понял, что нас, “окруженцев”, хотят куда-то отправить. Мы с Алешей жили в разных избах. Он на ту ночь ушел по какому-то делу в другую деревню. Я встал, оделся, перекусил на дорожку. Достал из фуфайки свой партийный билет, завернул его в тряпку и закопал сзади избы в

укромном месте. Затем пошел в комендатуру, где при Советской власти размещался сельский совет. Оттуда нас отправили в районный центр, село Красное, через которое летом мы шли в деревню Расховецкое. Там собралось очень много нас – окруженцев. Наутро построили в колонну по четыре и погнали в неизвестном направлении. Шли два дня. Прибыли в село Истопное, Воронежской же области. Там размещался лагерь военнопленных. Нас выстроили в шеренгу и стали выкликать по специальностям: “Кто кузнец? Кто плотник? Кто портной?” и т.д. Я тихо проговорил: “Не знаю, на какую специальность мне выходить?” Товарищ, с которым я познакомился в пути, ответил: “Ни на какую не выходи!” Потом, когда спросили: “Кто больной?”, он сказал: “Вот теперь выходи!” Нас, “больных”, и этого товарища собрали в один дом, где даже стоять было тесно. Ночью мне этот товарищ говорит: “Иди посмотри, как нас охраняют!” Я вышел, будто в туалет, смотрю, немцы по двое патрулируют по улице, не останавливаясь ни у одного дома. Рассказал об этом товарищу. Он говорит: “Надо бежать нам”. Я сказал: “Согласен!” В эту первую ночь мы не смогли убежать, но во вторую, оставив свои котомки, убежали. Ночь была темная. Быстрым шагом прошли более 20 км. Зашли в один хутор и у одних хозяев попросились заночевать. У них и остались.

Через неделю или две сюда пришли наши войска. Мы сразу же пошли в особый отдел. Мой товарищ, с которым бежали (он, видимо, был послан нашей разведкой), сказал там,

что я преданный человек, погрешностей за мной нет, и особый отдел без лишних разговоров выписал мне направление в 911-й артполк на свою же должность. Через полтора месяца я догнал 911-й артполк. Пришел в часть, в которую меня направили. Генерал, командующий артиллерией, посмотрев на меня, 22-летнего, исхудавшего и оборванного, обутого в лапти, паренька, сказал: “Как ты добрался, сынок! Ты первым из окруженцев явился в часть” – и сразу послал меня на должность командира топографического взвода первого дивизиона, где я прослужил до апреля 1944 года.

Здесь я обратился в парткомиссию в отношении восстановления меня в партии. Но мне сказали: “Пока восстановить в партии не можем. Нужен партбилет”. Я спросил: “Может, мне съездить в ту деревню Расховецкое, теперь уже от немцев освобожденную, и привезти его?” Мне ответили: “Сейчас не время разъезжать!”

Действительно, мы в это время активно наступали. Много боевых действий было. Мой взвод и я лично не выходили с переднего края. Днем и ночью привязывали боевые порядки артиллерии, ползком засекали цели противника на переднем крае и за передним краем. Готовили данные для стрельбы орудий. Мне не раз было приказано готовить наградные листы для солдат и сержантов, которым потом вручали ордена и медали, а меня, как человека, бывшего в окружении, ни разу не награждали ничем. Мне стыдно было перед солдатами и сержантами. У них вся грудь в орденах и медалях, а у ме-

ня, как чисто поле – пустое. Других офицеров через каждые три месяца повышали в звании, а меня и здесь “упускали из виду”. И приходилось помалкивать. Не будешь же требовать для себя награды или повышения звания.

Однажды, когда мы пришли после очередного задания, начальник штаба подошел ко мне и сказал: “Я понимаю, что вы слишком рискуете своей жизнью и достойны многих наград. Но поймите, я не менее десятка раз ходатайствовал о вашем награждении. Особый отдел не пропускает!” И однажды по-товарищески сказал: “Мы вас направим в другую часть, чтобы не было у вас в наградном листе надписи «прибыл из окружения»”. И вскоре направили в распоряжение отдела кадров армии.

Отдел кадров армии направил меня в 14-й гвардейский Отдельный разведывательный артиллерийский дивизион. Здесь мы также готовили артиллерийские пункты координаты для привязки боевых порядков артиллерий полка. Наша работа топографов была очень точной и опасной. Если я дам неправильно координаты артиллерийской батареи и наших наблюдательных пунктов, то не будет точности стрельбы, и противник не будет уничтожен. Я весь отдавался своей работе. Изучил ее досконально. И это меня не единожды выручало. Однажды произошел такой эпизод.

Летом 1944 года, когда наши войска находились на Украине, к нам в штаб дивизиона прибыл один полковник, якобы из штаба армии. Командир дивизиона приказал мне, как ко-

мандиру топографического взвода, идти с ним на наблюдательный пункт дивизиона, где он будет проверять схему пристрелки огней на стороне противника нашими батареями. Я прихватил с собой связиста и разведчика. Зашли в блиндаж наблюдательного пункта. Каждый занял свое место. Я – у амбразуры сектора наблюдения с топографическим планшетом, где была приклеена топографическая карта масштаба 1:10000. Связист – у телефонного аппарата, чтобы передавать мою команду на батарею для стрельбы. Разведчик встал в стороне, у выхода, с автоматом в руках. А полковник у стереотрубы, чтобы проверять, как пристрелены цели на стороне противника. По-артиллерийски – это неподвижные заградительные огни (НЗО). Самые видные местные предметы, цель на стороне противника. Например: отдельно стоящее дерево, ветряная мельница, купол церкви и т.д. Когда я провел по заранее пристреленным целям повторную стрельбу, полковник, увидев, как снаряды точно ложатся на цели, вместо того чтобы быть довольным, стиснул зубы и занервничал. И дал мне новую задачу. Я думал, чтобы еще раз проверить, насколько я быстро готовлю данные, но ему, оказывается, нужна была обыкновенная ко мне придирка. Строго, но тихо он говорит мне: “Видите, вон там стоит кустик, предположим, что это пулемет противника. Дайте огонь!” Я свои расчеты так отработал, что для меня никакого труда не составляло это сделать. Еще раз посмотрев на местность, визуально определил, где находится этот предполагаемый “пуле-

мет”, рассчитал в уме расстояние на местности до “пулемета” и, мгновенно определив на карте расстояние от наблюдательного пункта, тут же стал внимательно и быстро готовить данные для стрельбы.

Через минуту-другую полковник вытащил из своей кобуры пистолет и гневным голосом произнес: “Я пристрелю вас. Вы задерживаете данные для стрельбы!” К этому времени данные у меня уже были готовы. И он это видел. Я успел измерить целлулоидным кругом на карте угломер, сантиметровой линейкой измерил расстояние от огневой позиции до указанного “пулемета”, определил прицел и, не обращая внимания на гневный окрик полковника, стал громко диктовать связисту команду для стрельбы на огневую позицию. Как только снаряды упали на место предполагаемого пулемета, от того кустика не осталось и следа, и в это время полковник неторопливо положил свой пистолет в кобуру и, не оглядываясь на нас, ушел с наблюдательного пункта. После его ухода я подумал: “Если бы на моем лице хоть один мускул дрогнул, полковник бы пристрелил меня”. Мое деловое спокойствие сбило его спесь. Разведчик, который неподалеку стоял с автоматом, сказал мне: “Товарищ лейтенант, вы работали как всегда четко и быстро. Он ни за что придирался к вам! Если б он в вас выстрелил, я бы его всего изрешетил!” Больше этого полковника никто и нигде не видел. Командир дивизиона просил нас, чтобы мы никому не говорили об этом полковнике. Загадка, да и только.

А вот еще один случай. Это было в Польше. Служил я в том же 14-ом гвардейском разведывательном дивизионе. Как-то раз меня вызывает к себе в штаб командир дивизиона майор Кузнецов и приказывает: “Привяжите наблюдательный пункт батареи оптической разведки!” Этот наблюдательный пункт находился на опушке леса. Я пояснил майору, что днем мы демаскируем себя перед немцами. Однако он строго сказал: “Идите и выполняйте приказ!” Я знал, что за невыполнение приказа по закону военного времени могут расстрелять. Идти на задание – тоже верная гибель. Но пошел со своим взводом выполнять приказ. Только заранее предупредил об этом наблюдателей из батареи оптической разведки, чтобы они ушли на время нашей работы в лес, подальше от наблюдательного пункта, потому что противник нас будет видеть, как на ладони. Своим солдатам тоже строго сказал, чтобы работали виртуозно, быстро и точно. Вышел с теодолитом за опушку леса на перекресток дорог. Поставил теодолит. Ориентиром взял крест церкви на стороне противника. Надо было проложить небольшой теодолитный ход. Как только промерил угол до первой точки, двое промерщиков мерной лентой быстро определили расстояние. Я добежал до первой точки с инструментом и измерил угол до вехи наблюдательного пункта, а промерщики второй раз измерили расстояние до наблюдательного пункта. И все побежали в лес. Метров пятьдесят успели отбежать, как немцы дали по тому месту, где мы работали, два снаряда беглым

огнем. Если бы не наша сноровка, от нас на том месте ничего бы не осталось. Вот такого рода была моя служба.

Вскоре произошло важное событие в моей жизни. За выполнение боевых заданий меня наградили орденом Отечественной войны второй степени. И повысили в звании – стал старшим лейтенантом.

Не могу не отметить и взятие в плен 25 немецких офицеров. Когда мы были на территории Польши, одна девочка прибежала из соседней деревни в наш дом, где мы ночевали, и сказала, что в сарае рядом с их домом прячутся немецкие офицеры. Я так тогда и не выяснил, почему они там оказались. Взял шестерых солдат из своего взвода и пошли в ту деревню. Девочка показала мне на сарай (“клубню” – по-польски), где находились немцы, и я, открыв дверь, крикнул: “Хенде хох!” Немцы по мне дали два выстрела. Хочу заметить, что в каких бы я сложных ситуациях не бывал, за всю войну не получил ни одного ранения. И в этот раз пули просвистели мимо моего лица. Поняв, что фрицы вооружены и сдаваться не намерены, я дал команду: “Выкурить их из сарая!” И мои солдаты начали стрелять зажигательными патронами по крыше. Сарай загорелся. И только после этого немцы, задыхаясь дымом, стали выходить из сарая в открытую дверь с поднятыми руками. Отобрали у них оружие и сдали их в распоряжение особого отдела. Там они дали ценные сведения. За это мы были представлены к наградам, но документы на награды куда-то затерялись.

День Победы встретил в Дрездене в 14-ом ОРАДе (отдельном разведывательном артиллерийском дивизионе). Там прослужил я до середины августа 1946 года, затем был демобилизован.

После демобилизации заехал в Москву к родному брату Степану Петровичу Петрову, где он работал завкафедрой политэкономии в бронетанковой академии, затем, чтобы вместе с ним сходить в ЦК КПСС и поговорить о моем восстановлении в партии. В ЦК КПСС мне сказали: “Поезжайте домой, устраивайтесь на работу, и там вас с удовольствием примут в члены КПСС!”

Почти восемь лет я прослужил в армии. Вернулся в родную Чувашию. Устроился на опытную станцию, где проработал 15 лет научным сотрудником отдела земледелия и 7 лет заведующим отделом семеноводства. Работая на опытной станции, в 1961 году заочно окончил Чувашский сельскохозяйственный институт с отличием. В 1966 году вступил в партию. Обзавелся семьей и хозяйством. Но в апреле 1967 г. я заболел. Наша Цивильская районная больница направила меня на консультацию в Горьковскую областную больницу имени Семашко. Осмотрев меня, врач той больницы сказал: “Надо чаще бывать у нас на консультациях!” Я ответил, что живу и работаю отсюда далеко и не могу бывать часто. Тогда он посоветовал переехать куда-нибудь поближе. Я приехал в сельхозинститут к профессору Нарциссову Владимиру Петровичу и рассказал о своем положении. Вла-

димир Петрович предложил мне устроиться на Горьковскую сельскохозяйственную опытную станцию. Тогда директором ее был Сергеев Петр Павлович. Он с радушием принял меня на должность главного агронома. Поскольку это было в конце апреля, сказал, чтобы я немедленно приступал к весенне-посевной работе. Поселок Селекция, где находилась опытная станция, тогда только застраивался. Рабочие в основном жили в поселках Культура, Садовский, Березовый Клин. А мне с семьей пришлось жить в г. Горьком на частной квартире. Через два года в поселке Селекция построили новый 3-этажный кирпичный дом. И мы переехали в новую квартиру, в которой живу до сих пор.

С 1969 до 1980 года работал в Горьковской областной агрохимлаборатории. Сначала агрономом-агрохимиком, затем начальником оперативного отдела. Здесь в 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1980 году поступил работать в центр НОТ (научная организация труда), где проработал до 1992 года. С этого времени на пенсии».

До сих пор Кирилл Петрович держит тесную связь со своими сотрудниками по работе и боевыми товарищами. Одно из их писем прилагаю сюда.

«Добрый день, уважаемый Кирилл Петрович и вся Ваша семья! Большое Вам спасибо за Ваши письма и поздравления.

Извините, что сразу не смог ответить, потому что болел. Ясно, что годы берут свое. Ведь мне уже пошел девятый де-

сяток.

Видимо, сказываются тяжелые, голодные годы, а также Финская и Отечественная войны. Я сейчас инвалид войны, но, как Вам хорошо известно, в настоящее время это почти ничего не значит. Каждый негодяй и проходимец может тебя оскорбить и унижить. Даже некоторые позволяют надсмеяться и поиздеваться над боевыми орденами и заслугами прошедших военных лет.

Да, наша жизнь сейчас очень тяжелая. И все это, видимо, продлится продолжительное время. Прошлую нашу жизнь будут многие помнить, как прекрасный сон! Везде был порядок! А в Отечественную войну весь мир почувствовал силу и умение нашего народа победить любого врага. Война в Чечне показала, все прежнее в наших войсках исчезло. Куда подевались прекрасные генералы, офицеры и непобедимый солдат. Помните, как Америка и прочие буржуазные страны боялись и уважали нас. Думаю, Кирилл Петрович, что быстрое вернуть очень трудно, но можно. Надо только избрать достойных людей! Но как их узнать? И наша страна быстро возродится. Ведь простой народ только об этом и мечтает. Думаю, что и наши с Вами мечты также об этом.

Еще раз благодарю Вас и желаю крепкого здоровья и долгих лет счастливой жизни. Пишите, жду Ваших писем».

Борис Карпов, Чувашия. Цивильский р-н
15.02.2000 г.

Он испытал на себе оккупацию

Петр Михайлович Кудрявцев родился в 1930 году в деревне Андреевка Батуринского района Смоленской области. Срочную службу проходил в Закарпатье.

В поселок Селекция Кстовского района приехал в 1978 году уже семейным человеком. Работал в ПМК-82 треста № 5 «Нефтезаводстрой» плотником, столяром, каменщиком. С 1990 года на пенсии.

В детстве он испытал на себе немецкую оккупацию. Об этом я его и попросил поделиться однажды при встрече.

«Мой отец ушел на фронт в начале войны, – начал свой рассказ Петр Михайлович, – а осенью 1941 года немецкие войска заняли нашу территорию. Но хоть земля и была под их оккупацией, на ней действовали партизанские отряды. Их было много. Они создавались под руководством подпольной организации из местного населения и солдат, которые попали в окружение.

По тайной рекомендации подпольщиков у нас был выбран староста деревни, грамотный и опытный мужик, Панфилов Абрам Нилович. Он по указанию немецких властей вел дела по захоронению наших бойцов, погибших при отступлении, и по сбору оружия, которое валялось рядом с убитыми. Занимались этим мирные жители – женщины и дети. Боль-

шую часть собранного оружия староста нелегальным путем отправлял партизанам, находившимся в лесу. Также он им помогал продуктами, собирал для них разведданные. Ему в таком рискованном деле помогала родная тринадцатилетняя дочь».

Петр Михайлович на минуту прервал свой рассказ, хотел вспомнить, как звали дочь старосты, и не вспомнил – прошло уже очень много лет. Затем, с досадой махнув рукой, продолжил:

«Партизаны нападали на немецкие гарнизоны, минировали железные и шоссейные дороги. Из нашей семьи к партизанам сначала ушел мой старший брат Алексей, ему в ту пору было 14 лет. Он числился там связным. А затем, когда немцы стали одолевать нас своими обысками, ушли и мы – мать, младшая сестренка и я. Мать и сестра работали на кухне, а я на мельнице. У нас в отряде была своя мельница, жернова которой крутили с помощью лошади. Я был ее погонщиком. Немцы поджигали избы и расстреливали мирных жителей, подозревая их в связи с партизанами. И жители вынуждены были тоже уходить в леса. Нашелся предатель, донесший немцам на старосту, что он имеет связь с подпольщиками и партизанами, и они расстреляли его.

В конце февраля 1943 года эсэсовские части стали вытеснять партизан из леса. Отстреливаясь, командир нашего партизанского отряда попросил маму, Евдокию Михайловну, идти безопасной тропинкой до развилки и там их ждать.

Но мы не дождались партизан, поэтому и разошлись с ними. А вскоре встретились с жителями нашей и окружающих деревень. Всего там было около тысячи человек. Там я видел дочь бывшего старосты. При выходе из лесу попали к немцам в засаду. Они нас окружили и загнали в овраг. Отобрали теплые вещи, валенки и полушубки, пуховые платки, кольца, серьги. Затем отдельно, под конвоем, с собаками погнали сначала молодых парней и стариков, следом нас – детей, женщин, старух. Моя сестра обморозила ноги. Еле передвигалась.

Немцы довели нас до деревни Петрово. Поселили в ветхих, нежилых домах и держали в них четверо суток. На пятые сутки, голодных и замерзших, нас погнали на станцию Игоревка. Мы шли через деревню Быково, где жила наша родственница – тетка Марина. Она, увидев ковылявшую сестренку Нину, взяла ее на руки и унесла к себе в избу. Находившийся рядом немец немного пошумел и перестал. Были и среди немцев человеческие люди. Но в основном они с нами обращались, как со скотом: отстающих били в спину прикладами, а кто падал, того сразу же пристреливали. У меня от голода и переутомления кружилась голова. И я упал. Не знаю, что бы со мной стало, если бы не оказалась рядом мать».

Петр Михайлович задумался, тяжело вздохнул и вновь продолжил рассказ:

«Помню, на станции Игоревка нас загнали в железнодоро-

рожные склады для ночевки. А утром, продрогших, погрузили в вагоны без крыши, в которых возят уголь. Мела сильная пурга, и мы, занесенные снегом, так и ехали до станции Дурово, недалеко от которой находился лагерь. В том лагере мы – грязные, исхудавшие и замерзшие, пробыли почти неделю. Затем нас погрузили в телячьи вагоны и повезли в Белоруссию. Везли пятеро суток. На одни сутки давали буханку хлеба на шесть человек и плавленый сырок на троих. Довезли до города Борисово Минской области. Когда сажали в вагоны, набивали битком. А при выгрузке осталась в живых половина. Дорогой за пять суток нас из вагона выпускали только два раза, чтобы справить нужду и выгрузить умерших. Их складывали штабелями наши военнопленные. В это время мы брали кое-какую посуду и заполняли ее снегом и водой, вытекающей из паровоза. Машинист предупреждал, чтобы мы не пили такую воду, а то можем умереть. Но его никто не слушал, потому что всех мучала жажда. И результат не заставил себя ждать. Мы почти все заболели дизентерией.

Наконец нас подвезли на машинах к лагерю военнопленных. Поселили в отдельном бараке. На другой день повели в баню. Наголо подстригли – в том числе и девушек, и женщин. Всю нашу завшивленную одежду побросали в прожарку. Из бани мы вышли в прожаренной одежде. Кормили нас в этом лагере баландой из брюквы. Хлеб пекли с примесью опилок. В сутки выдавали по 200 граммов на человека. За полгода, что находились мы там, все переболели тифом. Мно-

гие умерли. Дочь бывшего старосты нашей деревни скончалась от гангрены. Оставшихся в живых, самых живучих, распределили по гражданским лагерям. Сперва мы работали на спичечной фабрике, затем на лесопильном заводе «Коминтерн», откуда и были освобождены 1 июля 1944 года советскими войсками.

В конце июля 1944 года мы вернулись на родину. Деревня наша была сожжена дотла. Но все равно это была Родина. Мой старший брат Алексей вернулся раньше нас. Их партизанский отряд соединился с армией. Он длительное время лежал в госпитале с обмороженными ногами. Ему ампутировали переднюю часть ступней обеих ног. Так всю жизнь и ходил на пятках. При встрече брат рассказал нам про сестренку Нину. Когда из деревни Быково немцы тоже стали выгонять жителей, то тех, кто не мог идти, – расстреливали. Нину и 90-летнюю бабушку нашу тоже расстреляли. Затем мертвых втащили в избу и сожгли вместе с другими. Алексей собрал на месте пепелища все кости и похоронил их. Тетку Марину из деревни Быково и ее дочь Машу угоняли в Германию. Вернулись они оттуда после окончания войны».

...Брат Петра Кудрявцева Алексей Михайлович родился в 1928 году. Последнее время жил в Кстове. Работал в тресте № 5 диспетчером, умер в июне 2003 года.

Судьба женщины

В 2005 году летом я был в Кстове в гостях у долгожительницы Нины Павловны Фадеевой. Сфотографировал ее. Ей в то время было 95 лет. Она много интересного рассказала о своей жизни. И мне захотелось написать об этом.

Отец Нины Павловны, Павел Иванович Фадеев, и мать, Дарья Ивановна Умнова, родом из маленького городка Елатьма Рязанской области. Весной на горе у Оки там цвел большой яблоневый сад. Осенью пахло анисом. Но по какой-то причине ее родители переехали жить в город Кулебаки Горьковской области. Там она 3 января 1912 года и родилась. Отец работал на Кулебакском металлургическом заводе, а мать была домохозяйкой. Никто не верил, что у нее всего три класса образования. Она разговаривала грамотно и вела себя культурно и вежливо. И Нине говорила: «Чужого не бери и ни с кем не ругайся».

В Кулебаках в 1929 году Нина Фадеева окончила девятилетку (вместо нынешней десятилетки). С седьмого класса ходила по домам ликвидировать неграмотность. С тех пор у нее зародилась мысль стать учительницей. С 1930 по 1932 год в Кулебакском районе в деревне Саваслейка учила трудных детей. Возраст не учитывался. Были и восьми, и десяти, и двенадцатилетние. В перемены играла с ними в снеж-

ки. По-товарищески они старались ей угодить. И она симпатизировала им. В свободное время стала приучать их к рисованию. Директор школы, узнав об этом, вклеила ей выговор. А она все равно украдкой продолжала вести эти занятия. Однажды к ним в класс пришла комиссия из трех человек. Один товарищ задал директору вопрос: «А у ребят разве есть урок рисования?» – «Нет», – ответила директор. «Так почему же Нина Павловна учит детей рисовать?» – «Она у меня уже получила за это выговор», – заявила директор. Тот же товарищ стал задавать ребятам вопросы по разным предметам. Дети отвечали на них удовлетворительно. С тех пор у них ввели урок рисования.

В летние каникулы Нина уехала к бабушке в Елатьму. Там познакомилась с парнем, его звали Дмитрий. Они полюбили друг друга. Ей было в ту пору 19 лет, ему – 20. Нине очень хотелось научиться кататься на велосипеде. Дима научил ее. Время было дождливое, а они устроили между собой гонку. Нина поскользнулась и упала. Порезала ногу. Пришлось наложить швы. После купания у нее рана воспалилась, нога распухла. Хотели ампутировать. Об этом узнал кожник и забрал ее из операционной. С тех пор она дала себе клятву стать врачом и поступила в медицинский институт в Горьком. В 1938 году, после окончания института, вышла замуж за Дмитрия. Он работал бухгалтером в Горьком.

В этом же 1938 году Нина Фадеева по направлению приехала в старое Кстово зимой. Село Кстово хоть и считалось

райцентром, но больницы как таковой в нем не было. Лишь амбулатория располагалась рядом с церковью. В ней она со своими помощниками обслуживала деревни Опалиха, Столбищи, Малая Ельня, Большая Ельня, Великий Враг. Ходили пешком. Приезжали за ними только из Зелецино, Фроловского и Черемисскго. Взрослые в основном тогда болели малярией, дети – трахомой. Больных было много, а помещение небольшое. Тут принимали и беременных женщин, и грудных детей. Помощи ждать было неоткуда. Но нашлась отзывчивая и мудрая женщина Глебова Мария Ивановна, у которой оказался свободный дом. И она его решила подарить медслужбе. Тогда Нина Павловна, как терапевт и заведующая лабораторией, поехала в облздравотдел к заведующей Леориной Фаине Яковлевне и сказала: «Мне жителяница Кстово предоставила дом бесплатно. Хочу, чтобы он стал детской и женской консультацией».

Нина Павловна с мужем

После этого разговора из облздравотдела приехала заведующая детским отделением Фаина Яковлевна Леорина. Осмотрев помещение, она с большой радостью дала согласие коллективу работать в нем. И 6 ноября 1938 года Нина Павловна в этом доме открыла детскую и женскую консультацию.

Обслуживали больных и в ночное время, и в праздники. Не знали никаких выходных. Но работали с удовольствием.

Проработав три года, Нина Павловна со своим мужем Дмитрием Еремеевичем в августе 1941 года собирались

уехать к нему на родину в Украину. Но началась война. И Нину Павловну на третий день (24 июня) призвали на фронт. В тот же день пошел в райвоенкомат и ее муж Дмитрий проситься добровольцем. Он там сказал: «Мою жену призывают на войну, а я что должен – дома отсиживаться?!» И его тоже призвали. В Кремле города Горького новобранцев, мужчин и женщин, собралось очень много. Их с первого же дня начали приучать к фронтовой жизни. Женщин и мужчин по отдельности. Три ночи спали в центральной библиотеке. Стелили на пол шинель, ложились на нее и шинелью покрывались. Через три дня Нину Павловну с другими женщинами-новобранцами отправили из Кремля по окскому мосту пешком до Московского вокзала. А ее муж Дмитрий Еремеевич со своими новобранцами пошел к Ромодановскому вокзалу. Их оттуда отправили на фронт. Нина Павловна только после войны узнала, что они с мужем воевали на одном – Третьем Белорусском – фронте, в одной 31-й армии. Погиб Дмитрий 9 ноября 1943 года под Витебском. Два года считался без вести пропавшим. Потом Нина Павловна узнала, что он похоронен там, под Витебском, в деревне Глоданка.

Первое звание было у Нины Павловны – военврач третьего ранга. Потом, когда появились погоны, ей присвоили капитана медслужбы, а затем майора.

Нина Павловна прошла город Минск, который освободили 3 июля 1944 года. Брест был освобожден 28 июля 1944 года. Когда пришли в Польшу, она уже была освобождена

от фашистских захватчиков. Но медицинская служба – гуманная. Она не воевала, а лечила раненых. Нина Павловна рассказала случай, произошедший при операции. У них в госпитале лежал мужчина лет сорока пяти с обмороженными пальцами ног, которые пришлось ампутировать. Из себя представительный, на голове волосы густые, как шапка, бородища каштановая. Перед операцией стали делать ему наркоз. Пациент досчитал до семи и затих. Началась операция. Делал ее опытный хирург Николай Андреевич Вазин, горьковчанин. Операция прошла благополучно. Николай Андреевич сказал Нине Павловне: «Можете больному делать перевязку!» В это время оперируемый громко произнес: «Пожалуйста, уберите салфеточку с лица!» Вазин ахнул. Подбежал к больному, спросил: «Вы не спали? Почему терпели такие муки?» Мужчина ответил: «Я специально это сделал, чтобы проверить себя. Вдруг попаду в руки фашистов. Вытерплю ли я их пытки? Теперь уверен – вытерплю!» На другой день после операции приносят фронтовую газету. Нина Павловна прочитала ее и принесла этому мужчине, говорит ему: «Вот какие бывают у нас герои». Он посмотрел газету и ответил: «Это о моем отряде написали!» Оказалось, что этот мужчина – командир партизанского отряда имени Лизы Чайкиной Филимонов Андрей Кузьмич. Фадеева тогда растерялась от неожиданности, не знала, куда себя деть. В таком мужественном человеке и такая скромность.

Когда их госпиталь отправляли на другое место, Фили-

монов остался долечиваться. Нина Павловна со всеми просталась, Андрея рядом не было. Потом, когда машина стала отъезжать, послышался его голос: «Остановитесь! Это я, Филимонов. Я бороду сбривал, чтобы показать вам свое лицо, чтобы знали, какой я без бороды».

Все-таки богата Россия патриотами и мужественными людьми.

Нина Павловна рассказывала еще случай. Госпиталь их стоял в Калининской области. К ним прибыл эшелон с ранеными. Среди них был молодой мужчина, раненый в живот. Кишки болтались из-под бинтов. Его перевязали и поместили в палату. На второй день Фадеева пошла на обход. Все губы у него были искусаны. Она спросила: «Что это такое?» Он ответил: «Я офицер и не имею права стонать. Это единственный выход – закусив губу, подавить в себе боль. Я должен быть примером рядовым солдатам». Через два дня его на коляске повезли на перевязку. Когда его везли, он обратился к Фадеевой и быстро-быстро начал говорить: «Товарищ военврач, моя фамилия Бирюков, пожалуйста, напишите письмо моей жене (он продиктовал адрес и ее имя), пусть она воспитывает наших сыновей (у нас их двое) в любви к Родине». Он умер мгновенно на глазах у Фадеевой. Его воля настолько ее поразила! Даже перед смертью он думал о Родине. С того момента она решила в себе возродить такую волю и никогда не плакать при любых обстоятельствах.

Много раненых прошло через руки Нины Павловны. И

многих она вылечила. Первую награду получила в 1942 году на Калининском фронте – орден Красной Звезды, потом медаль «За боевые заслуги» и еще орден Отечественной войны первой степени. Она дошла до Берлина. Была в Рейхстаге. Но и после победы продолжала лечить раненых. Службу закончила в городе Дрездене. Приехала домой в августе 1946 года. Вернулась опять в Кстово на прежнюю работу. Кроме женской и детской консультаций, у нее появились туберкулезный и физиотерапевтический кабинеты. Наступила мирная жизнь.

Нина Павловна не верила в Бога, а мама ее, Дарья Ивановна, была верующей женщиной. Но когда дочь приехала с фронта, она обратила внимание, что мать перестала молиться. Она спросила ее: «Мама, ты почему не молишься?» Она ответила: «Я больше не верую в Бога, потому что на фронте погиб мой зять Дима, твой муж. Таких людей, как Дима, Всевидящий должен оставлять жить на земле, а не тех, кто насилует, ворует и убивает». Нина Павловна так и осталась неверующей – мать укрепила в ней это неверие.

В квартире у Нины Павловны Фадеевой находится красный уголок, в котором я ее сфотографировал, там она хранит свои достопримечательности. На стене висит вырезка из газеты «Красная Звезда» за 10 мая 1945 года. На ней внизу три портрета – Иосиф Сталин, Уинстон Черчилль и Гарри Трумэн. Портреты 20 маршалов и других известных и выдающихся людей. Фотография Москвы в День Победы в 22 ча-

са 9 мая 1945 года. Висит портрет Василия Ивановича Агапкина, советского дирижера и композитора. Именно он в 1912 году сочинил русский марш «Прощание Славянки». Висят картины, сделанные детьми и подаренные Н.П. Фадеевой.

На полочках бережно хранятся деревянные поделки Нины Павловны. Некоторые из них побывали на выставке в Горьком, за что она получила премию – чайный сервиз. Другие поделки были на выставке в Берегине, во дворце Культуры и во всех школах города Кстово.

Нина Павловна переписывалась со многими фронтовиками, в частности с командиром партизанского отряда Филимоновым Андреем Кузьмичом. Поддерживала связь с Минским областным военным комиссариатом. Ее поздравлял директор Брестского комплекса, генерал-майор В.В. Губаренко, со светлым праздником 60-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Кстовская долгожительница Нина Павловна Фадеева.
Лето 2005 г.

Нина Павловна любила жизнь и любила людей, поэтому прожила так долго – ровно 104 года. Не стало ее 3 января 2016 года.

Рожденный в год революции

Ивана Александровича Богданова я знал с начала 60-х годов, почти с тех пор, как он начал работать редактором газеты «Горьковская правда». Мне приходилось слушать его выступления и доклады, видеть его на встречах с рабкорами. Я приносил ему в редакцию и свои заметки для публикации.

Мужчина средних лет, чуть выше среднего роста, с открытым светлым лицом. Волевой, энергичный и строгий. Он был тогда для меня, рабкора, большой недосыгаемой личностью.

В 1991 году недалеко от поселка Селекция образовалось садоводческое общество «Березовый клин». И наши участки с Богдановыми оказались почти в соседстве. Увидев его, я тогда сказал своим знакомым, что вон тот мужчина – бывший редактор «Горьковской правды»! Мои знакомые не поверили мне. Сказали: «Если б он работал редактором областной газеты, у него была бы дача в престижном месте и ездил бы он на машине. А он вон пешочком с автобуса ходит со своей супругой!»

Иван Александрович Богданов выступает на Третьем съезде журналистов

Услышав такой ответ, я подумал: «А может, и вправду я с кем-то его спутал». Этот мужчина действительно был уже пожилым, ссутулившимся. Он старательно, по-городски, обдελывал грядки. Я подошел к нему, поздоровался и, извинившись, спросил: «Вам фамилия Богданов?» – «Да», – ответил он. «Звать Иваном Александровичем?» – «Так точно». И я рассказал ему про разговор с мужиками. Он ответил: «Да, я бы все мог это иметь, но я – коммунист и обладать

такой роскошью мне не позволяла совесть».

Через какое-то время мы встретились с ним у него на квартире, и он рассказал мне про свою жизнь.

Родился 4 июня 1917 года в деревне Ступино Холмогорского района Архангельской области. После окончания четырехлетки стал работать учетчиком в колхозе «Красный Север». В феврале 1932 года его вызвали в райком комсомола, потому что имел задатки активиста, и направили на работу в Холмогорский народный суд секретарем. Но у него была тяга записывать свои наблюдения о жизни, и он посылал свои корреспонденции в районную газету «Холмогорский колхозник». В 1934 году, заметив у юноши такое увлечение, редактор приглашает его к себе в редакцию работать секретарем. А в 1936 году по направлению обкома комсомола его командировают в Ленинградский коммунистический институт журналистики имени Воровского. Через три года в тот институт поступает милостивая девушка Зоя Степановна Рязанова. В октябре 1939 года они поженились. Затем он попадает на финский фронт. Госэкзамены пришлось сдавать после войны. В институте его приняли в члены КПСС. После окончания института в 1940 году в Ленинграде ему присваивают воинское звание политрука – старшего лейтенанта.

Войну с Германией ему тоже пришлось всю пройти. Трижды был ранен. Из армии демобилизовался в звании майора лишь в 1953 году.

Имеет военные награды: ордена Отечественной войны

первой степени, Отечественной войны второй степени и Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За отличные боевые действия». Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина имеет девять благодарностей.

В начале мая 1961 года Центральным Комитетом КПСС утвержден редактором газеты «Горьковская правда».

В 1962 году его награждают орденом Почета, в 1966 – Трудового Красного Знамени. В 1971 году он получает второй орден Трудового Красного Знамени, а в 1981 – орден Дружбы народов. Работая редактором газеты «Горьковская правда» с 1961 по 1985 год, он все это время избирался председателем Горьковской областной организации Союза журналистов. Получил звание заслуженного работника культуры РСФСР.

Мы перебираем с Иваном Александровичем его фотографии. Много их. Встречи в районах с тружениками села. С коллективами заводов и фабрик. На совещаниях в райкомах и обкомах.

С известными артистами СССР. С Председателем Совета Министров СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным. С секретарем ЦК КПСС Суловым Михаилом Андреевичем. И многими другими. Даже есть фотография с Леонидом Ильичом Брежневым.

Иван Александрович Богданов беззаветно любил свою Родину. В войну он мужественно боролся за нее, а в мирное время отдавал все силы и знания ради ее процветания.

Нижегородцы должны знать и помнить этого человека.

Боевая характеристика

на командира диверсионной группы партизанского отряда им. Ворошилова партизанской бригады им. Пархоменко товарища Богданова Ивана Александровича

Товарищ Богданов Иван Александрович, 1917 года рождения, член КПСС с 1939 года, оказавшись в окружении под городом Вязьма Смоленской области и видя невозможность перейти линию фронта к частям Советской Армии, как член КПСС и патриот своей Родины, не теряя времени, с 7 октября по 17 октября 1941 года организовал из окруженцев и местного населения партизанскую группу численностью в 55 человек и на территории Вадино Сафоновского района с оружием в руках начал вести борьбу в тылу врага, уничтожая мелкие группы немецких солдат и изменников Родины.

14 октября 1941 года им в деревне Павлово Сафоновского района был уничтожен немецкий полицейский отряд в составе 7 человек.

17 октября 1941 года для более эффективной борьбы с врагами в тылу противника товарищ Богданов Иван Алек-

сандрович влился со своей группой в партизанский отряд имени Ворошилова партизанской бригады имени Пархоменко Сафоновского района.

Товарищ Богданов, находясь в партизанском отряде имени Ворошилова партизанской бригады имени Пархоменко Сафоновского района с 17 октября 1941 года по 25 марта 1942 года включительно, зарекомендовал себя беспредельно преданным делу партии Ленина – Сталина, Советскому правительству и нашему народу, смелым, отважным и волевым командиром, пользовавшимся огромным авторитетом среди партизан и населения. Товарищ Богданов всегда проявлял непримиримость в борьбе с врагами и умело воспитывал в этом направлении своих подчиненных. За время пребывания в партизанском отряде товарищ Богданов выполнял сложные боевые задания командования партизанской бригады.

6 ноября 1941 года ко дню Великой Октябрьской революции во главе своей группы разгромил Климятинскую немецкую комендатуру в Сафоновском районе, где было уничтожено 5 офицеров, 18 немецких солдат и 2 полицейских.

В ночь с 17 под 18 ноября товарищем Богдановым был взорван Борисовский железнодорожный мост около станции Дорогобуж, чем было сорвано движение поездов к фронту в течение 7 суток.

31 декабря 1941 года товарищ Богданов И.А. подорвал железнодорожный мост на Дуровской ветке и вывел из строя

железнодорожный путь на протяжении трех километров.

9 января 1942 года на автомагистрали Москва – Минск им же с группой партизан уничтожена автоколонна немцев в составе 9 автомашин с живой силой. В бою убито 3 офицера, 17 солдат, разбито 9 машин и ранено около 25 немецких солдат, следовавших к фронту.

21 января 1942 года товарищем Богдановым И.А. были уничтожены немецкий ставленник староста деревни Павлово Васильевского района Романов и полицейский Архипов из окруженцев.

22 февраля 1942 года товарищ Богданов со своей группой спустил под откос фашистский поезд с живой силой, следующий на фронт на перегоне Дорогобуж – Дурово. Было убито около 100 немцев, выведен из строя паровоз и разбито 7 вагонов.

С 17 октября 1941 года по 25 марта 1942 года товарищем Богдановым было выпущено и распространено среди населения свыше 3000 советских листовок.

Кроме того, товарищ Богданов систематически информировал население о положении на фронтах, а также разъяснял населению и партизанам речь товарища Сталина о 24 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

С 1 по 25 марта 1942 года по решению совета штаба партийной бригады товарищ Богданов установил связь с 11 кавкорпусом, проводил мобилизацию военнослужащих, оставшихся в окружении, вывел из глубокого немецкого тыла и

передал кавкорпусу 1200 человек военнослужащих.

Штабом партизанской бригады им. Пархоменко товарищ Богданов И.А. был представлен к правительственной награде – ордену Красного Знамени, но в связи с тем, что связной партизанской бригады товарищ Ефимов был при переходе линии фронта захвачен немцами, и вместе с ним была захвачена и вся документация, а товарищ Богданов был направлен в распоряжение главного Политического управления Красной Армии, награждение не состоялось.

Бывший командир партизанской бригады имени Пархоменко, член КПСС (п/б № 02978268), подполковник в отставке Иванов.

Архив 24.07.1954 г.

Нечаянное знакомство с В.Я. Дворжецким

3 августа – день рождения известного актера театра и кино Вацлава Яновича Дворжецкого.

Много фильмов с его участием видел я за свою жизнь. Восхищался его талантом. И не чаял, что посчастливится мне познакомиться с ним.

В 1989 году в фойе Нижегородской телестудии я впервые увидел его – выше среднего роста, с ухоженной бородой. Он оживленно беседовал с какими-то должностными лицами. Я в восторге затеребил Юрия Михайловича Прохорова, диктора областного радио, с которым разговаривал: «Мне необходимо сейчас же познакомиться с Дворжецким! Иначе я больше его не встречу!» И был крайне удивлен, когда узнал, что Вацлав Янович живет не в Москве, как я думал, а у нас в Нижнем. Юрий Михайлович пообещал узнать его адрес. Через неделю я послал Вацлаву Яновичу письмо, в котором было и небольшое стихотворение.

Через полгода получил от него фотографию, на которой он написал: «Дорогой Евгений Павлович! Опять перечитал ваше письмо и стихи. Хороший вы человек. Я в людях разбираюсь! Жизнь научила. Очень вы мне симпатичны! Я был бы рад с вами встретиться».

28 июля 1990 года после полудня я был в гостях у Вацлава Яновича Дворжецкого. Но прежде чем поехать, я ему позволил, предупредил, что приеду не ранее чем часа через полтора. Когда вошел к нему в квартиру, он недовольно произнес: «Чего же вы так долго ехали? Я специально приготовил обед, рыбки пожарил, а она уже остыла!» Я ему ответил: «Я же вас предупреждал, что дорога дальняя». Стол, действительно, был уже накрыт. На одной тарелке нарезанная колбаса, на другой сыр, на третьей лимон (к чаю). В двух чашечках мед, на сковородке рыба (уже остывшая), хлеб и еще чего-то. На середине стола стоял графинчик с наливкой.

В то время ему было без одного месяца 80 лет. Он производил впечатление бодрого и крепкого не по годам человека. Жена Вацлава Яновича была в отъезде, он дома был один. Пригласил меня к столу. От выпивки я отказался. А он после двух выпитых рюмочек разоткровенничался. Заговорил о старшем сыне Владиславе, который умер очень рано, прослезился. Сказал: «Он был талантливым артистом, далеко бы пошел». О младшем сыне Евгении произнес: «Это огонь, с ним ничего не случится!» Я попросил его, чтобы он разрешил мне позвонить моей супруге, осведомить ее, что я нахожусь у Дворжецкого. Вацлав Янович, услышав ее звонкий голос, отнял у меня трубочку и долго разговаривал с ней. После разговора спросил: «Это у тебя такая молодая жена?» И добавил: «Голосок, как у ангела!» Покряхтел. Затем, погладив свою густую седую бороду, серьезно произнес: «А я

постарел, никакого больше интереса в жизни не нахожу. Все немило, все постыло! Вот сыграю две последние роли – Патриарха всея Руси и Отшельника и уйду куда-нибудь в леса или в горы. Отшельником хочу умереть, чтобы никто не видел, где и когда»... Попросил меня почитать стихи. Я начал.

Верю в силу души, в жар большого огня.

Пусть мой путь и суров, и тернист.

Пусть билета партийного нет у меня,

Я в душе – коммунист.

Увидев его удивленное лицо, я прекратил читать. «Вы верите в коммунистические идеалы?» – спросил он (после от него узнал, что он отбывал 15 лет в лагерях). Я ответил: «Воспитан на них». – «Ну, это все наносное и на вас не похоже. А вообще-то каждый вправе жить, как хочет. И также выражать в стихах свои мысли». Я стал читать другое стихотворение:

Я перед сном, ложась в постель, молюсь.

Что нагрешил, все замолить пытаюсь.

Я с каждым днем, как с жизнью, расстаюсь,

А утром будто заново рождаюсь.

На сердце ни тревоги, ни забот.

Гляжу – не нагляжусь на эту землю.

И пенье птиц, и розовый восход,
Как Божий дар, восторженно приемлю.

Только закончил читать, он мне сказал: «Природа, любовь, душа. Вот здесь – это вы! И не отходите от себя!»

Позднее я, с разрешения Дворжецкого, это стихотворение посвятил ему, опубликовав его в многотиражной газете завода имени Орджоникидзе.

Минуту спустя он прочитал монолог из какой-то своей роли. Дальше начал рассказывать, как любит рыбачить. Признался: «Самый лучший отдых для меня – рыбалка. Никакие юга не нужны. Однажды заехал из Кстово в колхоз “Мокринский”. Там есть маленький пруд. Как-то я там вытащил щучку да несколько карасей. В следующий раз приехал, а там объявление: “Рыбу из пруда ловить категорически запрещается”. Я развернулся и уехал! А надо бы зайти к председателю, сказать, мол, я только посижу с удочкой на бережку, для души, а если попадетсЯ какая рыбка, я вам ее принесу – кушайте на здоровье сами!» Я сказал Дворжецкому: «Давайте, я напишу этому председателю, что вы артист, каких мало в России. Может, он усовестится и разрешит!»

– «Да ну его, этого председателя». Он подвинул ко мне чашку с чаем. Сказал: «Не хотите вина, давайте еще чайку попьем. Чай высшего сорта». Вздыхнул глубоко. Опять вернулся к разговору, что скоро закинет котомку за плечи и уйдет отшельничать. Я ему сказал, что у него богатая впечат-

лениями жизнь, надо бы обо всем написать! «А у меня есть кой-чего, – ответил он. – По радио передавали».

Чай был слишком горячий. Вацлав Янович принес два блюдецка, и мы стали из них пить. Я посмотрел на Дворжецкого, представил себе его отшельником, и мне стало очень жаль его. Сказал ему: «Вам все равно надо пожить в гуще людей. Вы так бодро выглядите. Вот уж послабее станете, тогда можно будет покинуть родные пенаты». Дворжецкий с усмешкой проговорил: «Когда я ослабну, какой из меня отшельник получится! Тогда я не дойду ни до какого леса, ни до каких гор. Вы моложе меня, у вас есть интерес развлечься с женщинами». Я хотел сменить тему разговора, но Вацлав Янович вновь усмехнулся и рассказал случай: «Недавно мы снимали фильм в Киеве. После съемок я ехал в автобусе и обратил внимание, что на меня одна женщина смотрит и смотрит. Я вышел. И она за мной. Подошла поближе и умоляюще произнесла: “Батюшка, благословите меня, пожалуйста!” Я сразу нашелся – благословил. Ну и пусть. Надо же было сделать ее душе облегчение». Тут же заговорил о судьбе, о Боге, о болезнях. Достал откуда-то книжку и дал мне прочитать цитату. Я без очков не смог рассмотреть буквы. Дворжецкий сказал: «Дайте-ка я сам!» И без очков прочитал: «Человеческое тело – домик Богом данный, его нужно ремонтировать. Бог создал мир, травы лечебные, и пренебрегать этим нельзя. Святая блаженная Матрона Московская». Для восьмидесятилетнего возраста зрение тогда было

у него отличное.

Вторая встреча с В.Я. Дворжецким у меня произошла года через два.

Прочитал объявление: «В областной библиотеке для слепых, на улице Варварской, дом 8, состоится встреча известного артиста России В.Я. Дворжецкого со зрителями» – и пошел. Вацлав Янович сидел за столом, недалеко от входной двери. Я заметил во взгляде актера лишь едва уловимую реакцию на мое приветствие.

«Почему он на этот раз холодно отнесся ко мне? Может, обиделся на что?» – этот вопрос я задал вслух своему приятелю, а сидящие рядом молодые девушки ответили: «Он же не видит!» – «Как?» Я встал и быстрым шагом подошел к столу, за которым сидел Дворжецкий.

«Вацлав Янович, вы меня узнаете?» – «Голос вроде бы знакомый. А кто это?» – «Евгений Молостов». – «Евгений Павлович, дорогой мой, присаживайтесь сюда!» Он указал на стул. Я присел. Он обеими руками наощупь взял мою правую руку, крепко пожал ее. Затем потрогал плечи. Тихо с улыбкой проговорил: «Помните, я собирался уйти в леса или в горы? Теперь из меня отшельника не получится. Слеп я». – «А что говорят врачи?» – «Тут врачи бессильны», – промолвил он в ответ.

Писатель Константин Проимин открыл встречу. Вацлав Янович встал и начал подробно рассказывать про свою жизнь и работу в кино и театре. Смотрел в зал, запросто об-

щаяся с публикой. Ничуть не было заметно, что он не видит. Через час встреча закончилась, и мы тепло распрощались. Девушки с обеих сторон подхватили слепого Вацлава Яновича и потихоньку повели его домой.

1 апреля 1993 года В.Я. Дворжецкого не стало.

Из краткого выступления на встрече памяти Владимира Автономова В Кстовской центральной библиотеке

Владимир Михайлович Автономов – поэт советского времени, бывший коммунист. И потому у него в стихах о родине и о людях видно неравнодушие к людским судьбам. Например, вот в этом стихотворении он говорит:

«На людях, ну а чаще в одиночку,
Как песни полюбившийся мотив,
Я бормочу корниловскую строчку:
“Секретари райкома и актив”.

Я оттого, как запевала в роте,
Ее с таким пристрастием твержу,
Что сам когда-то был на партработе
И это свято в памяти держу.

Да разве можно сердцу позабыть их,
Друзей тех лет, что были как родня.
Что разбираться в людях и событьях
Учили по-партийному меня!

И школили, и поправляли часто,
Отечески порою пожутив.
К моей судьбе они всегда причастны –
Секретари райкома и актив».

Это был, наверное, в Нижегородском крае единственный поэт, который вел трезвый образ жизни. Сам не пил и к другим, особенно к молодым поэтам, относился строго по этому поводу. Я это видел однажды, когда случайно оказался в 1970 году на семинаре молодых писателей на Бору, на Моховых горах. И молодые поэты слушались его. Были попытки сбежать в магазин за вином и втихаря выпить, но его голос: «Если будет кто замечен в пьянке, тот незамедлительно вылетит с семинара к чертовой матери» останавливал бедолагу.

Запомнился еще один эпизод. Я видел Автономова в Доме архитектора на площади Минина, напротив памятника Чкалову. Там решался вопрос о приеме поэта Виктора Кирилловича Кумакшева в члены Союза писателей. Его тогда там не приняли. Не хватило одного голоса «за». Помню, Владимир Михайлович Автономов тогда рассказал случай, как однажды принимали в члены Союза писателей другого какого-то нижегородского поэта.

Дело происходило примерно так. Приходит в Союз писателей один поэт. Там сидят несколько человек, заочно обсуждают поэта, претендующего в члены Союза писателей.

Поэт, который был старше, ввел в курс события вошедшего писателя. Сказал: «Я предложил поэта, допустим, Ивана Ивановича, чтобы его приняли в Союз писателей. А этот товарищ против (он назвал фамилию поэта среднего возраста), говорит, что такие стихи, какие он пишет, может написать любой десятиклассник. А этот (рассказчик назвал фамилию другого поэта) тоже сказал, что его еще рано принимать в члены Союза писателей. И этот (он показал на третьего) тоже против.

И тут вошедший поэт сказал: «Дорогие друзья, вы, очевидно, плохо читали или совсем не читали стихотворения Ивана Ивановича. У него прекраснейшие стихи. Его обязательно надо принять в члены Союза писателей. Тем более что он работает на высоком посту. Поэт, который говорил, что такие стихи, какие пишет Иван Иванович, может написать любой десятиклассник, сразу вспыхнул и возбужденно произнес: «Я не сказал, что у него плохие стихи, наоборот, говорю, что они у него хорошие». Второй: «Я тоже говорю, что он прекрасный поэт». Третий: «А я, как всегда, только “за”». И Ивана Ивановича тогда приняли в члены Союза писателей.

«Вот так у нас порой принимают в Союз писателей», – сказал в заключение Владимир Автономов.

Прошло уже много лет, а я снова и снова перечитываю его стихи. И вспоминаю его как порядочного человека и замечательного поэта.

Воспоминания о Владимире Васильевиче Половинкине

Поэта Владимира Васильевича Половинкина я знал с конца 60-х годов прошлого века. Ходил к нему со своими стихами в ГИИВТ (Институт инженеров водного транспорта), где он работал преподавателем. У него в том институте учился мой друг – молодой поэт Геннадий Ларионов. Геннадий часто мне рассказывал о Владимире Васильевиче и его стихах. От него я узнал, что в Кремле у Вечного огня на граните были только что вычеканены стихи В. Половинкина в честь погибших воинов:

«Товарищи, помните жизнь отстоявших.
Они сберегли нам и солнце, и радость.
За честь, за свободу, за Родину павших
Навеки считайте идущими рядом».

Владимир Половинкин был близок мне еще и тем, что в 1971 году я окончил в Нижнем Новгороде заочную среднюю общеобразовательную школу, где его жена Людмила Алексеевна вела русский язык и литературу.

Однажды, не помню по какому случаю, я оказался у него на квартире. В мое присутствие ему тогда позвонил Алек-

сандр Богданов, композитор. Он сказал, что написал музыку на его стихи. Я был рад за него, не зная о том, что через много лет А. Богданов напишет музыку и на мои стихи.

В то советское время лозунг был: «Человек человеку – друг, товарищ и брат». Мы воспитывались по этим лозунгам. И на стихах поэтов того времени. Умели радоваться чужим успехам.

Сейчас у нас в стране другое время. И я не представляю Владимира Половинкина капиталистическим, буржуазным поэтом. Он выразитель советской эпохи, русского народного духа. Он более полвека отдал русской поэзии, писал стихи об участниках войны, о победе над фашизмом, об урожае, о мирных людях труда.

Я с гордостью вспоминаю те далекие годы. Пусть трудные, но манящие своими грандиозными планами. Это были годы великих свершений. Тогда человека приучали к труду с молодых лет, чтобы он знал цену жизни.

Мне нравится стихотворение поэта о парнях-студентах, которые ходили подрабатывать в угольную гавань, грузить уголь, чтобы потом с девушками сходить в кино и купить им мороженое.

Нравятся стихи Владимира Половинкина о человеческой дружбе, доброте и любви, о матушке Волге и о самой жизни. Они просты и доходчивы.

Владимир Васильевич большой и интересный поэт. Приведу здесь его стихотворение, написанное им в 1967 году,

которое меня очень тронуло:

«Шел поздней ночью улицей знакомой.
Увидел дом, где прожил много лет.
Горел в моем окошке у балкона
Настольной лампы притененный свет.
И кто-то встал, размял устало плечи
И посмотрел в раздумии туда,
Где между крыш всплывала каждый вечер
Трепещущая синяя звезда.
Моя звезда!.. Как часто был когда-то
В уснувшем мире с ней наедине.
И с болью вдруг почувствовал утрату:
Она все так же светит, но не мне».

Максим Горький как-то сказал: «После смерти человека остаются его дела». У Владимира Половинкина вся жизнь была наполнена творчеством. Его стихи будут жить долго.

Краткое выступление о поэте Борисе Селезнев в честь его 50- летия в Кстовской центральной библиотеке им. А.С. Пушкина

В 1996 году в Канавино в Доме книги я купил маленький сборник стихов. Там новых поэтических книг было много всяких – и больших, и маленьких. Я долго их просматривал и выбрал эту. Название ее было: «Листья». Автор – Борис Селезнев. Мне этот поэт в то время не был знаком. Стихи его мне сразу понравились. В них не было зауми. Они просты, доходчивы и интересны. И оригинальны, как и должны быть у хорошего настоящего поэта. В то время я готовил к изданию первую книжечку своих стихотворений. Виктор Кириллович Кумакшев, наш нижегородский поэт, предложил мне типографию, которая находилась в храме Александра Невского. В то время Борис Анатольевич работал там редактором газеты «Православное слово». Когда я услышал фамилию Селезнев, я очень удивился. Получилось так, как будто я специально купил эту книгу, чтобы ближе познакомиться с автором. И я действительно тогда познакомился с ним. Впоследствии в газете «Православное слово» он напечатал несколько моих зарисовок и стихотворений. В его редакции

тогда работала молодая, активная и тоже очень интересная поэтесса Татьяна Панченко. Я познакомился и с ней. Затем я с ними и с их друзьями летом 2001 года ездил в город Вязники Владимирской области на родину известного поэта-песенника Алексея Ивановича Фатьянова. Между прочим, вязниковцы очень любят и свой город, и своего поэта-земляка и справляют каждое лето в день города праздник песни. Приезжают поэты, творческие коллективы и из других городов. Когда мы там были, городу исполнялось 223 года.

Летом 2002 года я ездил с Борисом Анатольевичем Селезевым и с его друзьями на родину Сергея Есенина. И в Вязниках, и на родине Сергея Александровича, в селе Константиново Рязанской области, Борису Селезеву, как члену Союза писателей Нижнего Новгорода, предоставляли слово для выступления. Он там читал стихи. Читал стихи и автор этих строк. После моего чтения ко мне подошел один незнакомый товарищ и попросил меня, чтобы я прочитал стихотворение «Сыплет ночь на луга»... Когда я спросил его: «Вы тоже из Нижнего Новгорода?», он ответил, что живет в Рязани, а работает в газете «Рязанская правда». Я и мои товарищи были удивлены, что он знает мои стихи.

Я благодарен Борису Анатольевичу за то, что он в 2002 году опубликовал мои стихотворения в приложении к литературно-художественному православному альманаху «Вертикаль». Название той книги – «Арина», в честь няни великого нашего русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Года три-четыре тому назад мы ездили той же компанией к одному поэту из Нижнего Новгорода, с которым Борис Селезнев когда-то учился в Литературном институте в Москве. Фамилию того поэта я забыл, но встречу ту хорошо помню. Она прошла очень интересно. Мы там читали стихи. Записывали их на магнитофон. Мне врезался в память эпизод из той встречи. Когда я прочитал одно из своих стихотворений, кто-то внес в него поправку. Борис Анатольевич, видимо, заметив смущение на моем лице, сказал: «Что тебя поправили, не обижайся, потому что это чепуха». И привел пример: «После редактирования прозаического произведения “Царь-рыба” известного нашего российского писателя Виктора Астафьева, оно было испещрено поправками, но все равно осталось шедевром».

С Борисом Анатольевичем у нас были и другие встречи. На одной читали стихи из альманаха «Арина». На другой записывали свои стихи на магнитофонную ленту.

В моем представлении Борис Селезнев был и остается одним из интереснейших поэтов Нижегородского края. Я приведу здесь одно только небольшое стихотворение, и оно о многом скажет, какой перед нами поэт Борис Селезнев.

«О Русь! Опять на волоске
Над бездной человек.
Жилище строил на песке
Наш неразумный век.

Жилище было, а теперь
Распад, развал, беда.
И вышибло окно, и дверь,
И стены в никуда.

И все дрожит под лунной згой,
И плач детей во мгле.
И человек опять изгой
На собственной земле».

На встрече с прошлым

В Доме ученых состоялся поэтический вечер, приуроченный к 100-летию со дня рождения Бориса Ефремовича Пильника. Он взбудоражил меня.

Здесь я встретился, можно сказать, с прошлым. Во-первых, организаторы умышленно назначили встречу на четверг, потому что Борис Ефремович именно в этот день недели собирал свою поэтическую секцию. Во-вторых, одним из первых на этом празднике поэзии выступил заместитель директора Дома ученых Дмитрий Никифорович Горбуля. Он рассказал, как в 1967 г., 4 марта, администрация завода «Орбита» пригласила Бориса Ефремовича выступить в красном уголке перед любителями поэзии с чтением своих стихов. И он, Дмитрий Никифорович, тогда молодой инженер-кон-

структор, активный участник художественной самодеятельности завода, впервые увидел поэта, познакомился с ним.

В 1967 г. и я работал на этом заводе слесарем. Неоднократно печатал свои стихи в многотиражной заводской газете «За прогресс». Заместитель редактора этой газеты Альбина Волгина меня тоже пригласила на ту встречу. Вот что она написала об этом вечере на литературной странице газеты «За прогресс» 25 марта того года:

«Шел четвертый день весны. И, может быть, поэтому с новой силой потянулись сердца нашей молодежи к стихам.

В субботу в небольшом уютном зале за чашкой кофе собрались лишь истинные любители поэзии, молодые рабочие, инженеры нашего предприятия. Они принесли с собой свежие стихи. В руках у многих были томики стихов любимых поэтов. Участники поэтического огонька увлеченно читали свои стихи, стихи поэтов-классиков, полюбившиеся им.

С интересом слушали присутствующие выступления В. Костерина, О. Шабаевой, Евг. Молостова, Н. Горбули, Н. Коненковой, А. Весницкого, Д. Горбули. А Дима Горбуля не только прекрасно прочел одно из малоизвестных стихотворений А.С. Пушкина, но и исполнил несколько украинских песен.

С краткой характеристикой стихов и рядом методических советов выступил приглашенный на вечер старейший поэт города – Б.Е. Пильник. Разговор о поэзии затянулся, только в двенадцатом часу участники вечера разошлись.

Четвертый день весны открыл нам новые стихи, новые имена, которым мы и предоставляем сегодня нашу литературную страничку. И, кто знает, может, этот вечер даст начало новым ручейкам, которые вольются в большую, идущую из глубины веков, могучую реку поэзии».

Тогда целая литературная страница была занята нашими стихами. Моих напечатано там четыре. Приведу здесь несколько строк из одного.

Из глубины веков, издалека
Течет она – поэзии река.
Я знаю, к ней дорога нелегка;
Жизнь проживешь – покажется – века.
Ведь в сущности поэт живет пока,
Но он умрет – останется строка...

В 1974 году, 16 апреля, в зрительном зале Дома ученых состоялся весенний турнир молодых поэтов, в котором довелось читать стихи и мне. На пригласительном билете, который у меня сохранился до сих пор как новенький, написано: «Каждый желающий принять участие в непосредственной борьбе, должен подготовить к дню конкурса два стихотворения, не более 50 строк каждое, на заданные темы: «Мой город», «О творчестве».

Я здесь приведу по несколько строк из этих стихотворений.

Первое:

Небес синеют пологи
Величественно молодо.
И я, как сын поволжской стороны,
Горжусь: мне любы-дороги
Черты родного города
И памятники русской старины.

И второе:

...Но как раскрыть мне тайну строк,
Взамен принять какие муки,
Чтоб, наконец, постичь я смог
Их заколдованные звуки...

Меня тогда наградили афишей, подписанной Пильником, Кумакшевым, Бараховичем и другими мэтрами.

Эта афиша висела 18 сентября сего года (2003 г.) в зале Дома ученых с другими реликвиями, связанными с памятью интереснейшего нижегородского поэта Бориса Ефремовича Пильника.

Лев Федорович Цапурин

Лев Федорович Цапурин родился в 1938 году в городе Павлово-на-Оке Горьковской области в семье рабочего. Учился в школе № 10. В детстве, как все ребяташки, любил лазить по огородам. По окончании школы поступил учиться в Павловский автомеханический техникум. Дружил с девушкой Аней Сорокиной из села Абабково, которая училась с ним в одной группе. Возил ее в село на велосипеде – это девять километров от Павлова, но судьба не соединила их. Окончив два курса, он влюбился в Нину Степанову. Бросил техникум и, вопреки родителям с обеих сторон, женился на ней. Теща и его родители были в давней ссоре между собой, и молодая чета оказалась между двух огней. Квартировали они у матери жены, которая им не давала житья. Вскоре после очередной семейной разборки Лев Федорович угодил в тюрьму. Власти, нарушив все нормы уголовного законодательства, семейный скандал приравняли к хулиганству. Ему дали срок. А это значит, жизнь молодая пошла наперекосяк. Потом он много раз от семьи уезжал на юг. Дома бывал редко. Старшая дочь звала его «дядей». Он весь Кавказ прошел пешком. Впоследствии рассказывал друзьям, что русских пьяниц и бродяг в Средней Азии много в рабстве. Эти бедолаги работают там за кусок хлеба.

Лев Федорович, видимо, из-за неудавшейся семейной жизни, много пил. Не раз его отправляли в ЛТП на излечение от вина. Но это не помогало. Он много читал. Знал многих поэтов и ко многим относился критически. Ругал их бездариями. Писать начал рано, но рассказы его не печатали. И лишь в начале 1993 года с помощью спонсора выходят в свет его «Вариант окончания неоконченной повести М.Ю. Лермонтова “Штосс”» и некоторые новеллы тиражом в 5000 экземпляров.

В конце своей жизни он перенес трагедию. Однажды приехал из Москвы и вместо своего дома увидел одни головешки. Ночью сгорели жена и младшая дочь, 12-летняя Ирина. Родители у него были пьющие. Давно уже скончались. Теперь из родственников в живых осталась одна дочь Светлана.

Планы у Льва Федоровича были большие. Хотел заняться драматическими произведениями. В последний раз уехал в Москву и там устроился в один театр рабочим, чтобы поближе быть с артистами. Был знаком с Чурсиной и другими. Ходил к Ираклию Андроникову, хотел поговорить по поводу поэта Лермонтова, да и заодно попросить денег, хоть на хлеб. Но дома его не застал. Дочь Ираклия Андроникова дала ему 20 копеек. На них он купил кружку пива.

Лев Федорович умер в Москве в 1994 году. Его там и кремировали.

Он у меня в мае 1993 года с нашим общим товарищем Федором Ивановичем строил садовый домик.

Роста он был выше среднего, худощавый, физически развитый, крепкий. Начитан, смекалист, разговорчивый, грубоватый. Но мы с ним сразу нашли общий язык. Он мне напоминал горьковского босяка Челкаша. Ему стихи мои нравились. Но очень ругал меня, что я посвятил стихотворение Расулу Гамзатову, считая его «заевшимся». Он вообще всех критиковал, не только наших нижегородских поэтов и писателей. На всех был злой, потому что его не печатали, а значит, и не признавали. Мне он подарил свою книгу с надписью: «Собрату по перу Евгению с пожеланием быстрее публикации дарит автор свою книгу. То, что публикация произойдет поздно, – это хорошо! Быстро созревают примитивные организмы». Лев Цапурин. 25.05.1993 год.

Вот таким был Лев Федорович Цапурин.

Рецензия

Первое впечатление при прочтении повести М.Ю. Лермонтова «У граф. В. был музыкальный вечер...» и законченной Львом Цапуриным вызывает ощущение, что повесть написана одним лицом, а именно М.Ю. Лермонтовым; даже не верится, как это удалось нашему современнику постигнуть стиль и язык, присущие эпохе М.Ю. Лермонтова. Несомненно одно – это в полной мере удалось Л. Цапурину. Не буду обсуждать, как бы закончил М.Ю. Лермонтов свою повесть, с каким развитием сюжета и с какой концовкой, об

этом можно бесконечно гадать и спорить, но главное условие М.Ю. Лермонтова выполнено – «что началось необыкновенным образом, тем должно и кончиться» – и это удалось Льву Цапурину.

Повесть читается с интересом, можно сказать – на одном дыхании, читатели от прочтения получают огромное удовольствие.

Другие рассказы Льва Цапурина, на мой взгляд, слабее предыдущей повести, наблюдается некоторая шероховатость в языке, употребление избитых сравнений, но тем не менее они читаются с интересом.

Рассказы Льва Цапурина можно рекомендовать к изданию для выхода на массового читателя.

Константин Проймин. Член СП.

3 октября 1992 г.

Ниже надпись Льва Федоровича Цапурина на своей книжке «Вариант окончания неоконченной повести М.Ю. Лермонтова “Штосс”». Федору Ивановичу, который хотел написать книжку о своей жизни.

Другу Федору от друга и автора этой книжки!

Федор! Если ты хочешь окунуться в это проклятое море искусства, то нужно бросить все: работу и личную жизнь, забыть о сытости, забыть об одежде, забыть обо всем!!!

При всем при этом результат твоих исканий неизвестен и, если даже предположить, что ты чего-то добьешься, то верь мне, тебя ждет не слава и почести, а ненависть и злобное

шипение окружающих тебя людей. Все ползут с критикой и никто не скажет доброго слова.

Вот так-то, мой друг!

Л.Ф. Цапурин

12.04.1993 год

О национальной гордости

Нисколько не умаляя достоинств романа-анекдота В. Войновича «Приключения Чонкина», я хочу заметить одно, что принцип построения романа-анекдота не нов, а является перепевом с другого романа – «Путешествие Эраста Крутолобова», написанного в прошлом веке и тоже в так называемый застойный или реакционный период, только вместо самолета там с неба падает воздушный шар.

Россия! Вместо того, чтобы тебя по-настоящему прославлять и возвеличивать, сколько всевозможных людишек на твоём горе и несчастьи строят свое личное благополучие, да еще с претензией на некую «гениальность».

Цапурин Лев Федорович

Казачка из Красного Оселка

В 1986 году я приехал к большому нашему поэту Федору Григорьевичу Сухову в его засугробленный Красный Оселок со своими стихами. Он внимательно прочитал их и положил в сторону. Стали с ним чай пить, разговаривать о только что начавшейся перестройке. А когда пришла его жена Мария Арсентьевна Сухорукова, он взял мои листы и сказал ей: «Отбери, пожалуйста, из этих стихотворений с пяток для напечатания в газете, а я напишу вводку».

Мне стало ясно, что Федор Григорьевич очень доверяет своей жене и дорожит ее мнением.

За чаем между разговорами зазвучали и поэтические строки. Читала Сухорукова:

«Брожу в лесу, листвою шурша,
Стволов касаясь,
И проясняется душа,
Пред Богом каюсь.
Слегка береза шелестит,
Вся в серебринках,
И бабье лето к нам летит
На паутинках».

Мария Арсентьевна родилась на хуторе Ярыжки Волгоградской области, на бывшей земле области Войска Донского, в свобододолюбивой казачьей среде. Окончила историко-филологический факультет пединститута. Стихи писала с детства, первое опубликовала в 14 лет в журнале «Пионер».

При волгоградской писательской организации она посещала поэтическую студию уже тогда известного российского поэта Федора Сухова, в то время жившего в Волгограде. Поэтический дар Марии Сухоруковой Федор Григорьевич заметил, еще когда она присылала свои стихи в газету «Волгоградская правда», где он работал литсотрудником. После института Мария Арсентьевна преподавала русский язык и литературу. Затем работала корреспондентом областной газеты «Молодой ленинец». Свои стихи печатала в областных и местных газетах, в журналах «Волга», «Юность», «Нева», «Наш современник» и других. Федор Григорьевич Сухов помог Марии Арсентьевне издать в столице первую книгу стихов «Под солнцем» («Молодая гвардия», 1977 год).

В 1979 году она переезжает жить в село Красный Оселок, на родину Федора Григорьевича. Член Союза писателей России, лауреат премии Бориса Корнилова, она – автор теперь уже пяти книг. Последний сборник «Зов небес» издан в Нижнем Новгороде благотворительным фондом «Меценат».

Поэзии Марии Сухоруковой присущи философское осмысление жизни, лиричность, напевность. Неслучайно более десятка стихотворений ее положены на музыку компози-

торами Т. Татариновой, С. Смирновым, Б. Сазоновым и знаменитым А. Заволокиным. Я слушал эти песни. Очень душевные.

В последние годы Мария Арсентьевна много обращается к Богу, и потому ею написано немало православных стихов.

...Размолвку с мужем, а затем и его кончину она очень тяжело переживала.

«Речка струйками льется в ведра,
Но средь радости и потерь
Мне все больше и больше, Федор,
Не хватает тебя теперь.
За ошибки себя ругаю,
Как бы надо тебя беречь!
Ты беседовать мог с лугами
И родную лелеять речь».

Воспитание сына, наставление его на путь истинный тоже стоило ей немалых трудов и здоровья. И теперь она с радостью восклицает:

«Двух поэтических кровей,
Двух душ – слиянье, откровенье.
Арсентий! Сын! В душе твоей
Всегда ищу свое спасенье.
Красивый, взрослый, в блеске дня

Ты для меня – ребенок снова.
Глазами мужа мне родного
Смотри почаще на меня».

В конце своей заметки я с удовольствием хочу пожелать
Марии Арсентьевне доброго здоровья, стойкости в жизнен-
ных испытаниях и новых удач на поэтическом поприще.

«Нижегородская правда»

15 ноября 1997 год

Хвалите бога

Мария Арсентьевна Сухорукова – очень талантливая поэтесса. Знаю ее не менее 30 лет. Когда был жив ее муж, прекрасный поэт Федор Григорьевич Сухов, я не раз навещал их в селе Красный Оселок Лысковского района. За чаепитием мы читали стихи. Говорили о поэзии и о поэтах. Мария тогда еще не была членом Союза писателей России. Их сын Арсентий в то время учился в ПТУ в г. Лысково.

Жить в селе двум поэтам при огромном усадище было нелегко. Кроме написания стихов, нужда заставляла их копать, сажать, собирать урожай. Удобств никаких. Это уж потом они провели газ, а то на зиму нужно было запастись дровами. Напилить их, наколоть. Истопить печь. Еду приготовить. Мария Арсентьевна тогда работала учительницей в школе. При таких условиях их жизнь текла не всегда ровно. Незадолго перед смертью Федор Григорьевич уехал жить в Нижний. Однажды от него я услышал, когда он еще жил в селе, такую фразу: «Мария моложе меня на 30 лет, все трудности при хозяйстве достаются ей. Не каждая молодая женщина свяжет свою судьбу со стариком».

И вот уже прошло ровно 23 года, как не стало Федора Сухова. И если Мария была в чем-то виновата перед ним, то все эти годы она раскаивается в этом. Не это ли подвигло ее

к вере в Бога?

15 ноября 1997 года в газете «Нижегородская правда» была опубликована моя заметка о Марии Сухоруковой и ее только что вышедшем пятом стихотворном сборнике. У меня на него тогда родился экспромт:

Твоих стихов я много знаю.
Их с удовольствием читаю.
И ждал, как чудо из чудес,
Прочесть твой сборник «Зов небес».

В прошлом году у Марии Арсентьевны вышла уже десятая по счету книга стихов в красочно оформленном твердом переплете, с иллюстрациями. Если 23 года назад поэтесса только входила в религию, то теперь целиком погружена в нее. Почти каждое стихотворение пронизано Богом, раскаянием и печалью.

Армянский поэт Шираз однажды сказал:

«Поэт утешит каждого, кто грешен,
Но сам он безутешен».

И Мария, не находя себе утешения, пишет:

«Я по горло в крови, дикий ужас!
И в моей многогрешной судьбе

Хуже зверя любого я, хуже:
Столько душ загубила в себе!

Я грешила устами, руками,
Я у бездны была на краю.
А теперь сокрушаюсь и каюсь,
Свою горькую песню пою...»

В стихах Марии Сухоруковой звучат ноты отчаяния, переживания и глубокого волнения за будущее своей Родины – России, за свой народ. За молодых людей, которые только вступают в жизнь.

«Помогите, спасите родную
Боль мою – православную Русь,
Не боюсь за себя за одну я,
За птенцов желторотых боюсь».

С возмущением пишет она о злобном отношении людей к животным.

«Подвластны мы стали злой силе,
И льется она через край.
Убили собаку, убили
За громкий, залиvistый лай.
В каком же ужасном угаре,

Безумии люди живут,
Коль преданной лающей твари
Полаять и то не дают».

Мария Арсентьевна – поэтесса смелая, со своим особым видением мира. В одних стихах она обвиняет Ленина и нынешнюю демократию, в других – прославляет царя Николая Второго и Григория Распутина. Пусть ее точку зрения воспринимают по-разному, но на то она и поэт, а не слизняк, чтобы писать в угоду кому-то.

В то же время в ее стихах не теряется вера в то, что, пройдя страдания и муки за свои грехи, Россия под покровительством Господа Бога не только найдет себе спасение, но и займет достойное место в мире.

Я с большой любовью отношусь к стихам Марии Сухоруковой.

Приведу здесь несколько строк из лирического стихотворения «Флоксы».

«Серебристо росы
Обрядили сад.
Розовые флоксы
Аромат струят.
И под тучей черной
В солнечные дни
Молятся соборно

Господу они».

Такие стихи читаешь, и легко становится на душе. Молодец, Мария!

В заключение хочется привести еще одно четверостишие из ее стихотворения «Хвалите Бога».

«Я червь и тля, труха от пня,
Грешна, убога.
И не хвалите вы меня,
Хвалите Бога».

Вспоминая родного брата

В газете «Нижегородская правда» за 30 октября 2004 года я вычитал «анекдоты от Карпея». Владимир Теодорович там упомянул про Горьковское ЦКБ по судам на подводных крыльях, которым руководил знаменитый конструктор Ростислав Евгеньевич Алексеев.

После прочтения этой публикации я вспомнил некоторые моменты из давних рассказов моего младшего брата Александра (ныне покойного) про свою работу бортрадистом гражданской авиации. Специальность бортрадиста он получил на Дальнем Востоке, в армии. После увольнения приехал в Горький, к себе на Родину. Здесь его приняли в один экипаж по этой специальности. Испытывать гражданские самолеты. Испытывали они их над Азовским морем. Во время полетов происходили разные сложности. Был случай: самолет по какой-то механической причине упал в море. При этой аварии один вывихнул руку, другой сломал ногу, третий – повредил позвоночник. Александр отделался легкими ушибами. Несмотря на то, что Ростислав Алексеев занимался судостроением, он, оказывается, и с авиаторами состоял в близких отношениях. Александр говорил, и не без гордости, что Ростислав Евгеньевич очень уважал их команду. При встрече с ними всегда здоровался за руку, приго-

варивая: «Вот мои бесстрашные соколы!» А однажды после выходного дня Алексеев рассказывал их командиру: «Вчера Иван опять ко мне приезжал. Выпили, конечно. Разговорились. И я с ним поделился идеей, которая давно во мне зародилась, как бы изобрести самолет из такого металла, чтобы он при столкновении с твердым телом не разбивался. Вон как муха! Она ударилась о стену и дальше полетела, как ни в чем не бывало».

Ребята спрашивали друг друга: «С каким Иваном Ростислав Евгеньевич вчера беседовал?» Командир ответил: «С Кожедубом!» Ни фига себе, это с трижды героем Советского Союза? Да Иван Никитович Кожедуб теперь генерал-полковник авиации.

Много интересных случаев рассказывал мне брат о своей работе, но я не записывал. Думал, что все это успеется. К сожалению, не всегда случается так, как мы думаем.

Хочется сказать еще несколько слов о брате.

Александр вышел на пенсию по выслуге лет в сорокалетнем возрасте, но продолжал работать по другим специальностям. Он много читал. Из библиотеки брал не по одной, а по две-три, а то и по пять книг сразу. Анекдотов знал множество. Можно было издать книгу. Один раз в Зеленом городе, в Доме отдыха «Красное Сормово», он среди своей компании рассказывал их целый вечер. Женщины от смеха катались по полу. Они говорили ему: «Саша, оставь, пожалуй-

ста, на завтра хоть с пяток». Он ответил: «Не беспокойтесь, у меня их не только на завтра хватит, но и на послезавтра». Приведу для примера здесь один анекдот: «Старушка пришла к молодому врачу в кабинет и жалуется, что у нее болит живот. Врач сказал: “За ширмой есть диван, разденьтесь и ложитесь на него. Я сейчас подойду”. Старушка разделась, легла на диван и тихо с вожделением зовет врача: “Ну, иди, охальник!”»

Александр умер в 50 неполных лет, во время лихолетья, в 1992 году, от некачественной водки, выпив всего 150 грамм. В те годы от поддельной водки умирали тысячи. Зарплаты и пенсии задерживали по полгода. Зарождалась «демократия». На производстве высокие начальники, пользуясь хаосом в стране, на глазах у народа и втайне мухлевали, и в то же время спали беспокойно, готовясь к местам не столь отдаленным, разучивали блатной жаргон. Народ терпел. Мы тогда с младшей сестрой трижды ездили в Кстовский пенсионный фонд, но там нам так и не дали ни копейки на похороны брата. Именно в те годы было к народу такое бесчеловечное отношение. В то время у меня внезапно появилось стихотворение: «Живу, как в джунглях, среди зверей...» Я его тогда никому не посвящал, оно просто появилось при нахлынувших чувствах. Плюс моя неосторожность.

Храм-часовня на Барановом Ключе

Это часовня в конце деревни Козловки.
2005 г.

На окраине деревни Козловка, в километре от шоссеиной дороги Щербинки – Кстово, находится целебный родник Баранов Ключ. По преданию, еще до 19 столетия рядом с ним стояла часовенка, какие раньше ставили на перекрестках дорог и ключах. В этой часовне находилась икона Божией матери «Живоносный источник». Кем она была поставлена – неизвестно. Неизвестно, и с каких пор стояла эта часовня. По дороге невдалеке от этого ключа и часовни ездили благочестивые торговые люди на Макарьевскую ярмарку. В жару они останавливались там, отдыхали, пили эту прозрачную, вкусную воду и осеяли себя крестным знамением. В числе других торговцев по этой дороге ездил и московский купец Баранов. Человеком он был набожным. Каждый год проездом также заходил на этот ключ и утолял жажду. Потом по русскому обычаю молился перед иконой «Живоносный источник». Нежданно-негаданно купец Баранов заболел и ослеп. Он продолжительное время обращался за помощью к врачам, но никто не мог ему помочь. Тогда сама Пресвятая Богородица явилась ему во сне и указала то место, где он может излечиться. Благочестивый купец приехал туда, с помощью других пришел на указанное место, узнал его, усердно помолился перед иконой «Живоносный источник», умылся

из родника и чудесным образом прозрел. В благодарность за исцеление московский купец Баранов взял икону к себе домой, а на источнике построил новую часовенку в честь иконы «Живоносный источник», исцелившей его, и поместил в храме-часовне копию чудотворного образа. Так прославились и икона, и ключ, из которого исцелился купец Баранов. С тех пор и стало то место называться Баранов Ключ. Он вытекает из горы, к которой приютилась часовня. В часовенке для воды устроили водоем, из которого вода стекает по трубе наружу для паломников и прихожан. С тех пор у верующих Баранов Ключ стал именоваться целительным, святым. Богомольцы приезжали на поклонение святыне из Нижнего Новгорода, а так же уездов Горбатовского, Балахнинского, Семеновского и даже окраин Владимирской и Костромской губерний. Больные, веруя в целебную силу воды, пили ее, молились Пресвятой Богородице и обливали свои тела из ведра, и многие из них выздоравливали. За весь период существования часовенку много раз ремонтировали. Но в Советское время ее разрушили. И только 9 августа 2000 года был заложен первый камень в основание Нового Храма-Часовни и по сохранившимся фотографиям возрожден. 14 октября 2000 года освящен.

Главная заслуга в воссоздании Храма-Часовни принадлежит Ольге Львовне Дмитриевой.

Во время болезни она прослышала про Баранов Ключ, что находится в конце деревни Козловка, где люди, чтобы из-

бавиться от недугов, помолившись Пресвятой Богородице и окатившись из ведра водой из того целебного источника, приобретают духовную силу и здоровье. Ольга пришла туда и удивилась. Ей не таким образом представлялся святой источник. И она, посоветовавшись с родными и близкими, приняла решение: восстановить Храм-Часовню. И воля ее была исполнена. Но безжалостный рок вырвал ее из жизни. Она не увидела нового Храма-Часовни. Зато другие больные люди на этом святом источнике исцеляются и добрым словом поминают ее.

Ольга Львовна Дмитриева родилась в Иркутской области в 1969 году. Выросла и жила в Нижнем Новгороде. Умерла 5 сентября 2000 года.

На фасаде Храма-Часовни две мраморные таблички. На одной надпись: «Храм-Часовня разрушен – 1940 г., воссоздан – 2000 г.» На другой: «Святыня воссоздана в память об Ольге Львовне Дмитриевой».

Благородное дело свершилось во славу Господа.

Да будет на то воля Божия.

О Варваре-Великомученице

О Варваре-великомученице я впервые услышал от матери, когда был еще юношей. Затем, став взрослым, я о ней более подробно прочитал в книжке.

В царствование нечестивого Максимиана – в начале четвертого века нашей эры – в городе Илиополе Финикийском, что был расположен к северу от Палестины (теперь того города нет на земле), жил Диоскор-язычник. У него родилась дочь, которую он назвал Варварой. Мать Варвары рано умерла. И Диоскор всю свою любовь отдавал дочери. Берег ее как зеницу ока. Повзрослев, Варвара стала настолько красивой, что Диоскор стал прятать ее от простых и незнатных людей, которые, по его мнению, недостойны были смотреть на такую красавицу. Построил для нее высокий замок и приставил к ней бдительных стражей, и надежных служанок, и воспитательниц.

Живя в уединении, Варвара находила для себя утешение любоваться с высоты своей башни: ночью – луной и звездами, а днем – рощей и цветущим лугом, зелеными холмами и речкой. И тогда она спросила своих наставниц: «Кто создал этот прекрасный мир?» Они отвечали ей: «Боги, которым молится твой отец!» Варвара не поверила им, потому что те Боги, которые имелись в их дворце, были сами сделаны ру-

ками человеческими. «Создатель должен быть другим, – думала она, – ведь он дает всему жизнь». И однажды в сердце Варвары воссиял свет Божественной благодати, и очам ее открылся невидимый и непостижимый Бог.

Когда отец ей начал намекать о замужестве, она и слушать о том не хотела, ибо сердце ее было наполнено любовью к Творцу.

Диоскор был вынужден разрешить Варваре выходить из замка, надеясь на то, что, общаясь с людьми, она сменит свое отношение к браку и тогда ее можно легко выдать замуж. Но, наоборот, пользуясь свободой, предоставленной отцом, Варвара стала встречаться с христианскими девицами, и от них она услышала про Иисуса Христа. И, воспылав к нему любовью великой, пожелала принять крещение.

Однажды, при отъезде отца по своим делам, из Александрии в Илиополь пришел некий пресвитер под видом купца. Варвара воспользовалась этим случаем: попросила пресвитера, чтобы он окрестил ее. После своего крещения она еще больше возлюбила Бога и начала поститься и молиться день и ночь.

Возвратившись домой, Диоскор при беседе с Варварой узнал, что она не молится его Богам, а уверовала в Единого Бога – Отца, и Сына, и Святого Духа. От этого он пришел в ярость. Жестоко избил ее. Заключил в темное помещение. Морил голодом. Но никакие угрозы не помогли. Она не отреклась от Иисуса Христа, и тогда Диоскор привел Варвару к

правителю своей страны, чтобы тот любыми путями склонил его дочь к их языческим Богам. Иначе он вообще откажется от нее. Правитель Мартиан сначала был ласков с дочерью Диоскора, но после ее слов, что она верует только в Единого Бога Создателя, разгневался и приказал сечь ее воловьими жилами, опалить тело свечами и бить по голове молотом. Но все пытки Варвара выдержала.

Когда ее мучили, в толпе народа стояла богобоязненная женщина из этого же города по имени Иулиания. Видя издевательства над святой Варварой, она не могла сдержаться и, плача, стала громко обличать правителя и хулить языческих Богов. Ее схватили и также стали мучить и истязать, а затем казнили вместе с Варварой за городом на горе. Жестокосердый Диоскор так был ожесточен дьяволом, что сам своей дочери Варваре отсек голову мечом. Святую Иулианию обезглавил воин.

После казни разразилась гроза, и Диоскора и Мартиана-правителя постигла Божья кара. Ударами молний их убило, да так, что праха от них на земле не осталось.

Честные же мощи святых мучениц взял благочестивый человек по имени Галентиан. Он принес их в город, похоронил и построил над ними церковь. От мощей святых мучениц было много исцелений. Со временем их святые мощи обошли весь мир.

Мощи святой великомученицы Варвары ныне находятся во Владимирском соборе в Киеве. У нас в Нижнем Новгоро-

де в честь нее названа улица. И в честь же нее на этой улице, недалеко от «Нижполиграфа», стоит часовня. На ее железной двери я прочел надпись: «Часовня святой великомученицы Варвары в память нижегородцев, невинно убиенных в годы лихолетия». В этой часовне (построена она в 1912 году) в одной из икон имеется частица мощей великомученицы Варвары.

Нижний Новгород я за свою жизнь исходил вдоль и поперек. Проходя мимо этой часовни, я никогда не придавал ей серьезного значения. Но однажды, выйдя из редакции «Нижегородской правды», посетил ее. Помянул умерших родителей. Поставил за них свечку. На другой день мне приснилась давно не снившаяся мать. Будто бы я гуляю на улице, а она из избы открыла окно и, окликнув меня, подает мне кусок ржаного хлеба. Я очень удивился этому сну и с тех пор начал по возможности посещать эту часовенку.

Мать умерла у нас 13 лет назад. И она мне изредка, но все-таки снится. А отца мы похоронили в 1944 году, когда я пошел в первый класс. И с тех пор, за все 62 года, он мне ни разу не приснился. А мне так хотелось увидеть его во сне.

Я давно купил в этой часовенке книжечку «Житие и страдания святой великомученицы Варвары». Прочитал ее внимательно один раз и положил вместе с другими святыми книжечками в книжный шкаф. В часовне же приобрел и ее иконку. Иконка стояла на книжном шкафу, а книжечка затерялась. А мне понадобилась молитва святой Варвары, которая

имеется в этой книжечке. И я вновь пошел в часовню покупать еще одну. Мне там сказали: «Такой книжечки нет. Возьмите “Акафист святой великомученицы Варваре”, там есть эта молитва». Я взял. Пришел домой и стал читать его. Прочитав страниц 15-20, я задремал. И во сне увидел отца. Оптимистично настроенного, молодежавого. Ведь ему было, когда он умер, всего 46 лет. Я настолько был обрадован и удивлен, что сразу же проснулся и невольно вслух произнес: «Ну ты даешь, Варварушка!» И понял, что своей святостью Варвара-великомученица очень сильна. Да и все святые сильны своей божественной благодатью. Только надо быть с ними очень искренними!

А вскоре нашлась и затерянная книжечка «Житие и страдания святой великомученицы Варвары».

Чудны твои дела, Господи.

О часовне на улице Варварская

В часовню, что находится на улице Варварская и носит имя великомученицы Варвары, я стал заходить не так давно. Мне нравится там поставить свечи и помолиться за живых и усопших.

Я не раз спрашивал многих, как она существовала в советское время, но никто ничего мне не мог сказать.

В августе 2006 года, находясь в часовенке, я увидел перед собой мужчину крепкого телосложения, загорелого, энергичного. Я его ни о чем не спрашивал, он сам начал мне говорить о ней.

Когда вышли из часовенки, познакомились. Это был Александр Геннадьевич Кандаков, 1955 года рождения, капитан дальнего плавания. В то время у него заканчивался отпуск, и он собирался в очередное плавание. Из его разговора я узнал, что в советское время это небольшое здание часовенкой не именовалось. В нем никаких икон не было.

В этом помещении, несмотря на то, что оно такое крохотное, было две комнаты. С улицы Варварской на площади 9,5 квадратных метров ютилась семья Нагорновых: муж с женой и двое детей. Хозяин этой так называемой квартиры Николай Филиппович состоял в партии, работал милиционером. Со двора, где были пристроены сени, был вход в другую ком-

нату. Там проживал одинокий пенсионер дядя Сережа, лет 75. Его тогда близкие люди называли раскулаченным. Он когда-то в деревнях закупал яйца по дешевой цене, а в городе продавал по дорогой. Теперь перепродажу товаров называют бизнесом, а тогда он за это отбывал ссылку. У него были дети, но они от него отказались.

В конце 70-х годов, рассказывал мне Александр Геннадьевич, у дяди Сережи квартировал молодой человек, слушатель высшей партийной школы, тоже коммунист, Николай Александрович Козлов, мой друг. Мы с ним до 1975 года служили вместе на атомной подводной лодке на Северном флоте. Наша дружба продолжалась и на гражданке. Я в то время учился в водном институте и жил в общежитии. Эта улица тогда называлась не Варварская, а Фигнер. Николая Козлова я навещал здесь часто. У хозяев в обеих квартирах стояли газовые плиты. Отопление было печное. Когда к ним привозили дрова, я помогал им колоть их. Хотя они и топили печи, у них всегда было холодно и сыро. Хозяева постоянно включали на ночь газовые плиты.

Дядя Сережа любил портвейн и частенько ходил под хмельком. Один раз в таком состоянии он поделился с соседом Николаем Филипповичем и со своим квартирантом Николаем Александровичем «тайной», что когда-то, еще до революции, их здание называлось часовней, здесь были золотые кресты, иконы в дорогих окладах и прочие драгоценности. И что теперь под ними, то есть под их полом, должен

быть зарыт церковный клад.

«Как-то вечером я прихожу к Николаю Александровичу, – продолжал рассказывать Александр Геннадьевич, – а у них закрыто, что бывало очень редко. Стучу по наружной двери, никто не открывает. Когда начал кричать, открыли. Смотрю, стоят передо мной Николай Филиппович и мой друг Николай Александрович, оба испачканные глиной. Смеются, поясняют мне: «Нам дядя Сережа наговорил, что у нас в подполе церковный клад зарыт. И вот мы сегодня перерыли там все, ничего не нашли. Когда ты застучал по двери, испугались, притаились, будто никого дома нет. Узнав по голосу, что свой человек, – открыли. Ты уж никому не говори об этом, – предупредили они меня, – а то узнают, что мы, два коммуниста, церковный клад искали у себя в подполе, засмеют. Мало того, из партии исключат».

О матушке-земле нашей

Многие люди называют нашу матушку-землю грешной. Когда я слышу такое несправедливое отношение к ней, меня берет жалость и обида за нее, потому что она не грешная, а страдальица, кормилица наша. Грешен сам человек. Когда он был дикарем, то творил свои безобразия по недомыслию, а «поумнев», возомнил себя хозяином Вселенной, царем природы и начал безобразничать по своей эгоистической потребности и прихоти, а порой и халатности. Мне еще в детстве мать рассказывала, как земля жаловалась на людей солнцу, что они ее всю заплевали, загадили, что она устала от их жестокого и пренебрежительного отношения к ней. И солнце ответило земле: «Потерпи еще немного». И земля, видя и чувствуя на себе, как человек продолжает измываться над ней, – терпит. Да, земля – живой организм, она все видит, все слышит и чувствует, как ей больно. Но люди настолько очерствели своим сердцем, что не хотят в это вникать. Человек – варвар по своей натуре. Он и себя не щадит: курит, пьянствует, употребляет наркотики – и к земле относится по-варварски. Собирая в лесу грибы, он, не задумываясь, бросает на сухую листву незатушенные окурки, от чего часто случаются пожары, и в огне гибнут деревья, птицы, звери. Иной раз, в летнее время, приходится видеть, как

на речке, где купаются дети, шофер моет свою машину. После этого на берегу остаются пятна слитого бензина и масла, кучки мусора: там и целлофановые пакеты и пластиковые бутылки, которые, разлагаясь, выделяют ядовитое вещество – диоксин. На поле тоже можно увидеть примятую пшеницу от колес автомобиля. Это говорит о том, что эти люди пресытились, не знают цену хлеба. Или еще: смотришь, как по шоссе катит на легковой машине вроде бы порядочный человек, но вдруг он приостанавливается, трусливо оглядывается вокруг и, убедившись, что рядом никого нет, выкидывает мешок с мусором в кювет. Да что там мешок, иные шоферы, обнаглев от безнаказанности, ухитряются в темное время суток вываливать прямо у дороги целые машины мусора. Видимо, им не приходит в голову мысль, что земля-матушка у нас одна-единственная. Надо ее любить, ценить и беречь, а они ее превращают в отхожее место.

В наше время наука и техника развиваются стремительно и часто не в пользу природе. Теперь какими только химикатами не перенасыщены земля и воздух!

Мы нередко видим по телевизору, что при авариях железнодорожных составов на землю выливается нефть, а сколько ее выливается в моря при авариях танкеров! А какой урон земле принес взрыв на Чернобыльской атомной станции! И надо думать, что это еще цветочки, потому что люди продолжают строить атомные станции по всему миру. Они и думать не хотят, что этим самым мастерят всей планете гроб, давая

шанс инопланетянам сыграть над нами злую шутку. Можно же использовать ветровую и солнечную энергии.

73 года назад отец при колке дров топором поранил себе руку, и он в первую очередь схватил горсть земли и прижал ее к ране, чтобы остановить кровь. Земля тогда еще не была такой отравленной. В наше время, если такое сделаешь, можешь получить заражение крови. Раньше не знали, что такое кислотные дожди, а теперь они выпадают. В огородах помидоры на кусту заражаются фитофторой.

Воздух, вода, земля – это источники нашей жизни, а люди их продолжают загрязнять.

Тебе, человек, все даром досталось: деревья, цветы, птицы, солнце, земля, воздух, реки. Не захламляй их, а, наоборот, дружи с природой, поддерживай везде чистоту. Но ты не хочешь даже задумываться над этим, делаешь все, как тебе заблагорассудится, как тебе комфортно и выгодно. Ты превратился в потребителя, в господина-иждивенца. Твой лозунг: «Все мне и ничего от меня». Сваливая нечистоты на землю, ты запоганиваешь ее, а место для строительства своего дома выбираешь почище. А за водой едешь с флягами к чистым источникам в Печоры или в Дивеево. Ты хочешь подольше пожить и, может быть, поживешь. А задумывался ли ты, как будут жить твои дети и внуки?

P.S. По «казанке» от станции Запрудное до въезда в город Нижний Новгород весной 2006 года было выставлено 65 новых контейнеров. Для того чтобы из проезжающих авто-

машин именно сюда, а не на обочину, сбрасывался мусор. Установка контейнеров и своевременный вывоз хлама значительно повысили чистоту обочин. Но за лето 50 штук из них было украдено. Каждый контейнер стоит 3 тысячи рублей. Потери составили около 150 тысяч...

Кстовская районная газета «Маяк»

16 февраля 2007 года

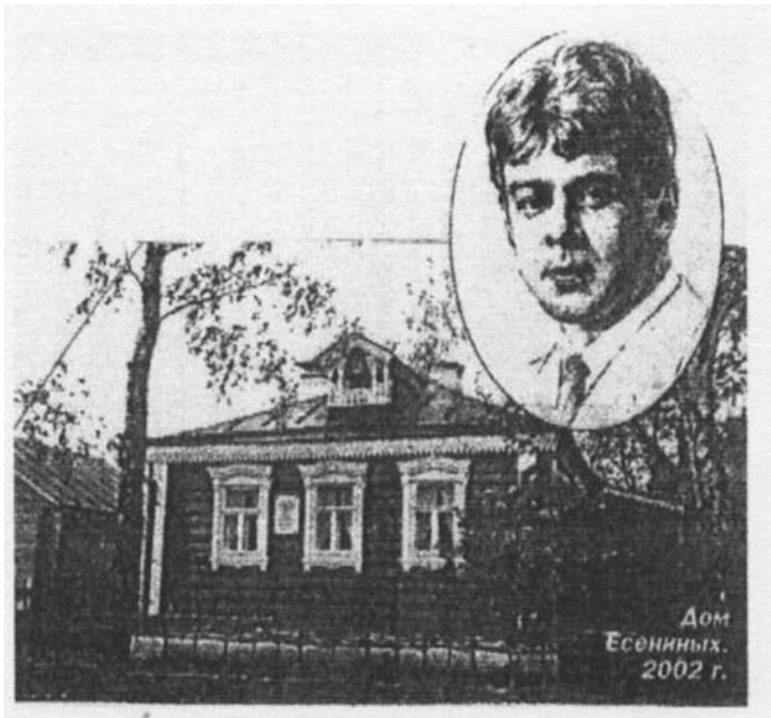
На родине С. Есенина

Четырежды я бывал на родине Сергея Есенина, в селе Константиново Рязанской области. Один раз – в конце 60-х и два – в начале 70-х. Последний раз – в мае 2002 года. Ездил всегда через Москву, чтобы еще посетить его могилу на Ваганьковском кладбище, поговорить с ним наедине. Почитать свои стихи. Многие ему тогда подражали, и я в том числе:

Неужели придется и мне
В поздний час, под сиянием месяца
От тоски по родной стороне
На суку старой липы повеситься.

Почти все до недавнего времени думали, что Сергей Есенин покончил жизнь самоубийством. Одна только родная мать тогда догадывалась, своим сердцем чуяла, что в его смерти виновны наемные убийцы. И, договорившись с церковным батюшкой, попросила заочно отпеть сына.

В этом году поэту Сергею Есенину исполняется 120 лет со дня рождения. Наша любовь к нему и к его творчеству безгранична.

Стихи его я полюбил с молодых лет. Особенно мне понравилось это стихотворение:

«Выткался на озере алый свет зари.

На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.

Только мне не плачется – на душе светло...»

Церковь Казанской иконы Божией Матери села Константиново Рязанской области, где крестили младенца Сергея Есенина.

Село Константиново Рязанской области.
Такая была церковь в 1971 году.

Сочинил Есенин его в пятнадцатилетнем возрасте.

Конечно, иволга не плачет. Она нежно свистит, как на флейте играет. Другой ее крик похож на голос рассержен-

ной кошки. Потом, она в дупле гнезда не вьет. Ее гнездышко-корзиночка всегда висит, раскачивается на ветру высоко в кроне берез. А еще: «На бору со звонами плачут глухари». Глухари тоже не плачут, а токуют. Но, несмотря на эти биологические погрешности, стихотворение воспринимается прекрасно. Чувствуется, что его написал настоящий поэт.

Стихи Есенина давно издают на многих языках мира. В советское время я слышал по радио, с какой нежностью и любовью японские парни исполняли на русском языке песню на его стихи:

«Над окошком месяц. Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.
Дальний плач тальянки, голос одинокий –
И такой родимый, и такой далекий...»

Только бездушного человека может не затронуть эта песня. Если не ошибаюсь, кажется, Тренев сказал о Есенине: «Он из камня слезу выжмет». Мы гордимся нашим великим русским поэтом Сергеем Есениным.

Жизнь – обман с чарующей тоскою.
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.

Меня давно интересует вопрос: «Все ли зависит от человека? Не судьба ли распоряжается им?» Хитров Евгений Михайлович, преподаватель русского языка и литературы в Спас-Клепиковской церковно-учительской школе, где Сергей занимался с 1909 по 1912 год, в своих воспоминаниях писал: «В нашей школе у Есенина среди его товарищей-однокурсников были сильные соперники в поэтическом творчестве. Из них наиболее выдающимся был некто Егор Тиранов. В его произведениях мысли кипели, чувства клокотали. Не знаю, как сложилась судьба его. Говорят, что он уехал куда-то в Сибирь и слуху о нем нет.

Есенин же, как мне кажется, попал в условия, благоприятные для развития его таланта... В 1916 г. он уже прислал мне первый сборник своих стихов, названный им “Радунница”».

Мы некоторый раз говорим, что Бог помогает. Но Бог-то Бог, да будь сам неплох.

Тот же преподаватель Е.М. Хитров пишет: «Помню, я читал “Евгения Онегина”, “Бориса Годунова” и другие произведения в течение нескольких часов, но обязательно все целиком. Ребята очень любили эти чтения. Но, пожалуй, не было у меня такого жадного слушателя, как Есенин. Он впиался в меня глазами, глотал каждое слово».

В Москве Есенин посещал Суриковский кружок, затем полтора года – университет Шанявского. Перечитал европейскую и американскую литературу. И постоянно писал стихи. Хоть четыре строчки в день.

Главным стержнем в творчестве С. Есенина является любовь. Он говорил: «В жизни поэта чувство влюбленности не должно прекращаться. Поэт должен быть всегда влюблен, только тогда у него будут стихи высокого класса». От него нередко можно было услышать: «Влюбиться бы!» И он влюблялся, женился и быстро остывал к той женщине, с которой жил. Семейные узы тяготили его. К хозяйству не был приспособлен. Он всецело отдавался работе над стихами:

«Но и тогда, когда во всей планете
Пройдет вражда племен, исчезнет ложь и грусть,
Я буду воспевать всем существом в поэте
Шестую часть земли с названьем кратким “Русь”».

В последние годы жизни немало людей отмечали у Есенина состояние, похожее на манию преследования. Поэт Рюрик Ивнев в своих воспоминаниях пишет, что когда он навещал Есенина в больнице-профилактории для нервных больных в Москве на Большой Полянке, то в начале разговора, стоя у окна, Есенин вполголоса сказал ему: «Давай отойдем от окна, а то у меня столько врагов, что увидят и запустят камнем. Тогда и в тебя могут попасть!..» Потом продолжил: «И что им от меня надо? Откуда берется эта злоба? Ну, скажи, разве я такой человек, которого надо ненавидеть?» А в Ленинградской гостинице «Англетер», за несколько дней до смерти, он, разговаривая с одним человеком, вдруг замол-

кал, подходил к двери и открывал ее, при этом говоря: «Меня подслушивают».

Некоторые думали, что это у него от алкоголя. Но Есенин знал, что в 1921 году расстреляли поэта Николая Гумилева. 30 марта 1925 года в Лубянской тюрьме, где Есенина неделю держали еще в 1920 году, был расстрелян его друг, поэт Алексей Ганин. Есенин чувал свою смерть, только не знал, откуда она придет. Своим друзьям-поэтам он тоже говорил: «Во время бессонницы ощущаю ее близость. Встаю с кровати, включаю свет и начинаю быстро ходить по комнате, читая книгу. Таким образом рассеиваешься». У одной из сестер он спрашивал: «Как ты думаешь, Бог есть?» В восемнадцатилетнем возрасте он перестал носить нательный крест. У Есенина в одном стихотворении есть такая строка: «Слишком я любил на этом свете!» Но он не только слишком любил. Он и мыслил, и внутренне чувствовал тоже слишком. Палачи не дремали. В ночь на 28 декабря Есенина не стало. Через несколько лет расстреляли друзей Есенина – поэтов Сергея Клычкова, Петра Орешина и Ивана Приблудного.

27 июня 1937 года также убили двадцатидвухлетнего сына Сергея Есенина Юрия, от первого брака с Анной Изрядновой, по обвинению в подготовке покушения на И.В. Сталина. После ареста В.Э. Мейерхольда в 1939 году зарезали в своей квартире Зинаиду Райх, вторую жену С. Есенина, (затем она была женой Мейерхольда) за то, что она хотела написать правду о смерти Есенина. Позже был уничтожен поэт

Николай Клюев.

Первый памятник на могиле С. Есенина был установлен в сентябре 1951 года. До этого стоял обыкновенный крест. В июне 1986 года его заменили новым.

Село Константиново расположено на крутом и холмистом правобережье Оки. Улица прямая и широкая. Я бывал там и весной, и осенью. И всегда заставал грязь непролазную. И диву давался: так много приезжает сюда поклонников поэзии С. Есенина, до 90 тысяч в год, и не только из России, но и из других стран – Америки, Германии, Англии, Японии, а дорогу не заасфальтируют. И все-таки в 1995 году заасфальтировали до бывшего клуба, который теперь называется научно-культурным центром, в котором находится еще один музей С. Есенина. А остальную часть улицы засеяли травой. Теперь там, вместо бывшей грязи, весной и летом – сплошной цветущий луг.

P.S. Многим знакомо стихотворение С. Есенина «Письмо матери». Но в народе из уст в уста еще передается стихотворение «Письмо сыну», которое исполнял по телевизору гармонист Геннадий Заволокин. В народе бытует мнение, что автором того стихотворения является мать поэта. Но я за свою жизнь слышал не один вариант такого письма. Вот еще один из них, который я знаю с 1954 года:

«Я по тебе соскучилась, Сережа.

Истосковалась по тебе, сыночек мой.

Ты пишешь мне, что ты скучаешь тоже
И в сентябре воротишься домой.

Ты пишешь мне, что ты по горло занят.
Я знаю, предан ты всегда делам своим.
А здесь у нас на Родине в Рязани
Вишневый сад расцвел, что белый дым.

А здесь у нас за дальним косогором
Плывет, качаясь, бледная луна.
По вечерам поют девчата хором
И по тебе тоскует не одна».

Стихи интересные. Но Татьяна Федоровна стихов никогда не сочиняла, а любителям поэзии Сергея Есенина, видимо, очень хотелось бы услышать ответ матери сыну в стихотворной форме. Поэтому народ сам и сочинил.

В гостинице я занял место для ночлега. Посидев на скамеечке часа два, увидел, как мимо меня стали проходить молодые люди. Оказалось, они выходили из клуба после танцев. И обратил внимание на одну очень красивую девушку, шедшую с парнем. Через некоторое время она вернулась, подседа ко мне. И попросила закурить. Я в то время курил. Поговорили. Собеседницей она была очень интересной. Сказала мне, что, когда выйдет замуж, обязательно родит сына, который станет поэтом.

Девушка жила в Москве, а на лето приезжала к бабушке с дедушкой, которые жили недалеко от клуба. Когда я приехал в 2002 году, то увидел окна того дома заколоченными. От жителей узнал, что бабка и дед умерли, а девушка, превратившись в солидную даму, недавно переехала на новое местожительство в г. Коломну. Говорят, что её сын читает наизусть туристам стихи Есенина.

Время течет. Жизнь меняется. Преображается жизнь села.

Ресторан «Русская быль» был построен еще в начале семидесятых. Мы заходили туда с дочерью еще в третий приезд. Дочери было тогда лет десять. Также заходили с ней белым днем в клуб. Я обратил внимание на висевшие рядом два портрета: В.И. Ленина и С.А. Есенина. Под каждым были начертаны слова. Под есенинским я запомнил несколько строк из его стихотворения «Стансы»:

«Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном –
В великих штатах СССР».

Надо отметить, что в музеях стало больше новых вещей,

фотографий. Клуб теперь перестроен в научно-культурный центр, в нем тоже располагается большой музей. Дорожки к нему и ресторану заасфальтированы. Асфальт положили еще к 100-летию поэта. Построены изящные магазины. Отремонтирован особняк в усадьбе бывшей помещицы Лидии Кашиной, там тоже литературный музей. Помню, в 70-х годах именно здесь при входе висела бо-о-ольшая фотография грязного села и приводились стихи С. Есенина:

«Сторона ль моя сторонка,
Горевая полоса».

Теперь этой фотографии нет. И грязи в Константинове тоже не стало. Всю улицу засеяли травой. Весной и летом там теперь цветущий луг. Вот уж поистине настоящие поэты на земле рождаются для того, чтобы она стала еще прекрасней.

О С. Есенине. Заколдованные звуки

Сергей Есенин – безусловно, великий поэт. Это до сих пор живая легенда: прекрасная и трогательная. И я не только всю жизнь читаю его стихи и о нем самом из воспоминаний современников, но и ездил на родину в село Константиново Рязанской области четырежды. Говорить и писать о нем и его творчестве можно долго и много, но я ограничу себя небольшой заметкой.

О Сергее Александровиче Есенине впервые я услышал еще в далекой юности. Когда он был запрещенным. Когда его порочили со всех сторон. В том числе и некоторые поэты и писатели.

Отзывались о нем, как о кулацком и вредном поэте. Но чем больше его ругали, тем больше у меня разгорался интерес к нему, как к поэту и человеку. Мы с моим наилучшим другом юности из Кузнечихинской Слободы Валентином Кордатовым списывали пленительные есенинские стихи, как, наверное, тогда большинство любителей, то из старых, зачитанных до дыр книг, а то у кого-нибудь из альбома. В них бурлила сама жизнь, кипела сама молодость:

«Цветите, юные, и здоровейте телом!

У вас иная жизнь. У вас другой напев.

А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив».

Или:

«Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым».

Еще:

«Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком.
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком».

У меня была своя гармонь, и я часто под ее аккомпанемент деревенской ночью, идя домой с гулянья, напевал эти стихи. А подойдя к своей избе, я еще целый час распевал их под своими окнами, сидя на скамеечке. Ума сейчас не приложу, почему меня не ругали ни мать моя, ни соседи, что я нарушал их ночной покой. То ли настолько уставали они от работы, что спали без задних ног, то ли спокойнее и добрее тогда люди были. Мне кажется, тогда и ночи-то красивее были: одинокая луна, тишина, цветущие вишни и сирень в са-

дах и палисадниках, и лишь слышится пение соловья, от которого замирает сердце. Или рассвет: на небе догорают звездочки, а вдаль за лугом широкий пруд и синяя дымка посреди него. Мне всегда казалось, будто Сергей Есенин лично мою деревню так красиво воспел. И как будто выражал именно мои мысли и чувства. И большинству людей думается так. Потому он и любим народом. И не только русским. В то время стихи Есенина очень редко издавали. И писали о нем мало. Но любителей поэзии его было очень много. И в разных кругах. Я знал двоих горьковчан, которые на свои деньги приобретали сотни, если не тысячи, различных книжек стихов Есенина и о Есенине на различных языках, статуэтки Есенина, значки. Всему этому они специально выделяли свои комнаты. Один любитель по фамилии Вагнер, ныне покойный, работал он в драмтеатре. И жил на улице Грузинской. Другой – с Автозавода. Фамилию его я запомнил. Последний подарил мне 6 июля 1976 года толстую брошюру о С. Есенине (автор – С. Кошечкин) с надписью: «Для коллекции Есенинианы». Подпись неразборчива. А Вагнеру я сам подарил редкий в то время значок с С. Есениным. Но Вагнер мне отдал за него деньги, сказав: «Здесь все приобретено мной только за деньги».

Я трижды ездил в село Константиново, на родину Сергея Александровича, когда еще живы были его родные сестры Катя и Шура. Четвертый раз я был там в 2002 году. В 1971 году Александра Александровна написала мне на титульном

листе книги стихов С. Есенина дарственную надпись: «Евгению, Валентине и Светлане Молостовым на добрую память. Александра Есенина 19.09.71 г.». Я тогда очень интересовался Есениным. Поэтому переписывался с поэтами – современниками Сергея Александровича – с Василием Казиным и Александром Жаровым. С Василием Казиным даже встречался у него на квартире, и он мне тоже на своей книжке стихов поставил автограф. А Александр Жаров мне прислал свое фото, на котором он вдвоем с Юрием Гагариным, и стихотворение собственноручное на смерть Сергея Есенина.

В конце заметки хочется воспользоваться случаем и сказать, что у С. Есенина есть стихотворение «Клен ты мой опавший». В нем есть такие строки:

«И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу».

И так в книжках публикуют вот уже полвека: «выйдя на дорогу». Это ошибка не Есенина, а составителей книг. Надо не «выйдя на дорогу» публиковать, а «не найдя дорогу».

«...И, как пьяный сторож,
Не найдя дорогу,
Утонул в сугробе,
Приморозил ногу».

Потому что, как можно выйти на дорогу и утонуть в сугробе? У меня раньше была старая пластинка, на которой певец Александр Вертинский исполнял эту песню именно так: «И, как пьяный сторож, не найдя дорогу, утонул в сугробе, приморозил ногу».

После впечатлений от одной из поездок в село Константиново и посещения могилы С.А. Есенина в Москве на Ваганьковском кладбище, где тогда каждый воскресный день с утра до вечера толпы поклонников поэзии читали его стихи, я написал свое стихотворение.

Вот оно:

Однажды утром по росе
Бродил я с думой неизменной:
«Мы в этом мире тленны все –
Зато поэзия нетленна».
Но как раскрыть мне тайну строк,
Взамен принять какие муки,
Чтоб наконец постичь я смог
Их заколдованные звуки.
Внимают им и зряч, и слеп.
Они и в будущем, и ныне,
Как голодающему хлеб,
Как путнику родник в пустыне.
О, мать поэзия, она –
Весны бушующие реки.

И в ней такая глубина,
Что не достать мне дна вовеки.

P.S. Когда впервые посетил могилу поэта С.А. Есенина, я с тоской в душе обнял холодный памятник его и прошептал: «Благослови». Далее у меня замерло сердце. Я не знал, что еще сказать. Слишком я полюбил его стихи и его, как человека.

Дорогая Н. Решетовская

Совершенно случайно мне довелось прочитать Вашу книгу «В споре со временем», 1969-1974 гг.

Может быть, мои высказывания не важны для Вас, но велит мое сердце написать Вам и похвалить Вас, поскольку Вы – настоящая писательница. Писательница от природы самой. Общее содержание и настрой этой книги изумительны.

Спасибо Вам за нее. Читая ее, я так волновался, что глотал таблетки – папазол и элениум. Вы, если можно так сказать, несчастливая счастливица. Ваше счастье трудное и тяжелое. Оно добыто кровью и нервами.

Написать Вам можно было бы очень много, но я остановлюсь на этом. Боюсь у Вас отнимать время. Да и не уверен, дойдет ли до Вас это письмо.

Привет Вам и всякие добрые пожелания.

P.S. Если Вы сами придумали и название этой книги – Вы гений. Единственный в ней недостаток – это отсутствие Вашего имени и отчества.

Несведущему: Н. Решетовская – первая жена Александра Исаевича Солженицына.

Май 1975 г.

Мое письмо до Н. Решетовской не дошло. Его вернули мне надорванным.

О Сахарове А.Д.

Впервые я узнал о высылке А.Д. Сахарова из Москвы к нам в Нижний не из «голоса Америки», как это обычно тогда случалось, а по слухам людей, поносивших его в пух и прах за то, что он писал какие-то политические статьи, оскорбляющие советский строй, а его супруга Елена Георгиевна Боннэр возила их в Москву и передавала американским корреспондентам.

Нередко я ездил в Щербинки в магазин за продуктами, что расположен на остановке «Вятская», и пешком возвращался на конечную остановку, как раз мимо дома № 214 по проспекту Гагарина, и в вечерние часы, и белым днем, но так мне и не удалось увидеть воочию опального ученого. Я горел желанием хоть что-нибудь почитать из «запрещенного» Сахарова, поскольку у меня к тому времени уже были прочитаны «запрещенные» книги «Один день Ивана Денисовича» Александра Исаевича Солженицына и «В споре со временем» Н. Решетовской (его первой жены), которые не в малой степени будоражили умы людей тех лет.

И вот летом 1984 года к моему приятелю Анатолию А., приехавшему на Московский вокзал и занявшему очередь за цветами, подошел молодой человек и шепотом произнес: «Вы не желаете приобрести нелегальную литературу акаде-

мика Сахарова?»

В то время не только приобрести труды А.Д. Сахарова, а даже имя его вслух произносить остерегались, боясь попасть к нему в сообщники. Мой приятель, услышав такие слова, от неожиданности оторопел. Потом он мне рассказывал, что его и жгучее любопытство разбирало, и в то же время вдаваться в подробности было рискованно: а вдруг это какой-то подсланный агент. Не узнавая своего голоса, мой приятель растерянно произнес: «Надо подумать». Потом, подозрительно осмотревшись вокруг, предложил незнакомцу свое условие – прийти на это же место через три дня. И, даже не купив желанных цветов, он благоразумно ретировался. Не теряя времени, приятель приехал ко мне и объяснил ситуацию. А через три дня мы были с ним на условленном месте. Долго стояли, ждали, но молодой человек так и не явился. Чтобы не спугнуть молодого человека, Анатолий сначала ждал один. Может, это был студент, а может, обыкновенный книголюб – поклонник идей Сахарова. Трудно сказать. И может, он в тот раз тоже где-то стоял неподалеку и наблюдал за нами, также не доверяя нам. Сейчас, за перестроечное время, мне кое-что довелось перечитать у Сахарова А.Д. Ничего такого клеветнического против властей там не было. Теперь и не верится, что в такое время мы жили, когда делались запреты на элементарные истины. Еще горше сознавать, что страдали от этого выдающиеся люди.

Вскоре после смерти А.Д. Сахарова, когда я опять как-то

проходил мимо дома № 214, я увидел там у входа в подъезд за стеклом кем-то написанные слова: «Андрей Дмитриевич, простите нас». Да, крепки люди задним умом, особенно русские.

9.03.1990 г.

Материнское сердце

Мы с женой только-только еще начали совместную жизнь, как от тещиной родственницы получили приглашение прийти к ней в гости.

Она жила на глухой улочке возле парка им. Кулибина. А мы в деревне, у тещи. В семи километрах от города. Тетушка, так называла ее моя жена, была женщина благопристойная. Коренная городчанка. Но совсем одинокая. Муж ее бросил, к другой женщине ушел. Сына единственного, которому она отдавала саму себя, похоронила около года назад. От простуды скончался. По настоянию тещи мы выбрали время и в выходной день пешком пошли к ней.

На улице стояла осенняя прохладная погода. И мы, тепло одетые, с набитыми сумками, это расстояние преодолели не без особого труда. Калитка тетушкиного палисадника была незапертой. Дверь квартиры тоже. Вошли без стука. Поздоровались. Она, одетая в темную шерстяную юбку и нарядную кофточку, лежала на заправленной кровати. Рассеянно кивнула нам в ответ. И все, никаких эмоций. Никаких «проходите», «присаживайтесь». Мы положили на пол «гостинец» для нее: в одной сумке картошка, в другой морковь, свекла и литровая банка вишневого варенья. «Это тебе от мамы», – сказала жена. И встали у порога. «У меня же есть все», – с печалью в голосе проговорила она. Туманно посмотрела на нас: «А я вот Геру вспоминаю, сынульку своего. Он ведь вам был ровесник. Вот бы тоже сейчас поженила его. Такого крепкого смерть забрала. Сто бы лет ему жить. И вот...» В теплой и чисто прибранной комнате многое напоминало о нем: гантели, боксерские перчатки и прочая мелочь. А главное – увеличенная фотография на стене. «И вот, – продолжила тетушка, – однажды он накатался в лесу на лыжах, вспотевший простоял какое-то время на улице, прождал на остановке трамвая, и на морозе простудился. И умер. Бедный, бедный мой Герочка. Кровинушка моя! Лучше бы мне самой умереть. Мы с прискорбием сочувствовали тетушке, утешали ее в неизбывном горе. Но чем еще мы могли ей помочь? С дороги, уставшие и вспотевшие, утомленные ее причита-

нием, лишь переглядывались да переминались с ноги на ногу у порога. А она все продолжала свое. И так, может, час, который мне показался вечностью. Жена, увидев, что я то и дело утираю пот носовым платком с лица, пересилив неловкость, сказала: «Ну, вы уж извините нас, тетя, мы пойдем. До свидания!» «До свидания, до свидания, детки мои», – как бы радуясь нашему уходу, проговорила тетушка.

Выйдя на улицу, я, досадно усмехнувшись, тихо проговорил: «Неужели тетушка за этим нас и звала в гости, чтобы лишний раз поплакаться? Уже целый год прошел, сколько можно?» – «Нам не понять материнское сердце», – ответила жена. «Ну, присесть-то могла бы она нас пригласить?» – упорствовал я. «Да она уже на грани сумасшествия, – продолжала ее оправдывать жена. – Какой с нее сейчас может быть спрос?!»

После нас теща еще несколько раз навещала тетушку, рассказывала нам о плохом ее состоянии, о том, что она временами заговаривается. И все про сына Геру твердит. Ходит за город, ищет его. Вроде как, действительно, на грани сумасшествия. Худющая стала... Наверное, скоро умрет... Время шло, а тетушка продолжала жить. И вдруг, примерно через полгода как-то, неожиданно-негаданно к нам в деревню, к теще, наведальась сама тетушка. Тихо прошла в переднюю комнату. Мы как раз собирались обедать. Я ее не узнал, когда она меня назвала по имени. В свои 48 лет она выглядела на все 75. Лицо было изможденное, словно ее не один год дер-

жали в концлагере. Глаза провалились. Нос заострился. Руки стали костлявыми. Суший скелет. «А я Геру ищу, – начала она. – Должен вот-вот отыскаться. Лыжи его нашла, палки тоже». Жена, не веря услышанному, посмотрела на меня, затем на тещу и, о чем-то задумавшись, покачала головой. Я подвинул еще один стул к столу, запросто ей сказал: «Ладно, тетушка, не будем в фантазию вдаваться, давайте-ка с нами садитесь обедать!» Жена как раз вынула из печки горячие щи и на столе резала хлеб. Теща хотела было раздеть тетушку, но она воспротивилась. «Нет-нет! Я пришла только у молодых прощения попросить! Они тогда такие были хорошие, а я их плохо встретила! Простите меня, пожалуйста!» Услышав такие слова, я почувствовал, как по моей коже пробежал мороз. В горле очутился ком. «Что Вы!?» – только и успел выдать я из себя. Тетушка вырвалась из тещиных рук и, поправляя платок на голове, быстро вышла. Жена бросилась ей вдогонку, а я стоял как вкопанный, так и не поняв ее до конца. Мыслил про себя: «Какая же она сумасшедшая, если все помнит?»

Через три дня тещиной родственницы не стало. Она умерла.

Март 1975 г.

Бывает же такое

Знакомая женщина когда-то жаловалась, что ее семья живет в коммунальной квартире в очень стесненных условиях, а очередь в ЖКХ на улучшение жилья продвигается медленно. Теперь вот что она говорит: «Надо бы радоваться, очередь моя подошла, квартира у одних освободилась, так мне самой туда переезжать не хочется». И поведала такую историю: «В той квартире, которую предоставляют мне, жили мать с сыном. Мать Юлия Ивановна воспитывала Сережу одна, без мужа. Мальчик рос ласковым и послушным. Но с девушками не дружил ни до армии, ни после. Соседи и знакомые не раз спрашивали Юлию Ивановну: “Парню исполнилось 25 лет, собой недурен, а не женится почему?” Она обычно отшучивалась: “Еще успеет, наживется”. Что удивительно, они друг с другом никогда не разлучались. Юлия Ивановна, уезжая в отпуск, всегда брала Сергея с собой. И последний раз отдохнуть на юг они поехали вместе. Запасной ключ от своей квартиры оставила недалеко проживающей родной сестре Анастасии Ивановне, чтобы та присмотрела за ней.

Три недели под лазурным небом промелькнули быстро. Узнав, что они приехали, Анастасия Ивановна пошла к ним, чтобы возвратить ключ. Позвонила. За дверью никакого шума. Тишина. Подумав, что они где-то задержались, реши-

ла подождать их в квартире. Но когда открыла дверь, своим глазам не поверила: ее сестра со своим сыном, как влюбленная пара, обнявшись, целуются. “Так вот ты почему сына не женишь!” – в пылу возмущения воскликнула Анастасия Ивановна. И начала совестить сестру. Юлия Ивановна в свое оправдание пренебрежительно ответила: “Что же я с сыном не могу поцеловаться?” – “Так мать с сыном не целуются!” Сын, вступившись за мать, проговорил своей родственнице: “Ты, тетя, в нашу жизнь не вмешивайся!” – “Хорошо, – обиженно произнесла Анастасия Ивановна. – Вам нравится такое поведение? Живите так! Но помните, ноги моей больше у вас не будет!” И, с силой захлопнув за собой дверь, пошла домой.

Несколько слово об Анастасии Ивановне. Незамужняя, без детей. Женщина строгих правил, но отходчивая.

Через несколько дней у нее прошла обида. Она решила навестить сестру и попросить у нее прощения. Но так случилось, что накануне Юлию Ивановну сшибло машиной насмерть. Ее соседка Татьяна сообщила Анастасии Ивановне, что Юлия Ивановна в морге. За ней недавно уехал Сергей, оставив ключи от квартиры. “Да что же это за напасть такая”, – схватившись за сердце, проговорила Анастасия Ивановна. И, простояв какое-то время в недоумении, пошла готовиться к похоронам сестры.

Когда покойная лежала в гробу, Сергей был в шоковом состоянии. То плакал, молча уткнувшись в мертвое тело ма-

тери, то начинал кричать, что он ее никому не отдаст. Окружающие ему искренне сочувствовали – ведь все-таки мать.

После похорон Сергей начал выпивать, замыкаться в себе.

При встрече Татьяна поделилась с Анастасией Ивановной, что Сергей никого не впускает к себе в квартиру и с кем-то всегда возбужденно разговаривает. “Женить бы его надо, он уже стал заговариваться”. И тут Анастасия Ивановна рассказала про поцелуи матери с сыном. Но соседка, как бы не обратив на это внимания, настаивала поговорить с Сергеем по поводу женитьбы.

Анастасия Ивановна направилась к племяннику. Сергей был нетрезв и свою тетку в квартиру не впустил. Разговаривали через приоткрытую дверь. Сказал, что ему сейчас некогда, ждет в гости маму. “Ты с ума сошел! – с испугом и болью в сердце старалась утешить Сергея тетка. – У тебя мать умерла!” – “Нет, не умерла! Она ко мне каждый день приходит. И зовет меня с собой!” Анастасия Ивановна стала уговаривать Сергея, чтобы он хотя бы некоторое время пожил у нее. Но он категорически отказался. И закрыл дверь на ключ.

В течение трех дней Сергея никто не видел. Соседка забеспокоилась. Сходила за Анастасией Ивановной. Вместе подошли к двери. Позвонили. Из квартиры никто не отвечал. Вызвали участкового милиционера и представителя из ЖКХ. Дверь взломали. Увидели Сергея мертвым на полу с кровоподтеками на лице. Медкомиссия выдала заключение, что он умер три дня назад от ушибов. Но Анастасия Иванов-

на утверждала, что она видела Сергея три дня назад вечером, разговаривала с ним через приоткрытую дверь и на его лице синяков не было. А соседка Татьяна вспомнила, что той ночью слышала громкие возгласы Сергея и грохот. Я думала, что он шифоньер уронил. Тут Анастасия Ивановна подытожила: «Он мне тогда сказал, что мать к нему каждый день приходит и зовет его с собой. Вот и зазвала»».

С минуту помолчав и глубоко вздохнув, знакомая женщина произнесла: «Поэтому мне и не хочется в эту квартиру въезжать – страх берет».

На вопрос, откуда она так подробно все знает о бывших жильцах этой квартиры, коротко ответила: «Слухом земля полнится!»»

1980 г.

На лесной вырубке

В нашей деревне, я помню, в послевоенные годы русскую печь топили кто чем мог. Крестьяне редко покупали колотые дрова – не на что было. Обычно летом ходили в лес за хворостом. Мы, мальчишки, лазили на дубья за сухими сучьями. Лес был в полутора километрах от нашей деревни. За неимением сушняка рубили сырой орешник, за это лесники при поимке нас наказывали: резали веревки на вязанках, отбирали косари. Приходилось идти на хитрость. Косарь прятал за рубашку, а орешник связывали лыком. Но лыка на все время не напасешься. Короче говоря, трудно нам доставалось топливо. Поэтому, когда лесничество объявляло чистку леса – старый орешник вырубать, а молодняк оставлять, многие соглашались идти на эту работу. Каждому выделяли делянку: столько-то метров в длину и столько-то в ширину. Ставились условия: сколько бы ты не нарубил с этой делянки, одну половину отдаешь леснику, другую забираешь себе, естественно, доплатив за это еще сколько-то денег.

Я несколько раз нанимался производить чистку леса. Однажды в соседях с моей делянкой оказалась делянка жителя нашей деревни Василия Артемьевича Горячева, человека набожного. У него были усы и окладистая борода. Он всегда рубашку носил поверх брюк. Подпоясывался каким-то шну-

ром.

В советские времена из нашей деревни ходили в церковь только некоторые старушки, и то, когда им приспичит, в дни болезни или нагрянувшей беды. А Василий Артемьевич соблюдал посты и посещал храм постоянно. Одни над ним посмеивались, называя его ханжой, а другие уважительно относились. Уважал его и я, веря в его непорочность, пока он не выкинул фокус.

Было мне в ту пору 20 лет, меня тогда все интересовало. И я с удовольствием слушал его, чего бы он ни говорил.

Он приводил мне все Божии заповеди: не убий, не кради... А главное, говорил, что надо любить Бога и окружающих людей и никогда их не обманывать.

В лес мы с ним выходили всегда вместе. На обед и с обеда – тоже.

В один жаркий день он меня позвал на обед раньше обычного. У меня на делянке как раз в это время начал попадаться толстый и ровный орешник. Хотя сердцем чуял, что он замыслил чего-то недоброе. Спрятав топоры в потаенное место, мы пошли. Из дома договорились выйти часа в четыре, после того, когда жара спадет.

Пообедав, я еле дождался четырех часов. Зашел за Василием Артемьевичем, но дома его не было. Когда пришел в лес, то увидел, что он на моей делянке весь хороший орешник вырубил и перетаскал на свою делянку. Оказалось, что он, дойдя до своего дома, не вошел в него, а сразу же вер-

нулся в лес и занялся вырубкой моего орешника.

Он стоял передо мной весь вспотевший и уставший.

Юношей я был бойким и не давал спуску никому, кто меня обижал. Но ударить этого человека я не осмелился. Его вера в Бога меня сковывала и обезоруживала. Я ему сказал: «Я верил в вас, как в порядочного человека, а вы меня обманули. Грех вам будет!» Он, опустив глаза, совершенно спокойно ответил: «Я за этот поступок отвечаю перед Богом».

Смерть причину нашла

Удивительно, как судьба распоряжается жизнью человеческой. Миша Демин, житель Нижнего Новгорода, которому недавно исполнилось сорок лет, работал шофером. Несколько лет подряд со своими товарищами по работе на выходные дни выезжал рыбачить. Но в нынешнем году сменил свое увлечение рыболовством на охоту. Купил ружье. И с другом Алексеем Тихоновым, после работы захватив с собой резиновые лодки, они поехали на мотоцикле на озеро в Артемовские луга пострелять уток. Стоял сентябрьский пасмурный вечер. Алексей рассказывал: «Озеро шириной метров двести, длиной около километра. На его глади плавали утки. Мы с Мишей, чтобы не мешать друг другу, разъехались. Он поплыл к камышам в одну сторону озера, я в другую. Договорились, как начнет темнеть, встретиться в условленном месте. Я слышал, – продолжал Алексей, – как Миша палил из ружья. Когда выстрелы затихли и начало смеркаться, я поплыл на своей лодке в его сторону, где мы договорились встретиться. Но его там не оказалось. Я поплыл дальше. И в нескольких десятках метров от берега увидел Мишину лодку. Подплыл к ней поближе. В ней лежали подстреленная утка, одно весло и ружье. Но самого хозяина не было. Поскольку резиновая лодка неустойчивая, мне почему-то перво-на-

перво подумалось, что Миша в охотничьем азарте мог просто вывалиться из лодки, а затем не влезть в нее. Подплыв к берегу, я стал искать и звать его. Но кругом стояла пугающая тишина. Миши нигде не было».

Обеспокоенный Алексей поехал за подмогой и прихватил товарища, с которым раньше тоже ездил на охоту, и по пути сообщил в милицию о случившемся. Всю ночь проискали. И все безрезультатно. В камышах нашли лишь еще одну подстреленную Мишей утку и весло. В субботу днем опять, несмотря на многочисленность друзей и Мишиных родственников, поиски оказались безуспешными. Лишь в воскресенье, вооружившись баграми и загнутыми вилами, труп зацепили и вытащили. Теперь можно только догадываться, как все произошло и как боролся Миша за свою жизнь. Чтобы достать из воды вторую утку, он, видимо, наклонился, стал приближать ее веслом, лодка выскользнула из-под него и от толчка резко отлетела в сторону. Болотные резиновые сапоги, которые сразу же наполнились водой, намокшие жилетка, куртка болоньевая и плащ-дождевик потянули его ко дну. И он до лодки дотянуться не смог. Вода была холодная, но он все же успел снять с себя сапоги. Попытка снять одежду не удалась. Лишь расстегнул плащ-дождевик. Оказалось, что в том месте, где он утонул, было с полметра илу. Значит, оттолкнуться от дна ему тоже не было возможности. Смерть причину нашла.

Вот так по неосторожности погиб мужчина.

Пусть земля ему будет пухом.

Эту историю мне рассказала женщина, которая любила Мишу, а он ее нет. Потому и был женат на другой. «Я бы его не пустила ни на рыбалку, ни на охоту, – горячо уверяла она меня. – Разве мало других увлечений?» – «В этой жизни не убережешься, – сказал я ей. – Могла бы случиться авария или что-то другое». – «Да, – согласилась со мной женщина. – Мы все под Богом ходим».

Насмешка судьбы

Передо мной давняя фотография знакомой девушки Татьяны Гуслияниковой, жившей в Молитовке на квартире моих знакомых в конце 70-х годов. Приехала она из деревни, поступила в пединститут, но проучилась там недолго, по каким-то причинам ее оттуда отчислили. В другой институт она уже не хотела поступать, а на работу без городской прописки не на все предприятия брали. Устроилась по объявлению в газете на пивзавод, где городская прописка не требовалась. Работа была тяжелая. Несмотря на то что профессия называлась «контролер разливного цеха», приходилось не только контролировать качество пива, но и убирать битое стекло, носить деревянные ящики для бутылок. А иногда подменять других работниц.

Теперь Молитовку не узнать. Построены красивые многоэтажные дома, а тогда, расположенная рядом с пивзаводом, она была похожа на старую деревню с ветхими домиками с хаотично надстроенными комнатами для квартирантов. Одну из таких комнат и снимала Татьяна с двумя девушками, с которыми вместе работала. Ей в ту пору было 24 года. Роста среднего, худенькая, одевалась скромно. Обычно темная юбка с цветной блузкой, а поверх блузки трикотажная кофточка. Широко открытые зеленые глаза на ее бледном продолго-

ватом лице выглядели сосредоточенно. Темно-русые редкие волосы, подстриженные до плеч, всегда были гладко причесаны. Доверчивая и добрая. Если чего-нибудь купит из еды вкусненькое, обязательно поделится с подружками. Любила читать фантастику. Мечтала о счастливой жизни. Старалась прилежно работать, чтобы быть в передовиках. Но иногда ее подводило легкомыслие, за которое горько расплачивалась.

Один раз я слышал, как Татьяна делилась с подружками, на что потратит свою получку. Оклад у нее был 130 рублей. И за две сверхурочные смены еще получит 20 рублей. Выходит всего 150 рублей. Из них вычтут аванс 40 рублей, подоходный налог 12 % и один процент профсоюзный взнос. Под расчет должна получить 90 рублей 50 копеек. Отдаст 15 рублей хозяйке за квартиру и купит демисезонное пальто стоимостью 46 рублей, которое заметила в универмаге. Или купит туфли за 40 рублей, или курточку за 30. Или к 8 марта выходное платье за 20 рублей и парфюмерию.

Потом мне рассказали ее подружки, что, получив зарплату, Татьяна расплатилась с хозяйкой за квартиру и поехала за покупками. Около универмага ее окружили три цыганки и стали ей гадать. Нагадали богатого жениха. Она от радости расчувствовалась и, словно заколдованная, отдала им 50 рублей. И только войдя в магазин, опомнилась – ее обманули. Метнулась на улицу – цыганок и след простыл. Встревоженная, прошлась по магазину. Посмотрела на те вещи, которые хотела купить, но ни на пальто, ни на туфли денег

у нее не хватало. Увидела парик. Ей давно хотелось его купить, потому что свои волосы ей не нравились. Примерила. Как раз. Заплатила 18 рублей, взяла его и вышла из магазина. На душе все равно было пакостно. В таком отвратительном состоянии вспомнила, что сегодня с утра ничего не ела. По пути зашла в закусочную. Взяла салат, бутерброд и 150 грамм портвейна, чтобы поднять себе настроение. Опорожнила стакан и ей показалось, что она выпила не вино, а воду. Взяла еще сто грамм водки. Выпила. После этого с удовольствием поела. И закурила. В таком состоянии она особенно любила помечтать. Сейчас мечтала о замужестве, о детях. Вообще о будущей жизни своей. Но ее мечты прервал молодой человек крепкого телосложения, который тоже зашел покушать. Подсел к ней. Познакомились. Оказалось, он работает таксистом. Татьяна с радостью подумала: «Не подкинула ли судьба ей этого богатого жениха, что нагадали цыганки». Наскоро перекусив, таксист предложил довезти ее до дома, пообещав не брать с нее платы. Она согласилась, потому что парень ей приглянулся. Показался обходительным и внимательным. При нем она забыла про свою досаду. Подумала: «Значит, я ему тоже понравилась. И, может быть, у нас в дальнейшем что-то получится».

Выйдя из закусочной, он помог ей сесть в машину. На улице уже стемнело. Всюду горели огни. Ехали быстро. Не доезжая до дома, таксист вдруг резко свернул в глухой переулок и остановил машину. Женским чутьем разгадав намерения

таксиста, Татьяна попыталась выйти из машины, но он, навалившись на нее, начал проявлять свои грубые действия. Она всячески сопротивлялась, но силы были неравные. Когда он овладел ею, она поняла, что это очередная насмешка судьбы. Одернув на себе одежду, она вылезла из машины и побрела к дому, где ее с нетерпением ждали подруги.

Увидев Татьяну пьяную, девушки не стали приставать к ней с расспросами. Раздели и уложили спать. Наутро она, чувствуя себя неважно после вчерашней выпивки, сама рассказала с подробностями все, что с ней произошло. И про цыганок, и про насильника-таксиста. Узнав, что Татьяна запомнила номер машины, девушки посоветовали ей: «С цыганками связываться – лучше в крапиву поссать сходить. А вот таксиста проучить следует. Надо подать в суд на него, чтобы другим не было повадно». Татьяна задумалась: «Не смогу я подать на него в суд. Не такой я человек». Поправив на голове парик, сдвинувшийся на затылок, достала из кармана пустой кошелек и с горькой усмешкой проговорила: «И денег нет. И честь поругана». На это одна из подруг незамедлительно отреагировала: «А если тебе с него откуп взять тысячу рублей? Чего его жалеть. Он тебя не жалел». – «Да ладно тебе, – махнула рукой Татьяна. – Какая тысяча! Хоть на похмелье бы дал!» Присела на свою кровать и, закрыв лицо руками, проговорила: «Уволюсь я, наверное». И действительно, вскоре она с пивзавода уволилась.

С тех пор прошло много лет. И всякий раз, глядя на эту

фотографию, я думаю о том, где она теперь и как сложилась ее дальнейшая жизнь.

Здравствуйте, Евгений, не знаю вашего отчества

Меня зовут Серафима. Прочитала вашу статью в «ЗОЖ» «А с кем я останусь?» Очень она актуальна в наше время, а в данный момент и для меня. Я сейчас сижу и плачу. Может быть, я сама виновата в своих неудачах. Вернее, неудача у меня одна: никак не могу выйти замуж. Меня несколько раз познакомили (вернее два раза) с молодыми людьми, а я отказывала, показалось, что они не подходят мне по характеру. А теперь вот сижу и думаю о том, что отказала зря, потому что были это хорошие люди. Жалею об этом очень сильно. Начала паниковать, что время мое уходит, а я одна, нет любимого человека. Одному из них я сказала: «Как я могу выйти замуж, если не люблю тебя». А теперь понимаю, что нужно было именно за него и выходить. Паникую я, потому что у меня нет уже незамужних подруг – у всех семьи. Уже никуда не хожу, сижу дома, да и некуда идти. На дискотеку не пойдемь, потому что мне уже 32 года, в кино не с кем. Работаю в школе учителем. Смотрю на учителей – все бегут поскорее из школы домой, а я не тороплюсь – не к кому. Конечно, у меня есть родители, но живут они за 40 километров от той станции, где я живу. Живу я в отдельной квартире, езжу к родителям каждые выходные. Хочу переехать к ним, чтобы

веселее было, а вот там работы мне нет, все рабочие места в школе заняты, другую работу очень трудно найти. И очень трудно работать в школе – дети сейчас многие неуправляемые. Хожу на работу через силу. Но сама виновата, нужно было выбирать профессию другую. Нет друзей, нет семьи, очень тяжело на работе. Плохо, наверное, гневить Бога, потому что вроде бы все есть, а я плачу и не могу остановиться. Вот пишу вам, и мне немного легче. А что делать – не знаю. Подумала, пожалуюсь кому-нибудь, может, легче станет. Наверное, когда меня познакомили с молодым человеком, мне никто не нужен был, а теперь невыносимо приходиться домой и быть постоянно одной. Родители успокаивают, говорят: «Встретишь еще». А я говорю, что если не встретила за 10 лет работы, то вряд ли смогу встретить сейчас. Очень хочется изменить жизнь, поменять профессию, встретить друга – такого, чтобы можно было поговорить с ним, и он бы понял меня, был бы опорой, да и умным человеком. Написала Вам, потому что нет такой подруги, которой я бы смогла это рассказать. Есть мама, она понимает, сочувствует, но хочется еще кому-то рассказать, поделиться. Может, дадите какой-либо практический совет, хотя это, наверное, глупо с моей стороны – спрашивать у Вас совета по такому поводу. Не осуждайте меня за письмо, за то, что я тут написала. Хоть выговорились. Сейчас меня снова познакомили с молодым человеком. Но после первого разговора я поняла, что это не мой. При разговоре даже паника началась. Я очень расстро-

илась. Вот теперь думаю, почему мне не встретился сейчас тот первый мужчина, с которым познакомили меня несколько лет назад. Статью вы писали в № 14 за июль 2003 года, а я только прочитала 10.04.2004 года. Может быть, Вам некогда или еще что-то Вам помешает написать мне, тогда простите меня за письмо и просьбу дать совет.

Может, письмо Вам покажется нелепым, но мое состояние души сейчас таково, что я пишу письмо совершенно незнакомому человеку. Мне просто хочется общения с людьми, а его так мало. Я всегда была слишком стеснительная, всех боялась, боялась кого-то стеснить своим присутствием, молчанием, поэтому мало была на людях, а теперь об этом жалею. Может, я слишком многого хочу от жизни?

Если сможете, ответьте.

Серафима

Наедине с природой

В поселке Селекция мы с женой живем уже более 36 лет. В последние годы я все чаще ходил прогуливаться за его окраину, в перелесок. Там воздух свежее и чище. Среди редких дубов и берез во время своих прогулок я заметил одно место, где мог чувствовать себя легко и свободно, почти как в космической невесомости. Подходил к тому месту и невольно расслаблялся. Моя душа и сердце раскрывались настежь. Исчезали волнения, обиды, переживания и всякая негативная тяжесть, а внутрь меня проникали покой и мир, на душе становилось легко-легко. Нет, это не выдумка моя, а происходило на самом деле. Особенно когда перекрещусь. Мне казалось, что я в тот момент заряжался могучей энергетикой, исходящей то ли из самой земли, то ли из окружающего пространства, которое того гляди поднимет меня на воздух, и я буду парить над землей. Через какое-то время казалось, что, еще маленько, и тело, и душа мои вообще могут раствориться в воздухе и обнять весь мир, и я буду при этом испытывать огромное блаженство. Я ходил туда каждый день и долго терялся в догадках, почему именно на этом месте я ощущал такое благоприятное состояние. И пришел к такому выводу. Во-первых, когда спускаешься вниз к «Березовому Клину», на одной стороне располагается сад, в котором рас-

тут яблони, груши, сливы, облепиха, черная и красная смородина и от которых в округе все лето исходит свежий аромат. Во-вторых, с другой стороны от этого места находится широкое поле. Раньше на нем сажали викторию, и, когда она поспевала, люди приходили собирать эту солнечную ягоду с положительными эмоциями. Думаю, потому здесь и до сих пор сохранилась добрая энергетика, от которой я получал благодать. И в-третьих, большую роль в этом играет душевный настрой, который зависит от окружающей обстановки. Когда мне ничего не мешало, я всегда был устремлен к высокой истине, поэтому и получал положительную энергию. А однажды пришел туда, а там три молодые мамы, прогуливаясь, возили своих малышек на детских колясках и курили. Ветерок далеко разносил неприятный запах. Это меня насторожило. И потом здесь начали выгуливать собак. Строна лесная, стали чаще встречаться грибники. И я уже начал получать отрицательные эмоции от окружающей среды. Меня это место больше не притягивало к себе. Я вынужден был покинуть его. И стал прогуливаться в березовых посадках, совершенно в другой стороне.

Мне поневоле вспомнились отшельники, которые когда-то искали уединения и уходили подальше от мирской суеты, чтобы в тишине и покое наслаждаться окружающей природой, вдоволь общаться с ней. Побывать наедине с Божией тайной.

Поле за окном

Теперь я живу в поселке Селекция. В пятидесяти метрах напротив нашего пятиэтажного дома раскинулось настоящее сельское поле, с четырех сторон окаймленное березовыми посадками. Наша семья проживает на четвертом этаже, и нам из окон доставляет радость наблюдать в течение круглого года всю красоту меняющейся картины.

К концу марта на поле только что начинают виднеться проталины с зеленью озимых, а над ними уже вовсю раздаются веселые голоса прилетевших из далеких стран жаворонков. На небе их не видеть. Лишь слышатся переливчатые звоны. Где-то невдалеке горланят грачи. Березы стоят в раздумье. В них уже бродит сок. Скоро будут набухать почки. А к середине мая распухнет сплошь изумрудная листва. Дети начнут гоняться за майскими жуками. На этом поле каждый год селяне засеивают разные культуры: то овес, то пшеницу, то рожь, то гречиху. Летом поле из-за густой листвы березовых посадок, одна сторона которых проходит почти под нашими окнами, трудно проглядывается, зато слышно, как на нем и ночью, и днем кричат перепела и коростели. Эти птицы прилетают к нам в начале июня, когда подрастают озимые и луговая трава – их среда обитания. Но к середине августа их уже не слышать.

11 июня 2010 года в 20:30 вечера после дождя

Августовскими вечерами, когда созревают зерновые, на небосклоне можно видеть игру зарниц. В прошлом году, 31 августа, мы с женой долго наблюдали их частые вспышки из-за небольшого облака, висевшего над нашим полем. После каждой вспышки у края светлого облака на небе оставался зигзагообразный темно-синий след, похожий на молнию.

Естественно, ударов грома не было слышно. Первый раз в жизни, и, может быть, последний, пришлось так близко наблюдать за этим загадочным явлением и испытывать очарование от тайн природы.

А на краю поля в эту пору нередко слышишь шорохи. Это среди колосьев разгуливают ежи. Я всегда переживаю за них, поскольку не сегодня-завтра послышится рокот комбайнов. Затем начнется пахота. Как бы машины не раздавили их!

После вспашки земля отдыхает. В небе слышны крики гусей, улетающих в чужие края. Грачи сбиваются в большие стаи и тоже покидают нас. На березах появляется желтизна. В воздухе летают белые паутины.

Гречиха расцвела. 25 июня 2011 г.

К середине октября хорошая погода кончается. Начинается осеннее ненастье. Березы становятся мрачными. А потом зима вступает в свои права. Мороз крепчает. За окном появляются старые друзья: синицы и воробьи. Я для них каждую зиму на подоконнике прилаживаю кормушку.

В морозные дни верхушки берез покрываются инеем. И когда всходит солнце, иней начинает сверкать волшебными искрами. К середине зимы на поле образуется толстый слой снега. После снежных бурь кругом воцаряются тишина и покой.

Неотправленное письмо (от последней колхозницы ссср)

Многоуважаемые Евгений Люлин и Геннадий Ходырев! Поздравляю вас с великим праздником – шестидесятилетием победы в Великой Отечественной войне над фашистской Германией! Желаю вам доброго здоровья и семейного счастья! Я видела по телевизору, как вы в честь праздника дарили женщинам подарки. Вы меня этим растрогали до слез. Я вспомнила свою жизнь и как работать начала с малых лет. Гремела война, а мы в школе, в пятом классе, шили красноармейцам варежки и кисеты, а летом помогали работать матерям в поле.

Фамилия, имя, отчество мои – Молостова Тамара Павловна. С 1930 года рождения. Нынче, 24 января, исполнилось 75 лет. Родилась и выросла в деревне Новопокровское Кстовского района Горьковской области. Пошла работать в наш колхоз «Победа Бедноты» в 14 лет, не закончив семилетку. Отец умер 6 сентября 1944 года от заворота кишок, подняв в поле тяжелые весы. Я вынуждена была помогать матери, поскольку нас, детей, у нее на руках осталось пятеро – один другого меньше. Она не успевала выполнять работу в установленные сроки. Я с полгода поработала в помощниках у нее, затем мне выделили отдельную норму. Работа была раз-

ная: на гумне, в хранилище, в поле и других местах. Коротенько расскажу, как молотили на гумне рожь. Стоишь на специально расчищенной площадке. Перед тобой бревно на ножках. Берешь сноп, кладешь его на это бревно и бьешь по нему палкой. Зерно высыпается из колосьев на эту площадку, а пустой сноп бросаешь неподалеку. Конечно, и рот, и нос, и глаза – все забивалось пылью, хоть и надевали повязки. Но никто об этом не думал и не говорил, потому что стране нужен был хлеб. Зимой в хранилище картошку перебирали. Около хранилища снег откидывали. Весной сажали капусту, помидоры, огурцы. Если их сажали на Афонинском поле, то воду брали из речки Рахмы, таскали ее ведрами, поливали кто чем мог: кружками, ковшами, банками. Летом пропалывали огурцы и рыхлили их тяпкой, в жару земля была высохшая и твердая, как камень, а боровки километро-вые, оттого руки от тяпки становились одубелыми. Еще летом на сенокосе переворачивали сено, собирали его граблями в бабки. Затем эти бабки обхватывали петлей из длинной веревки и с помощью лошади увозили к стогам. Потом наш колхоз укрупнили и переименовали в колхоз имени 22 парт-съезда. Агрономом у нас стал работать Саша Сорокин. Он нами, трудолюбивыми девчонками, гордился. Меня избрали звеньевой. Дела по работе везде шли хорошо. Урожаи были отменные. Меня с Апполинарией Чурушкиной посылали на рынок продавать огурцы, пшеницу, мед, капусту, помидоры.

Никогда не забуду, как меня с подругой возили в большой

клуб нового Кстова на слет передовиков. Саша Сорокин предупредил, что нас могут позвать выступить перед аудиторией. Мы с подругой тряслись от волнения. Но Саша, наверное, пошутил, потому что выступали только специалисты, грамотные люди. Я, конечно, не пишу о тяжестих на работе, потому что в молодости была крепкая, все было под силу и ничего плохого не замечала. Вышла замуж за нашего деревенского. Нажила от него мальчика. Разошлись. Пил. Второй раз вышла в Анкудиновку. Фамилия моя стала Шихирева. Нажила дочь. Устроилась на завод в инструменталку. Рабочим выдавала инструмент. Работа была легкая. Чувствовала себя хорошо. Выйдя на пенсию, стала ощущать недомогание. Год за годом все хуже и хуже. Пошла к врачам. Они обнаружили у меня радикулит, гипертонию, сахарный диабет, опухоль головного мозга, плавающую грыжу и еще что-то. Предупредили, что грыжа может в любой момент лопнуть. Предложили операцию. Отказалась. Сказали, чтобы собирала справки на инвалидность. А кто будет собирать? Сама я не смогу. Дочь и сын умерли. О мужьях и говорить не хочется. Живу с внучкой.

Ну, пока до свидания.

Писала, торопилась, как будто мне хотелось успеть, не опоздать получить от вас тоже подарок, а на самом деле мне ничего не надо. Я просто рада за тех людей, которых вы наградили.

Май 2005 г.

Тамара Шихирева

О сестре моей Тамаре Павловне Шихиревой и ее хранителе Николае Угоднике

В перестроечное время Тамара Павловна где-то узнала, что в городских аптеках продаются очень полезные травы для излечения ее болезней, и купила их, несмотря на то, что они в то время были очень дорогие. Когда открыла пачки, увидела, что такие травы растут у нее за двором. Просто она не обращала на них внимания. Сестра живет в нескольких километрах от моего поселка, при встречах я не замечал, да и не спрашивал, какими таблетками и травами лечилась, чтобы выжить. Когда лежала в больнице с опухолью головного мозга, ей там предлагали сделать операцию, но она от нее отказалась. Потом я часто видел ее в летнее время с лопухом на голове тыльной стороной кверху. Говорила, что он ей помогает, вытягивает боль.

Тамара всегда надеялась на Бога. Лет 15 тому назад я услышал от нее такой рассказ: «Я строила в нашей деревне для себя новый дом и очень часто молилась Николаю Чудотворцу, чтобы он мне помогал в строительстве, потому что время и тогда было тяжелое и трудное во всех отношениях: строительный материал дорогой, с их перевозкой тоже бы-

ли сложности. И все-таки, несмотря ни на что, построилась. Сразу же появились другие заботы. Забыла о Николае Чудотворце. И тут он мне снится и говорит: “Ну что? Как построилась, так и забыла обо мне?” И вот с тех пор продолжаю молиться ему». Я спросил ее: «А в какое время ты ему молишься?» Она как раз больная лежала на кровати. Ответила: «Постоянно, потому что он теперь всегда рядом со мной». И показала рукой на подушку.

В прошлую зиму я еще раз навестил сестру и, услышав опять от нее, что грыжа в любое время может лопнуть, спросил: «Почему ты не сделаешь операцию?» Ответила: «Боясь».

Вскоре я повстречал фельдшерицу и спросил ее: «Вы почему не заходите к Тамаре Шихиревой, у нее столько болезней, ей надо помочь». Фельдшерица мне спокойно ответила: «А зачем я к ней буду ходить, она в больницу ложиться не хочет, а опухоль в головном мозге у нее не прогрессирует. По поводу грыжи первый раз слышу».

И тут я вспомнил Николая Угодника, единственного помощника сестры. Прожила Тамара Павловна 81 год. Умерла в 2011 году.

Суд над колхозниками

Дорогой товарищ Сталин,
синие порточки.

Нам в колхозе за работу
ставят только точки.

Шел 1943 год. Время военное. Законы суровые. В районе Пильны Горьковской области судили крестьян, которые за год не выработали в колхозе минимальную норму – 180 трудодней. Ответчиками в основном были женщины из разных сел – Тенекаево, Княжиха, Мамешево и других населенных пунктов. Целый зал. Тогда почти у всех жителей семьи были большие. Поэтому некоторые многодетные родители старались убежать из колхоза (поскольку там работали за «палочки») и шли работать туда, где хоть мало-мальски платили – то продуктами, то деньгами: в «Заготзерно», на железную дорогу, в «Заготскот». И вот за это теперь крестьяне отвечали. К столу, за которым сидел судья, подходили по отдельности.

Дошла очередь до сельчанки Бакумовой Дуняши. Судья строго спросил ее: «А вы почему не выработали норму?» Дуняша была женщиной средних лет – красивая, крупная, крепкая. На сенокосе, бывало, стога метала не хуже хороше-

го мужика. Она тоже ходила на побочные работы. Ответила судье: «У меня восемь детей. Сама девятая. Муж на фронте. Если я буду работать только в колхозе, чем же мне кормить такую ораву? Мы очень бедно живем».

Судья был небольшого роста, лысый, нерусской национальности. И он неправильно формулировал предложения в разговоре. И на следующий его вопрос «Какая же пища у вас?» Дуняша сконфузилась. Покраснела, как рак. Любому мужику она бы заткнула рот, а тут перед ней сидел большой чиновник. Строгий судья. И в ответ ничего не сказала. Стояла растерянная. Весь зал тоже притих в недоумении и ожидании. Судья был один, без заседателей. Услышав шепот, он обвел взглядом весь зал. Лысина его покрылась испариной, он напрягся и, громко стуча по столу кулаком, нервно проговорил: «Я еще раз спрашиваю, какая же пища у вас?» В зале сидящие мужики, видимо, тоже не поняв вопроса судьи, закричали в полголоса: «Да покажи, покажи ты ему!» Дуняша повернулась спиной к судье, подняла подол своей юбки и, покорно нагнувшись, тихо произнесла: «Вот какая!» Весь зал грохнул от хохота. Судья зазвонил в свой колокольчик, но люди его не слышали.

P.S. Рассказала мне этот случай моя теща – Бахарева Мария Ивановна, бывшая жительница села Тенекаево Пильнинского района.

Роковая любовь

Это происходило в 1938-1939 годах в селе Тенекаево (колхоз имени Сталина) Пильнинского района Горьковской области.

Ванька Бахарев, парень 21 года, среднего роста, коренастый, с черными кучерявыми волосами, на вечеринке (по случаю Нового года) влюбился в круглолицую, с милыми голубыми глазами, 17-летнюю Машеньку Кузнецову

Эта вечеринка сыграла в Ванькиной жизни роковую роль, и всегда он вспоминал ее с большой печалью. Вечеринка как вечеринка. Все там было: и шутки, и смех, и бражка на столе, и различные игры. Когда балалаечник заиграл, подружки все повыскакивали из-за стола и пустились в пляс. И Машенька среди них, как яблочко наливное. Глаза наивные, улыбающиеся. Вот тут она Ванюшке и приглянулась. Он весь вечер как петух крутился возле нее. До поту отплясывал. Молодежь тогда в тех краях, как и взрослые, ходила в лаптях, так он пляской все лапоточки свои в тот вечер истрепал. Но дня через два новые смастерил себе и Машеньке. Да такие аккуратные, что все диву дались. Залюбовались. Ваньке Машенька казалась такой хрупкой, что он ее на каждом шагу оберегал и жалел. Даже когда очередь убираться на посиделках подходила до Машеньки, Ванька всегда просил другую

девушку. Даст ей какой-нибудь гостинец, и та с удовольствием за нее не только, как другие, окурки да шелуху от семечек из избы выметет, а пол косырем скоблила и мыла, как на большой праздник.

Машенька с первого вечера положительно ответила на любовь чернобрового красавца. Она понимала, что за него замуж любая девушка пойдет. И будет жить за ним, как за каменной стеной. Он мастер на все руки. Делает этажерки, шкафы, столы, стулья – да такого качества, что хоть на выставку в самую столицу отвози. Беспокойный. Кончатся дрова у хозяйки, у которой снимают посиделки, соберет товарищей, договорится с ними, и, смотришь, через день-два дров привезут, распилят их и расколуют. Только топи, хозяйка.

Ванька и его друзья с весны этого года гуляли особенно буйно и весело. Они знали, что их к осени забреют в армию. Часто пели свою любимую частушку по этому поводу:

Мы с товарищами вместе
Двадцать лет шаталися,
А на двадцать втором
В солдатушки подалися.

Парни все были как на подбор: стройные, крепкие. Одевались в костюмы из черного шивьета (кто побогаче – из бостона), в белые коленкоровые рубашки с воротником на выпуск. У всех кудрявая шевелюра, на боку фуражка, и к ней

пришпилена гроздь черемухи или сирени. Ни дать, ни взять – принцы. Им льстило, когда про них невесты пели:

Тенекаевских ребят
Можно издали узнать.
В правой руке тросточка,
А в левой папиросочка.

Но эти частушки девчата пели, когда они были довольны поведением своих женихов. А когда хотели созорничать над ними, пели про них другую частушку:

Тенекаевски ребята
Сшили брюки, пиджаки.
В черны брюки сунут руки
И стоят, как дураки.

Или еще такую:

Мне миленок изменил.
Я сказала: «Ох, ты!»
На нем белая рубаха
Из матерной кофты!

А одно время у парней была мода носить галоши. Так девушки придумали про них частушку такого содержания:

Тенекаевски ребята
Одели галоши.
Мимо окон ходят боком,
Думают хороши.

Но частушки частушками, а любовь остается любовью. Ванька без Машеньки не мог прожить и дня. При ней озорует, смеется, а домой придет и сам не свой. Тоска гложет несусветная. Хоть обратно беги к ней. И Машенька в нем души не чаяла. Жизни себе без него не представляла. И верила в него.

Ее мать, тетка Анастасия, услышав о беременности Машеньки, руками всплеснула: «Что же ты, дочка, себя и нас опозорила. Я ж вижу, что ты не такая стала. И люди перешептываются, увидев меня». Машенька в волнении ответила: «Маменька, Ванечка вчера сказал, что замуж меня возьмет. Скоро у нас свадьба будет. А люди, которые перешептываются, – злые. Добрые люди не позволят так себя вести». Но Ванька и рад бы взять Машеньку в жены, да мать его категорически была против. Сказала: «Не смейся людей. Чтобы хозяйство в семье вести, тебе нужна крепкая и здоровая баба, а не пигалица. Отслужишь армию – найдешь другую. Вон иди утопи котят, – тетка Авдотья показала сыну на полойное ведро с водой. – Кошка у нас опять окотилась!»

В углу избы, около старинного сундука, кошка облизыва-

ла котят, которые тыкались ей в живот. Ванька знал железный характер матери, потому и не перечил ей ни в чем. Взял котят, которые тихо и беспомощно мяукали и вырывались из его рук, спустился с крыльца и на березовом чурбане поочередно начал рубить им головы. Рубил неторопливо, думая совершенно о другом, и после каждого удара равнодушно рассматривал, как бьется в конвульсиях обезглавленное тело каждого котенка.

Стоял жаркий июль. Оранжевое солнце клонилось к закату. За деревней на пойменном лугу безутешно плакал чибис.

Впереди избы Кузнецовых, посреди старых ветел, находилась мазанка. Последнее время влюбленная пара встречалась в ней. После работы по хозяйству Машенька умылась, привела себя в порядок и пошла туда отдыхать. Сегодняшний день показался ей годом. Она с нетерпением ждала своего возлюбленного. Ее очень интересовало, что сегодня ответила ему мать по поводу их свадьбы. Ванька в мазанку к Машеньке пришел поздно, хмурый и неразговорчивый. Машенька сразу же догадалась, что ничего утешительного Иванушка ей не скажет. «Ну и что? – мысленно успокоила она себя. – Он же все равно мой и не чей больше!» Вскочила с кровати и обняла его. Ванька, легонько отстранив ее, сказал: «Дай мне нож, я буду делать тросточку!» Машенька выдвинула из стола ящик, взяла из него большой нож и подала Ванюше. В Тенекаеве в каждом доме хлебопечением занимались. Кузнецовы тоже пекли хлеб. Этим ножом они часто

резали его, поэтому нож был весь в крошках и к тому же тупой. «Дай я его вымою», – попросила Машенька. «Ничего, – дрожащим голосом промолвил Ванька. – И такой сгодится!»

Машенька зажгла керосиновую лампу (в те годы в Тенекаеве электричества и в помине не было) и опять легла на кровать, пристально наблюдая, как быстро в руках ее жениха вырисовывались на простой палке красивые узоры. Она была счастлива, что Ванюша, ее любимый человек, сидел на краю кровати рядом с ней, и не обращала особого внимания на его, как ей казалось, наивные вопросы. В них она находила беспочвенную ревность. Говорят же: «Если ревнует – значит любит». Он ее спросил: «А ты будешь с другими ребятами гулять, когда меня призовут в армию?» – «Глупенький, у меня же будет ребенок, куда я от него денусь!» – «А если я женюсь на другой, ты тоже за кого-нибудь замуж выйдешь?» – «Ну, если ты мне изменишь, я не буду весь свой век одна коротать!»

Ванька будто того и ждал. Как обезумевший бросился на Машеньку, подмял ее под себя и начал этим тупым ножом, с налипшими хлебными крошками, пилить ей горло. Машенька инстинктивно изо всех сил оттолкнула Ваньку, и нож выпал из его рук. Тогда он, еще более рассвирепев, начал судорожными движениями раздирать надрезанное горло. Затем одной рукой сдавил Машенькино лицо, другой стал искать в постели выроненный нож.

И в этот момент Машенька вырвалась из-под Ваньки и по-

бежала. Бежала она не домой, чтобы не пугать и без того расстроенную мать, а к своей тетке, что жила неподалеку. Торкнулась в дверь крыльца, но дверь была заперта. Подбежала к калитке забора, открыть ее не смогла. Тогда она в паническом страхе, позабыв о беременности, с бешено колотящимся сердцем, перелезла через дощатый забор и по дворному мосту влетела в тетушкину избу. «Кто это?» – спросила проснувшаяся тетка Лукерья. «Это я, Маша, попить пришла!» – «А-а... Чашка там на столе, ведро с водой на кухонной лавке! Хочешь, пей чай, самовар еще горячий», – ничего не зная, сказала тетушка.

Машеньку и вправду мучила жажда. Она думала, что ничего страшного с ней не произошло, но когда начала пить, вода стала выливаться из гортани на пол. «Ты чего плещешь воду-то?» – спросила Машеньку тетушка и услышала на кухне грохот. Это у Машеньки, осознавшей свою трагедию, подкосились ноги.

Тетушка быстро зажгла лампу, подошла к Машеньке и увидела ее всю в крови, с надрезанным горлом. Как потом оказалось, весь путь Машеньки был полит кровью: и дверь на крыльце, и калитка забора, которую она впопыхах не смогла открыть, и то место, где Машенька перелезала через забор, и половицы дворного моста. Тетушка Лукерья, очумевшая от страха, побежала к Машенькиной матери Анастасии. Разбудили брата Василия, тот сбегал на конный двор, запряг лошадь и повез ее в Пильну, в районную больницу.

Довез до переправы реки Пьяны и сказал: «Если скажешь мне, кто тебя порезал, то я тебя повезу в больницу, если не скажешь – поверну обратно и умирать будешь дома!» Машенька долго не признавалась. Брат сердито спросил: «Ванька, что ли?» Машенька, обливаясь слезами, утвердительно ответила: «Да, Ванечка, но очень прошу тебя и всех, пожалуйста, не судите его». Эти слова Машеньки были последними. Не доехав до больницы, она скончалась от потери крови. Ванька, боясь возмездия, скрылся. Через четыре дня его нашли и отправили в милицию.

Спустя месяц, осенним слякотным утром из Пильнинской милиции в село Тенекаево приехали три всадника: два милиционера и Ванька Бахарев с завязанными назад руками. Остановились они у клуба. Раньше на месте его стоял красивый двухэтажный дом, в котором когда-то до революции жил барин Волков со своей семьей. Невдалеке виднелись три пруда. Тогда по глади их в летнее время плавали белоснежные лебеди, а по берегам росли ракиты. После революции в этом барском доме образовали школу. Потом она сторела. И на этом месте совсем недавно построили клуб, где и судили Ивана.

Народу собралось столько, что клуб не вместил всех. Некоторые стояли на улице. Судья спрашивал свидетелей: «Кто видел Бахарева Ивана в тот день, когда произошло убийство Марии Кузнецовой?» Одна молодая девушка ответила: «Я видела. Утром. Он рубил головы котяткам. Они пол-

зали по траве, пищали, а он брал их и... совершенно трезвый...» – «Так, так, значит, репетицией занимался, – отреагировал судья и, спустя минуту, добавил: – Убийство квалифицируется как умышленное». Люди ловили каждое слово судьи. Как от брошенного камня в большом пруду рождаются волны и распространяются до самого берега, так от судьи слова передавались друг другу до самых задних рядов и на улицу. Когда приговорили Ивана Бахарева к восьми годам лишения свободы, то по залу пробежало глухое волнение. Тогда такие происшествия встречались очень редко. В начале суда много нареканий было на Ивана. Затем люди смягчились, услышав из показаний, что Иван без ума любил Машеньку и предпринял убийство в запальчивости, после запрета его матери жениться на ней, которая, естественно, не ожидала такого исхода.

По окончании суда Ванька вышел на улицу и, увидев свою мать плачущей, сказал: «Мама, не подходи ко мне!» То ли из-за того, чтобы самому не разреветься, то ли из-за обиды, что она не разрешила ему брать Машеньку в жены. Вспрыгнул на коня, на котором приехал из милиции, и по привычке пропел частушку, но уже не как прежде, веселую и задорную, а скорбную и горькую, видимо, им заранее сочиненную:

Товарищи, что я сделал!
Две души я загубил!
Свою милочку зарезал –

В животе ребенок был.

Тут бабы взвыли, как на похоронах. Милиционеры забрались на своих лошадей. Опять завязали Ваньке руки. И поехали.

Примерно через год или два Ваньку Бахарева видели. Он поздним вечером крался к своей избе. Говорили, что его отпустили за столярным инструментом, чтобы делать начальнику лагеря мебель.

После отсидки срока Ваня Бахарев в свою деревню не вернулся.

Эту историю мне рассказала моя теща Мария Ивановна Дерябина (Бахарева по мужу), проживавшая в то время в селе Тенекаево. Она присутствовала на том суде. Было ей в ту пору тринадцать лет. Еще она говорила, что Иван Бахарев (однофамилец ее мужа) прожил очень долгую жизнь. Последнее время жил в Москве у родственников. Когда Мария Ивановна прочитала ему его частушку, он удивился ее памяти и по его щекам покатались непрошенные слезы.

Отсвет далеких лет

Мария Ивановна Бахарева (моя теща), жившая до 1964 года в селе Тенекаево Пильнинского района, однажды мне рассказала (а ей рассказывала ее мать Прасковья Харлампьевна Дерябина, 1888 года рождения), что в их селе до революции проживал барин Волков со своей семьей. Барин был строг до жестокости, но справедлив. К нему простые крестьяне ходили на подработки. Весной сажали овощи и сеяли зерновые. Осенью собирали урожай. Молотили рожь, ячмень, овес, коноплю (пшеницу в тех местах до Советской власти не сеяли). Зимой возле дома чистили снег. В сельницах домолачивали то, что оставалось недомолоченным от осени. Перебирали картошку, лук. Барин притаивался где-нибудь и подсматривал за работниками: кто как работал, тому так и платил.

Летом ему приносили ягоды: с лугов – землянику, из леса – малину, смородину, черемуху. Естественно, у каждой ягоды была своя цена. Барин оценивал и рассчитывался с ягоdnиками. Одна женщина принесла ему туесок малины. Что-то барину ягода не понравилась. И он не купил ее. Женщина обиделась. Вышла из барского дома и у крыльца ее растоптала. И пошла домой. Вечером того же дня за женщиной сходил посыльный и привел к барину. Барин распорядился:

«Выпороть!» Женщину отвели во двор. Положили на скамейку. Но сначала подняли сарафан и завязали его на голове. И выпороли.

Вскоре после революции барин Волков был вынужден со своей семьей бежать на Запад. Долгие годы в Тенекаеве стоял большой барский дом с его усадьбой. Последнее время его занимала школа. Затем школа сгорела. Но до сих пор сохранился барский пруд со старыми ивами.

В разгар войны (1942-1943 гг.) в Тенекаево приехала дочь Волкова Соня-барыня. Когда родители эмигрировали, она была еще девочкой, а в войну приехала зрелой дамой. Два дня она прогостила у своих бывших соседей. В глухую полночь у пруда под ивами выкопала очень много золотых драгоценностей, припрятанных ранее отцом, и уехала. Несколько ребят после ее отъезда утром, идя в школу, нашли золотые монеты, дорогие браслеты, часы. Приезжала милиция. Кое-кого поспрашивали. Но не забрали никого. Расспросили хозяев, у кого она гостила. Те ответили: «Да, была у нас Соня-барыня. Попросила лопату. Куда-то уходила часа на три!» На этом дело и закончилось.

Вскоре после отъезда Сони-барыни некоторые крестьяне разбогатели. Стали кушать хлеб вместо лебеды. Вместо лаптей носить валенки. А вместо своих халуп под соломенной крышей построили добротные дома.

Мария Ивановна рассказала еще про одну зажиточную семью по фамилии Играшкины, которую в начале 30-х органы

НКВД сослали куда-то далеко от родных мест.

Осенью 1982 года в Тенекаеве появился неизвестный пожилой человек. Жители сразу же обратили внимание, как он ко всему приглядывался, что-то искал. Своего имени не называл. Остановившись в одном месте, с откровенным любопытством стал расспрашивать старых людей: «Здесь стоял с разрисованными наличниками и крыльцом большой дом. Где он?» Те ему объяснили: «Так это же было полвека назад. Тут дома не раз горели!» Незнакомец настойчиво продолжал свое: «А вот тут были баня и сад!» Ему селяне отвечали: «Баня устарела, ее давно снесли. Сад перестал плодоносить, его выкорчевали». После глубоких раздумий мужчина проговорил: «Да, жизнь изменилась круто!» И вдруг неожиданно спросил: «Здесь еще были два колодца, куда они девались?» – «А колодцы совсем недавно заровняли землей», – ответили ему. Незнакомец, услышав это, сразу сник лицом. Задумался. Закурил. И вопросов больше не стал задавать. Холодно простившись, пошел из села. Он ушел, а разговор про него две старушки долго не прекращали. Одна догадалась: «Да это же был сын Играшкиных. Когда их сослали, ему было не более восьми лет». Другая возразила: «Как он в таком возрасте мог запомнить дом, сад, баню, два колодца?» – «Если он все это до точности не запомнил сам, значит, родители ему рассказывали!» И обе старушки в один голос посожалели: «Наверное, немало в этих колодцах Играшкины золота похоронили. И в том же саду, у бани... Не так же про-

сто их потомок сюда приезжал. И обо всем расспрашивал!
Пораньше бы ему сюда приехать. Вон, как Соня-барыня».

Встреча с земляками

Осенним солнечным днем я встретился с жителем деревни Кузнечиха, Ламоновым Александром Николаевичем, у его избы. Не виделись мы с ним более тридцати лет, поэтому он меня узнал не сразу. Я родом из соседней деревни Новопокровское, и мы хорошо знаем друг друга. Он 1929 года рождения. На семь лет старше меня. Помню, парни нашей деревни ко всем сверстникам из чужих деревень враждебно относились и не позволяли дружить со своими деревенскими девушками, а Саша Ламонов, один из немногих, не боялся, приходил и дружил. Высокий, крепкий и добродушный. Среди жителей своей деревни всегда пользовался авторитетом. Ламоновы вообще на хорошем счету. Работающие, а значит, и зажиточные. Работать в колхозе Саша начал очень рано. В 1943 году его с другими колхозниками посылали от колхоза в Уренские леса. Там з/к пилили березу, а они на лошадях вывозили ее к узкоколейке. Норма была 250 куб. на одного извозчика. А извозчики-то старые да малые. Здоровые мужики воевали. Наверное, Саша был посмышленнее других, потому его всегда и ставили старшим среди работяг. Ему доверяли вести расчет с хозяевами за ночлег и за продукты. Зимой 1944 года их отправляли в Ветлужские леса обрабатывать трудовую повинность. Там они сами пилили де-

ревья, затем тралевали их и вывозили по ледянке на сплавную реку. Александр Николаевич имеет медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

У Саши отец, Николай Александрович Ламонов, 1889 года рождения, прошел две войны – первую мировую и гражданскую. В гражданскую войну ему осколком перебило сухожилие на левой ноге. Он хромотал. Но более всего жаловался на легкие. Они у него болели от длительного пребывания в сырых окопах. И несмотря на это, извозничал. Днем возил кирпич, бревна, доски, а вечером, переодевшись, брал с собой старшего сына Константина и они ехали подрабатывать на легковых повозках к трактирам, отвозить домой подгулявших клиентов. Болезнь легких все-таки доконала его. В 1938 году Николай Александрович скончался. Мать Саши – Надежда Ивановна, попросту тетя Надежда, родом из деревни Никульское, была очень набожной. Начала поститься с семилетнего возраста. После замужества стала проживать в деревне Кузнечиха. Владела тайной лечения больных животных и людей. Дожила до 90 лет. Вырастила троих сыновей. Особенно она любила Александра. В армию был он призван в 1948 году. Служил в Новороссийске в морпогранфлоте шесть с половиной лет. За время его службы, в 1951 году, наш колхоз «Победа бедноты» объединили с кузнечихинским колхозом им. Сталина, оставив в названии имя вождя. Лишь после осуждения культа личности Сталина, укрупненный колхоз стал называться «Имени 22 съез-

да КПСС». Александр Николаевич в армии приобрел специальность водолаза. Демобилизовавшись, приехал в Горький, устроился работать на Сормовский судостроительный завод водолазом. Обследовал корпуса подводных лодок. Но колхозники, узнав об этом, написали письмо в Обком партии с требованием вернуть им их земляка в свою родную деревню.

С 1955 по 1960 год Александр Николаевич Ламонов работал заместителем председателя колхоза имени 22 съезда КПСС и завклубом. Жители обеих деревень ходили в этот клуб голосовать за наших кандидатов в депутаты в Верховный и местный Советы. А молодежь зимой ходила на танцы. Мы там однажды ставили своими силами концерт в честь 38-й годовщины Октябрьской революции. После концерта нас, участников художественной самодеятельности, председатель колхоза Евдокия Петровна Золотова пригласила на вечеринку, чтобы отметить этот праздник. Евдокия Петровна Золотова из села Чернуха. Удивительная женщина. Способный руководитель. Редкой души человек. Судьба у нее сложилась трагически. Я потом расскажу о ней. А пока остановлюсь на беседе с Александром Николаевичем Ламоновым. Он с юности хороший собеседник. О чем бы я не спросил его, все знает. Потому что сам всегда всем интересовался, и ему люди рассказывали.

На отшибе от их деревни стоит старая школа, в которой по зимам учились деревенские ребятишки, а в летнюю пору часто отдыхали дети из города. Теперь она вот уже лет 5-7 пу-

стует. Я сегодня по пути из города заходил туда. Видел там, как один мужик заводил трактор, другой тащил электропровод для сварки. Спросил одного мимоходящего: «Вы хотите отремонтировать школу?» – «Нет, – ответил он. – На ее месте будем строить лыжную базу!» Я ему сказал: «Так на Щелоковском хуторе имеется лыжная база!» Мужчина рассмеялся в ответ и громко проговорил: «Еще одну построим!»

Я спросил Александра Николаевича: «Интересно, в каком году построили вашу школу?» Он, не задумываясь, ответил: «В 1923. Мой старший брат Константин тринадцатилетним подростком возил лес для ее строительства. А вашу школу начали строить в 1924 году», – добавил Ламонов.

«Наша школа, – прервал я своего земляка, – была построена земской управой в 1890 году – так говорили мне старые люди нашей деревни». – «Ничего подобного, – стал ускорять меня Александр Ламонов. – Мне лично говорил об этом братеньник Костя».

Продолжая беседу, я стал говорить Александру Николаевичу, что давно уже слышал от его старшего брата, кузнеца Константина Николаевича, 1910 года рождения, ныне покойного, что деревня Кузнечиха названа в честь кузниц, которых, якобы, в этой деревне когда-то было много. Ламонов и здесь не согласился со мной, сказав, что кузниц у них никогда много не было. А деревню, скорее всего, назвали в честь каких-нибудь Кузнецовых, проживавших когда-то в нашей

деревне.

Когда мы разговаривали с Александром Николаевичем, к нам на скамеечку подсели два мужика, его соседи – Пальгуйев Василий Александрович и Ширшов Николай Семенович. Они тоже постарше меня. Я, честно признаться, их и не узнал. «Как время быстро состарило нас», – подумал я. Николай даже опирался на клюку. А ведь кажется, совсем недавно вместе ходили в город на работу через поселок Сахарный дол, в котором в начале 50-х годов была всего лишь небольшая улочка Горбатовская. Я их запомнил молодыми и здоровыми. В праздники (Пасху и Троицу) они с друзьями и женами, нарядно одетые, ходили с гармониями по деревне.

Услышав разговор о названиях деревень, мужики вклинились в нашу беседу. Василий, как бы между прочим, проговорил: «Почему деревню Утечино назвали таким именем? Потому что там когда-то крестьяне разводили уток. И от слова “утки” произошло это название». – «А я слышал, – возразил ему Николай, – что там раньше работала водяная мельница. И один крестьянин, недосчитавшись мешка муки, начал мельнику предъявлять претензии, мол, куда у меня делся еще один мешок муки. А другой крестьянин пошутил: “Утек, наверно”. Вот, говорят, от слова “утек” и название дали той деревне: Утечино.

Далее у нас разговор пошел о грязной речке Рахме. Я спросил Сашу, помнит ли он ее, когда она текла мелкой и чистой. Речка течет лугами мимо наших деревень. И мы ее

зовем Улой (от слова «юла»). Он ответил: «Конечно, помню. Она брала свое начало от Ковалихинских родников и из-под Бугровского скита. Наши мужики заготавливали в Артемовских лугах сено и, чтобы добраться до туда, ехали прямо через нее на деревню Никульское. Мы с ребяташками до войны ходили туда ловить пескарей. Но в нее и тогда в определенные дни спускали нечистоты. С бойни, например, что находится на Сенной. И из тюрьмы. Мы, зная, в какие дни будет течь чистая вода, тогда и шли рыбачить. А утечинские бабы на этой речке полоскали белье. Позднее построили предприятия: Эмальпосуда, Молокозавод и другие. Рахма с тех пор стала всегда грязной. И, естественно, со временем углубилась. Первое время мы делали мосты, но грабиловские мужики ночами приходили и ломали их. Доски и слегы утаскивали. Теперь только у вас под Афонинской горой стоит мост».

Саша Ламонов помолчал с минуту и опять повел разговор о старине. Он сказал, что деревнями Грабилово, Афонино, Утечино, Ржавка, Федяково некогда владел один любвеобильный барин. По рассказам бабушки, ее покойная тетка, уроженка деревни Кузьминки, была очень красивой и замуж вышла во Ржавку. Говорят, что барин ее заметил и дарил ей подарки.

Я добавил к сказанному Александром Николаевичем, что у того барина (это я слышал от многих пожилых людей) работал управляющим некий Грабин. В честь его, якобы, нашу

деревню Грабилово и назвали. Теперь она Новопокровское.

«А я слышал, – добродушно усмехнувшись, сказал Александр Николаевич, – что вашу деревню Грабиловкой назвали потому, что ваши мужики грабили на Афонинском лугу обозы, ехавшие из Казани торговать в Нижний! Однажды даже один обоз во спасение свое шел с попом. Мужики и попа уволокли к себе в деревню, оправдывая свой грабеж тем, что у них в молельной нет своего попа». – «Что ж, все может быть, – заметил внимательно слушавший наш разговор Василий. – Говорят, и Афонино с Федяковым назвали в честь разбойников: Афони да Федяки».

По поводу своей деревни Кузнечиха Александр Николаевич сказал, что она когда-то принадлежала графу Шереметьеву. Из бабушкиных рассказов Ламонов запомнил, что барин их деревни был добрым мужиком. И что он к ним в деревню приезжал всего-навсего один раз. Собрал сход и сказал: «Крестьяне, вот вам земля и лес. Пользуйтесь ими. Но разумно. Землю всю обрабатывайте. Лес чистите. Рубите его делянками. Коз не пускайте».

Александр Николаевич уточняет: «Лес, который идет стороной от Кузнечихи до Замостья и до Дубенок (по Анкудиновский лес), – это все графский лес. А его почему-то называют “Марьиная роща”. “Марьиная роща” – это лес, который всего лишь находится сзади завода “Орбита”».

Когда я стал прощаться с мужиками, Василий с Николаем спросили меня: «Ты и вправду, что ли, теперь совсем не

пьешь?» – «Да, – ответил я. – Ленин говорил, что жизнь надо видеть прекрасной на трезвую голову». – «Не-ет, – в один голос заявили мужики, – мы сейчас сообразим. Жизнь в наше время только и видишь прекрасной, когда выпьешь!»

Алкогольный напиток для кого-то источник зла, а кому- то он поднимает настроение

В старых бумагах, примерно 80-х годов прошлого века, я нашел письмо пенсионера Ваулина Якова Семеновича, присланное в редакцию газеты «Горьковский рабочий», и вместе с письмом мои записи о поездке к этому автору. Жаль, что конверт не сохранился и поэтому здесь нет ни даты, ни точного адреса автора. Одно только упоминается – улицы Дубравная.

Я тогда работал на заводе им. В.И. Ульянова и, кроме того, являлся рабкором и инспектором общественной приемной при редакции газеты «Горьковский рабочий». Мне редакция нередко поручала разбираться с читательскими письмами. Поручила мне заняться и этим письмом. Автора письма, наверно, и в живых-то нет, но зато жив и здоров должен быть Олежек, его внук, о котором Яков Семенович писал в редакцию и беспокоился за него. Ему теперь где-то уж за тридцать и зовут его, может быть, уже не просто Олегом, а Олегом Николаевичем.

Вот что писал Яков Семенович.

«Девять лет тому назад связали свою судьбу моя дочь На-

дя и Коля Наумов. И стали они именоваться Наумовы. Вскоре у них появился ребенок. А год спустя мне дали четырехкомнатную квартиру со всеми удобствами. Жили мы тогда все вместе. Вместе и питались. Только бы жить да радоваться. Но однажды Коля Надю избил сильно, признали сотрясение мозга. Потом все это как-то уладилось. Они помирились. Еще прошло некоторое время, молодые потребовали разъехаться, то есть разменять нашу квартиру. Я согласился. Нам с супругой досталась квартира без удобств. А им однокомнатная со всеми удобствами. Николай Иванович, то есть зять, после размена стал часто выпивать. И Надю принуждать к спиртному. Приводит друзей. Играют в карты. Бранятся. Дерутся. Олежек, внук, подросток. Закончил второй класс. Ему негде было делать уроки. Я его вынужден был взять к себе. Пока он живет у нас. Я очень беспокоюсь за его судьбу. Нам с бабушкой по 67 лет. Коли мы умрем, с кем он останется?»

Вопрос очень серьезный, волнующий, не терпящий отлагательств. Выбрав свободное время, я поехал к автору письма. Сошел на остановке улицы Дубравной. Оживленное это место. Народу много. Может быть, потому что субботний день. Каждый человек был занят своим делом. Грибники с полными корзинами грибов спешили на базар. Женщины выходили из магазина с набитыми сумками продуктов. Некоторые из них с ребенком на руках. Невдалеке от магазина «Продукты» – пивная. Около нее большая очередь. Публика

разношерстная. В трех шагах сосновый молодняк. Под его кронами прятались от жары любители спиртных напитков. Компании по пять-шесть человек. Кто стоял, кто сидел прямо на траве. Почти у каждого в одной руке кружка с пивом, в другой вобла. Посреди них на газете лежала закуска. Рядом валялись бутылки из-под водки. Люди отдыхали на природе. Тешили свои души. Это хорошо. Но когда я увидел рядом с крепким мужчиной молодую женщину с разбитым лицом и с недопитым стаканом в руке, на которых с любопытством глядел мальчик лет восьми, наверное, их сын, мне стало не по себе. Может быть, в другой раз я бы эту картину не так болезненно воспринял, но в этот момент она меня очень встревожила. Я тут же вспомнил фразу из письма: «Если мы с бабушкой умрем, то с кем останется Олежек?»

И вот я в квартире Ваулина Якова Семеновича. Пока его самого дома не было, поговорил с Надей. Она сказала мне, что от мужа ушла с полгода назад, потому что он пьянствует и дерется, на работу устроился, но денег не дает. В милиции дал расписку, что из той квартиры, где жила с ним, скоро выпишется. Сын Олежка отдыхает на Линде в пионерском лагере. Учебный год закончил почти на одни пятерки. Учителя его любят. Попросила меня не писать статью о них.

Но мне хотелось поговорить с автором письма. И вскоре он явился. Надежда сразу же ушла по своим делам. Яков Семенович и Тамара Абрамовна, супруга его, пригласили меня на кухню чаю попить с ними. Яков Семенович, улыбаясь, на-

чал свой разговор: «Значит, на счет зятя приехали?» Достал из-за стола початую бутылку водки, налил себе и мне. Одну сразу же выпил. Другую, видя, что я наотрез отказываюсь, отодвинул со словами: «Потчевать велено, неволить грех. А вообще-то сегодня выпить можно – выходной». Через минуту Яков Семенович уже возбужденно продолжал: «Скажу прямо, этот Наумов, наш зять, с которого нечего взять, просто-напросто дармоед. И где он мог испортиться? Ума не приложу. Раньше, до армии, он работал на Сормовском винзаводе, оттуда, конечно, потаскивал то бутылочку, то две красненького. Потом пошлет меня эти бутылки продать или обменять на водку. Раньше он красное вино совсем не употреблял, да и водку-то пил немного. По-моему, он научился так сильно пить в армии. В рабочем батальоне служил, там, наверное, и испортился». – «Ты не болтай лишнего-то. Дело говори, – поправила Якова Семеновича супруга. – Как он ключи у Нади от квартиры украл и не пускает теперь ее домой. Еще расскажи, как он тебя в мае месяце разукрасил!» – «Да, да, было такое, – признается Яков Семенович. – Но я тоже не остался у него в долгу, а вот этой доской, на которой хозяйка зеленый лук да мясо режет, на его носу отметину сделал. За последнее время он по-человечески разговаривать совсем разучился. Влетает как-то в квартиру и с налета: “Пахан, дай рубль или налей вина, а то жбан разобью или совсем вырублю”. Вот только такие выражения и слышишь от него. Да разве после таких слов я налью ему? Никогда. И

денег не дам. Я на него не работник». – «Да-да, – согласилась Тамара Абрамовна, – когда по-хорошему вел себя, угощали, а как один раз шум поднял, стал приставать к свояку, ударил его, тогда мы милицию вызвали, а потом я же и упростила милиционеров, чтобы не забирали его. Вот теперь каюсь».

Тамара Абрамовна вышла в сарай, а Яков Семенович продолжал: «Если его не посадят, то я сам за него отсижу, – и в сердцах потряс сжатой в руке той самой доской, которой он когда-то зятю Николаю сделал на носу отметину. – Я вот говорю учителям: “Почему вы в школе не берете с Олежка деньги за обеды? У него есть отец!” Но ничего мне на это учителя не отвечают. А вот так называемый отец мне однажды заявил: “Олежек у вас живет, вы его и кормите”. Олежек, видя, что мы не ладим с его отцом, недавно мне сказал: “Деда, я буду на боксера учиться”. – “Иди, иди”, – отвечаю ему. Это он, чтобы за меня заступиться. Олежек не любит отца, потому что он от него за всю жизнь конфетки не видел. Ну что толку, если Наумов сейчас устроился работать на базу “Росгалантерея”? Он там свиснет что-нибудь, и его выгонят оттуда с треском. Посадить бы вот его лет на 10-15, мы бы тогда могли Олежика в интернат сдать. А так никак нельзя. Я пенсию получаю, да еще работаю кладовщиком на Сормовской ТЭЦ. Там у нас тоже работают такие-то. Только устроятся и идут ко мне за спецодеждой, а я им говорю: “После первой полочки придете получите”. Они, значит, жаловаться к начальству, дескать, я бутылку с них за спецов-

ку требую. А я начальству отвечаю так: “Мне не бутылка их нужна, я знаю, что они после первой получки к нам больше не возвратятся”. Яков Семенович хитро подмигнул, кивнув в сторону: “Мне вон Тамара не дала на вино, так я посуду сдал да купил. Во как“». Я задал такой вопрос Якову Семеновичу: «Почему молодые быстро спиваются?» Он ответил: «Потому что молодые выпивают, чтобы напиться. Соображают “на двоих”, “на троих”. Один другого подзадоривает, как бы еще выпить, но не поесть. Вот и спиваются. А я выпиваю для улучшения настроения. Выпил. Закусываю. И контроль никогда не теряю над собой. Пока человек живет, он должен думать, мыслить, что к чему. Я однажды, правда, давно это дело было, “сообразил” с одним “на двоих” на бутылку. Выпили, значит, ее, а он вынимает деньги да еще на одну дает. Выпили и другую. Я, значит, тому товарищу из уважения дал адрес свой. Через неделю он ко мне и заявляется с милиционером. Оказалось, что он колхозных овец продал да все деньги вырученные пропил. Может, потерял по пьяному делу, а, может, вытащили у него их. Вот как “двоить-то” да “троить-то”».

Яков Семенович о чем-то задумался и, вздохнув, произнес: «А вы знаете, как мне Надю-то жалко, как-никак, ведь она мне дочь». Он что-то еще хотел добавить, но, махнув рукой, промолчал. Вынул платок из кармана и начал вытирать повлажневшие глаза.

Плакучая ива

Моя родная деревня – Новопокровское Кстовского района Нижегородской области. Хотя я в ней и не живу вот уже тридцать с лишним лет, она остается для меня одной из самых милых и красивейших деревень во всей России.

Пусть зимой метели задувают к ней дороги, а поздней осенью и ранней весной местами на них образуется грязь, я до сих пор скучаю по ней и при первой возможности посещаю ее. Захожу в родной дом, и в памяти всплывают мать и отец, брат и сестры. Невольно воскресают детство, юность и первоизданная природа того времени. И вижу, как с наступлением цивилизации деревня меняется на глазах не в лучшую сторону.

Помню большое деревенское стадо коров, пасущееся на маленьком лугу, который находился у леса, в сторону Дубенок. Помню большой луг, который берегли для сенокоса. Под горой текла речка, из которой селяне брали воду, в пруду купались, ловили рыбу. В весеннее половодье над большим лугом кричали чайки, а летом в росистой траве – перепела, дергачи и пигалицы. Солнечным утром над цветущим лугом поднимался пар. Когда созревала трава, мужчины, женщины и подростки шли на сенокос. Траву скашивали, сушили и складывали в стога. После сенокоса стадо пус-

кали по всему большому лугу. И паслось оно там, на отаве, до конца лета.

Кому-то тогда пришла в голову мысль перепахать луга с афонинской и анкудиновской стороны. Пасти пришлось только у леса. А для сена траву косить ездили в Артемовские луга. С анкудиновской стороны из луга поля так и не получилось. Луг только испортили. А с афонинской – сажали то кукурузу, то рожь. После разрушения колхозов поля со стороны Афонина и Утечина раздали частным лицам. Но, видимо, не всем людям было по силам обрабатывать свои земельные участки и ставить на них дачные домики, поэтому часть садоводов-огородников или отказывались от своих наделов, или заняли выжидательную позицию до лучших времен. В одном месте там уже молодой лесок вырос, в который жители ходят за грибами. В другом теперь начали расти богатые дома.

Со временем пруд у нас сделали большой. Кроме рыбаков нашей деревни, в нем ловили рыбку еще жители Дубенок и других близлежащих деревень. В выходные дни сюда приезжали отдыхать целыми семьями на машинах из Нижнего Новгорода. Хоть небольшие уловы были, но рыбы хватало всем. Рыбачили и дети, и взрослые.

Приятно было наблюдать, как они с чутким и трепетным вниманием следили за своим поплавком. Чувствовалось, что время, проводимое за рыбалкой, было для них праздником души. Да и сам пейзаж располагал к этому. Рядом золоти-

лось широкое поле, невдалеке зеленели лес и луг. Благодать, да и только! Но когда идет все хорошо, обязательно найдется какой-нибудь мерзавец, который испортит житейское благополучие.

Рядом с прудом стоял колодец с прозрачной, чистой водой. Рыбаки утоляли жажду в жаркое время. И вот в одно прекрасное утро в колодце обнаружили мертвую собаку. Жители деревни возмутились: дескать, приходят чужаки всякие, вредят. Но на первый раз простили. Наняли мужиков во главе с Николаем Алексеевичем Глодиным, которые из колодца воду вычерпали, вычистили его. Осветили. И селяне начали было снова брать из него воду. Но через несколько дней в нем снова обнаружили дохлую собаку. Мужики и так в прошлый раз с отвращением вычерпывали воду. А на этот раз наотрез отказались. Согласился лишь один Николай Алексеевич. Мужик высокий, сильный, работающий.

«Жители не виноваты, – проговорил он. – Надо кому-то делать!» И в сердцах пригрозил неизвестному вредителю: «Поймаю – как щенка придавлю!» И то ли его угрозы повлияли на то, что больше не пакостили, то ли потому, что жители решили спустить воду из пруда, а вместе с ней и рыбу, но с тех пор пруд стоит заросший камышом. Речка тоже обмелела, заросла осотом. Если раньше дно речки заиливалось, то тут же на колхозном собрании решали, сколько положено метров на каждый дом для ее очистки. И люди шли свою норму выполнять. Потому что вода была необходима

для хозяйства. Сейчас в деревне водопровод, и про речку забыли. Хотя водопроводная вода по качеству оставляет желать лучшего. А родник, из которого брали свое начало речка и пруд, почти иссяк. Говорят, что когда по полю из Дубенок к Афонинской горе прокладывали канализационный коллектор, то перерезали главную водоносную жилу, питавшую его. Теперь на месте бывшего искристого на солнце родника струится слабенький ключик. Рядышком с ним выросла ива.

От этого ключика бежит крохотный ручеек. Но он не попадает, как прежде, в пруд. Путь ему преградила дорога, идущая к атомной станции. Когда эту дорогу строили, то забыли под нее подложить трубу для стека. Поэтому за долгие годы находящийся здесь лужок заболотился. Появились кочки, камыш и осот. В позапрошлом году я пошел в лес и там встретил двоих ребят из Дубенок. Они спросили меня: «Где тут можно напиться?» Когда я их подвел к бывшему роднику, то на его месте мы увидели упоминавшийся мной ранее еле заметный ключик и склонившую над ним плакучую иву.

«Нижегородская правда»

17.02.2007 г.

P.S. В 2015 году нашлись добрые люди, спасибо им, пруд возобновили. Теперь опять есть место, где можно искупаться

и порыбачить.

Я почти всю свою жизнь вел дневники, записывал то, что приходилось мне по сердцу, а также списывал из книг, газет и журналов интересные случаи

Вот, например, из газеты «Горьковский рабочий» за 7 марта 1953 года в субботу списал четверостишие под авторством А. Цирульникова и Ю. Адрианова.

«В скольких песнях ты нами воспета,
В скольких будем еще воспевать.
Самой светлой любовью согрета
Ты – советская женщина-мать».

А это совершенно другой случай. Списал из газеты «Известия». На скачках на городском ипподроме в Пятигорске 16 июля 1982 г. жокей неудачно взял барьер и упал с коня. Скакун, оставшийся без наездника, не растерялся и продолжал самостоятельно скачку. Без единого штрафного очка конь по кличке Скворец преодолевал все препятствия.

На финишной прямой конь без седока сделал рывок и

обогнал всех лошадей с опытными жокеями. Под восторженные возгласы и рукоплескания болельщиков он пришел первым.

Главный приз достался Скворцу, а наезднику, которого постигла неудача, осталось только поздравить своего коня с заслуженной победой.

Ставропольский край,
В. Овчаренко

Стихотворение «В лесу родилась елочка, в лесу она росла» написала Ольга Кудашева в Петербурге в 1903 году, оно называлось «Елка».

Однажды я поехал в Дивеево приложиться к мощам преподобного Серафима Саровского, прихватил с собой для еды целую сумку отборных огурцов, помидоров и яблок. Но оказалось, при церкви работает столовая для паломников. Отстояв службу, я и отобедал там, а после вечерни поужинал. А то, что взял из дома, осталось не тронутым. Так мне стало жалко выкидывать все это, что я расстроился. Встал утром в 5 часов, а в 8 уезжать домой. Тут мне пришла в голову мысль: сходить к общим умывальникам и там вблизи их оставить всю сумку. Написать записку: «Нуждающимся!» Прихожу туда, а там стоит мужчина средних лет. Обросший весь. Пустую сумку прячет за спиной. Спрашиваю: «Вы кого-то жде-

те?» – «Нет, – отвечает, – просто не спится». Показываю ему: «Вы не возьмете у меня?» Он и договорить мне не дал. Радостно воскликнул: «О, я давно не ел ни помидоров, ни огурцов, ни яблок!» Подставил мне сумку. Я вывалил в нее все содержимое. Он поблагодарил меня, а я его. И разошлись оба довольные.

В 1991 году, в августе, я снова поехал в Дивеево. Отстоял службу. Искупался в святом источнике. Приложился к святым мощам Серафима Саровского. Еще вечернюю службу простоял до конца. Горячо и искренне попросил преподобного избавить меня от болезней. Вышел из церкви. Темнотища кругом. Лампочек на улице горело мало. Впереди меня шли несколько молодых ребят. Грешным делом подумал, что это хулиганы. А они, оказывается, тоже отстояли вечернюю и пришли в ту самую избу № 12 по ул. Бекмешова, где и я в каждый свой приезд снимал комнату для ночевки. Старая изба была поделена на несколько комнат, по стенам висели вырезки из журналов с изображением святых. Ребята были словоохотливые, думал, что мне спать не дадут. Стенки-то фанерные. Прислушался – они читают наизусть вечерние молитвы. Минут через 5-10 наступила тишина. Соседи легли спать. И я, еще раз осмотрев свои стены со святыми картинами, лег и крепко заснул.

К утру мне приснилось, будто из меня выходят болезни. Старый человек подошел, наклонился и сказал: «Это хорошо! Это хорошо!» Я подумал: «Это же сам Серафим Саров-

ский!» Вздрогнул. И от неожиданности проснулся.

Гнилицы. У могилки святого отца Григория Долбунова.
2005 г.

В церкви Рождества Пресвятой Богородицы (в Гнилицах) со мной произошло вот что. В те годы я часто болел и излечения искал у врачей и у Бога. Сопровождала меня тогда жена. В первую очередь мы зашли на могилу нашего святого Григория Долбунова. Помолились ему. Поставили свечи. Затем исповедовались и причастились. Отстояли обедню. Службу вел отец Владимир. Вел он ее активно, зажига-

тельно и вдохновенно. Слов не могу подобрать, какая стояла в церкви умиротворенная атмосфера. Когда началось целование креста, я приложился к нему и попросил батюшку, чтобы он благословил меня. Когда он благословлял, над головой услышал глухой, короткий звук, словно порох вспыхнул: «Ши!» Я сначала оторопел, но через минуту мысли прояснились и в сердце будто ангел вселился.

Позднее я поинтересовался у отца Владимира: «Почему тогда благословение произошло такое необыкновенное?» Он ответил: «Так вы хорошо подготовились».

Краткая дневниковая запись.

Санаторий «Городецкий»

10 апреля 1994 года

Приехал в санаторий «Городецкий». После обеда пошел в ближайший поселок, хотел зайти в промтоварный магазин, но он оказался закрытым. Работал только продовольственный, правда, в нем ничего не было, кроме пива и водки.

На обратном пути увидел мужчину, чинившего колхозный трактор. Я спросил его: «Как ваш поселок называется?» Ответил: «Аксентис». – «В честь кого или чего назван?» – «А кто его знает», – ответил мужик и начал жаловаться, как новое правительство крестьян зажимает. Скоро пахать, а трактор неотремонтированный стоит, запчастей нет. Новый не купишь, хоть продай все колхозное стадо коров вместе с фермой.

Вечером зашел в клуб. Там в специальном помещении мужики в бильярд играли. За мной вслед пришел хромой парень, видимо, знакомый игрокам, поздоровался с каждым за руку. Его спросили: «Играть будешь?» Ответил: «А чего ж не сыграть-то. На танцах девки меня бракуют. Я хоть здесь шары покатаю».

13 апреля

День пасмурный. Пришел в грязелечебницу на лечебную процедуру. Впереди меня мужчина подал медработнице санаторную книжку. Та вслух прочитала, куда ему класть лечебную грязь: «На шейный воротник, на поясницу, на пень, на ноги». Рядом стоящая женщина проговорила: «Ой ей, сколько на тебя грязи-то надо. Заляпают, не отмоешься!» Мужчина ответил: «Грязь не сало: высохла и отстала!»

14 апреля

Погода солнечная. Вроде бы и тепло, но ветерок прохладный. Почти половина апреля прошла, а снега еще по колено. В лесу вообще местами по пояс. Нынешняя весна поздняя и затяжная. И хорошо. Иначе бы все дороги затопило. А сейчас снег тает исподволь. Незаметно. Смотришь, по дороге сбоку сугроба вороночка образовалась и туда, под ноздреватый снег, оттаявшая водица устремляет свой бег. Многие отдыхающие проходят, не замечают, но некоторым интересно, стоят и подолгу молча рассматривают эту картину. Один мужчина, ни к кому не обращаясь, произнес: «Вода дырку всегда найдет».

15 апреля

После обеда ходил по другую сторону нашего санатория. Местностью полюбоваться. Неподалеку виднеется бывший пионерский лагерь «Дружба». И еще маленькие деревушки по пять-десять изб. Поля пока плотно покрыты снегом. Та-

вание проходит еле заметно. На дорогах от луж происходит испарение. Когда смотришь в сторону солнца, пар ясно видишь, а когда пройдешь лужу и встанешь спиной к солнцу – пара не видать. Тепло ощущаешь только там, где ветра нет, а где ветерок – зябко.

Подышал воздухом, настоящим на хвое. Хотел написать: «надышался» воздухом. Ан нет. Человек проживет большую жизнь и не надышится. Может наестся, напиться, но воздухом насытиться нельзя. Спросите у любого – больного или здорового: «Ну, как, мол, ты, друг, надышался чай за жизнь-то свою, особенно свежим и чистым воздухом, вот каким я сегодня дышал? Он тебе ответит: «Дай еще подышу!» А сколько? Вечность!

18 апреля

День солнечный. Гуляя за санаторием, я увидел пожилую женщину, везущую на велосипеде пустые бидоны наперевес. Везила на базар молоко продавать. Она чего-то бормотала. Оказалось, ругала Горбачева и Ельцина. Я спросил: «Почему вы такая сердитая?» Женщина ответила: «Потому что молоко дешевое. Я вот хотела на вырученные деньги внучку костюмчик да ботинки купить, а они оказались слишком дорогие». Остановилась у большой лужи (я потом узнал, что ее зовут Феодосией) и стала канальчик прорывать в сторону оврага, чтобы воду спустить. «А то не перейду», – говорит. И, вздохнув, пожаловалась: «И жизнь тяжелая, да и старость

не в радость. Неповоротливая стала, как корова, а раньше-то прыткой была, как коза».

На белом кирпичном здании, где находится наша столовая, выложено цифрами из красного кирпича, что оно построено в 1926 году. С этими цифрами рядом, уже тронутые временем, так же выложены красным кирпичом серп и молот.

Сегодня ходил на процедуры: принимал лечебную грязь и токи Бернара.

Мужчины сначала рассуждали о предательской политике и развалившейся экономике. Ругали Ельцина за то, что обманул простой народ, а потом перевели разговор на погоду: «Солнышко носу не кажет. Вчера было 16-18 градусов, а сегодня всего 4-6 градусов тепла».

23 апреля

Пожилой мужчина рассказывал: «В танцевальном зале по всем стенам развешены зеркала. Я танцевал с молодой девушкой и чувствовал себя молодым, пока в зеркале не увидел свое отражение. Оно напомнило мне мой возраст».

Санаторий «Городецкий» окружает хвойный лес. Здесь много таких птиц, которых в наших краях нет.

Днем низко над землей пролетел клин гусей. Теплынь. Снег тает быстро.

25 апреля

Сегодня день был из всех дней теплый. Я зашел в лес на поляну, разделся и загорал на солнышке. Благодать. Даже в 5 часов вечера было тепло.

1 мая

Сегодня Светлое Христово Воскресение. Опять ходил гулять за территорию санатория. На полях и в лесу снег растаял. Остался только в затемненных местах. Дошел до близлежащей деревни. У плетня первой избы старушка разговаривала с курами: «Где вы свою подругу оставили?» И начала их пересчитывать: «Раз, два, три, четыре, пять». Я и говорю: «Нет одной!» Куры настырно, как будто их магнитом тянуло, норовили с улицы сквозь плетень прошмыгнуть в огород. Старушка и рукой, и клюкой их отстраняла, приговаривая: «Напрасно стараетесь, миленькие, я все щели от вас перекрыла, гуляйте-ка здесь. Простору-то во-о-н сколько много». Я спросил женщину: «Как земля-то? Еще не пробовали копать?» Она ответила: «До праздника не начинали. А сегодня Воскресение Христово!» А я ей: «Говорят, с завтрашнего дня начнутся похолодания, ждут снега с дождем». Женщина развела руками и проговорила: «Дак, что же мы можем поделаться, на Бога в суд не подашь».

Из памяти прошлого

Сейчас смотришь – в летнее время некоторые поля поливают поливочными агрегатами. А раньше, после войны, крестьяне нашей деревни воду для полива колхозных полей возили на телегах в деревянных бочках, черпали ее из полувысохшего пруда. Это потом пруд сделали большой. А вначале он у нас был маленький. В жару в нем не успевала скапливаться вода, потому что ее брали жители и для своих огородов. В него и свиней загоняли, и коров. Вода стояла мутная. В ней полно было всяких насекомых, типа вшей, но, несмотря на это, дети с радостным визгом лезли купаться. Вылазили оттуда похожие на чертенят. Ресницы будто подкрашенные темной краской, а с головы по лицу текли грязные струйки.

На полях с афонинской стороны колхозники сажали капусту и помидоры. Поливать приходилось их из грязной речки Рахмы, которую мы называем Улой (от слова «Юла»). Нечистотами той речки теперь, наверное, запретили бы поливать, но тогда все сходило, считали, что так и должно быть. И, главное, урожай был отменный.

Я один раз ходил помогать матери раскидывать по лункам рассаду и слышал, как бабы говорили: «У себя в огороде рассаду садишь здоровую, ухаживаешь за ней, лелеешь ее, поливаешь ранним утром незамутненной водой, а урожай со-

бираешь кое-какой. Здесь же, на колхозных полях, рассада полудохлая, сажаешь ее небрежно, скорее бы как, а родится все – хоть в Москву на выставку вези».

И действительно, капустные вилки выросли большими, тугими, хрустящими. Помидоры в каждом кусту по несколько штук крупных, мясистых, сочных. Разломишь ее, а она, как сахар, блестит на солнце. Тех, кто победнее жили, колхозный урожай спасал от голода. С поля домой что-то тащить категорически запрещалось, а при сборе урожая – ешь сколько хочешь. Я помню одну молодую женщину, Настю Кузнецову. Она однажды там за время сбора съела этой отборной помидоры целую колхозную корзину. Не на спор, а так просто. Аппетит был хороший. Здоровая, крепкая женщина широкой кости. Она работала, как вол. Косить траву на лугу или еще где-то для частных хозяйств тогда запрещалось. Настя сама не имела коровы. Так она до работы для других хозяев ходила за травой в лес, чтобы подкалымить. Без косы и серпа, чтобы лесник не отобрал, и рвала траву руками. Помню, нам принесла большой и тяжелый мешок всего за несколько рублей. На хлеб. И то ладно. Последнее время Настя жила с сестрой и с матерью. Беднота одолевала их. Но она всегда была настроена оптимистично, чувство юмора никогда не покидало её. Она во время отдыха на поле бабам рассказывала такие анекдоты, от которых они падали со смеху. Один раз она им заявила: «Если бы я была мужиком, я бы вас всех... перелюбила». Бабы соглашались. Говорили: «Ты сейчас-то

охальница, а если бы мужиком была, то точно из тебя бы получился разбойник».

Жара крестьян каждое лето замучивала. Помню, в одно засушливое лето, в конце пятидесятых прошлого века, жители были вынуждены идти в Высоковскую церковь за священником, чтобы он пришел к нам в деревню и отслужил молебен за гибнущий в полях и огородах урожай. Священник и сопровождающие его люди пришли к старой деревенской часовне. Там собралось много народу и началось богослужение. Зной стоял невыносимый. От жары в некоторых местах трескалась земля. Даже неверующие в Бога, коммунисты, с надеждой глядели на молящихся, а вдруг и вправду произойдет чудо – прольется дождь. Моление у часовенки длилось 2-3 часа. Прибежали из деревни Кузнечиха несколько женщин и упросили батюшку, чтобы он и у них отслужил молебен. Люди с иконами в руках, с песнопениями пошли в Кузнечиху. Тем временем на ясном небе откуда ни возьмись появились грозовые тучи, загромыхал трескучий гром и полил дождь, как из ведра. Большинство верующих не разбегались. Они были счастливы и благодарны Богу, что на них снизошла такая благодать. Благодарили священника и устроителей этого архиважного мероприятия. Но после можно было услышать высказывания и неблагодарных людей – дескать, священники нынче стали хитрые. Приходят вымаливать у Бога дождь, заранее зная по барометру, что он и без того будет. Но кто бы что ни говорил, а земля тогда на-

сытилась влагою, все вокруг зазеленело, посвежело. Солнце, умытое дождем, улыбалось людям. Прекраснее стал выглядеть мир.

Спустя годы колхозы укрупнились. Появились машины-бочки со шлангами. У нас сделали большой пруд. Колхозники почувствовали облегчение.

Он был строг к себе и добр к людям

Давно это было, лет тридцать тому назад. На городской остановке я садился в автобус. Людей скопилось много. Впереди меня двое пожилых мужчин застряли в дверях автобуса. Один другого обвинял в нерасторопности за то, что он медленно входил в автобус, и крыл его бранными словами. А тот вел себя скромно и тихо, будто не его касается.

По гороскопу я телец, поэтому всегда переживаю за одиноких, больных и слабых. Когда они оба сели на места, я присел к скромному мужчине. Меня заинтересовал он. Разговорились. Спросил его, почему он в защиту себя не сказал ни слова своему недоброжелателю. И услышал: «Мил человек, я войну прошел, навоевался с фашистами. А с ним-то мне чего делить? Ну, вспылит человек. Теперь, я вижу, успокоился. И пусть едет он своей дорогой». Своим добродушием меня этот мужчина еще больше заинтересовал. И когда мы вышли из автобуса, нашли укромное место, я попросил его рассказать о себе. Увидев у меня в руках маленький блокнотик из разрезанной тетради, сшитый белыми нитками, и ручку, он сказал: «Ну, записывайте, только покороче, пожалуйста. Я на переговорный пункт приехал. У меня времени в запасе не более часа.

Старостин Михаил Петрович. Проживаю: Слобода Под-

новье, Кстовский район, Горьковская область. Родился 24 июня 1924 года. На военную службу призван был 22 июня 1942 года. Привезли нас в Сталинград. Он уже был освобожден от фашистов пятой ударной армией, которую 23 февраля 1943 года переформировали в 33-ю гвардейскую дивизию, в которую вошел наш 84 стрелковый полк. Я числился старшиной роты. После Сталинграда прошел Ростов, Новочеркасск, Шахта-Бис. На северном Донце получил тяжелое осколочное ранение руки и ноги с повреждением нервов. Увезли в Новосибирский госпиталь, оттуда в декабре 1944 года вернулся домой инвалидом 2-й группы. В 1946 году поступил учиться в Лысковский ветеринарный техникум. В 1948 году окончил его. Устроился работать в колхоз «40 лет Октября». В него входили деревни Никульское, Подновье, Кузьминки и Новенькое. В 1959 году произошло объединение в совхоз «Ждановский». Там работал ветврачом в 3-ем отделении. На ферме было 350 голов только дойного стада. За здоровье каждого животного я нес ответственность. В том числе и за отелы. Нормальные отелы происходят самопроизвольно. Корове в такое время помогает скотник. Но когда корова тужится – это ненормальный отел. В таких случаях зовут ветврача. Был случай в декабре 1975 года. Мне пришлось принимать у коровы патологические роды. Мне позвонили домой в шесть часов утра. Я пришел, посмотрел и подумал: в утробе двойня. Стал обследовать. При обследовании оказалось просто две головы одного теленка. Корова мучается.

Терять время нельзя. Стал вытаскивать плод по частям, распиливая его акушерским тростиком. Разрезал, как ножом. Потом собрали, сшили. Желудок был один, сердце одно. Туловище одно, но две головы и восемь ног. Все это отвезли в Кстовскую районную ветлечебницу. Провозился я с этим отелом с 6 утра до 12 дня. И нанервничался, и простудился. Ведь я тут принимаю роды, а там ворота открыты, на машине подвозят корма. Попал в больницу им. Семашко. Пролежал 46 дней. Врачи признали сужение сердечных сосудов. Проработал я ветврачом более 25 лет. В 1979 году ушел на пенсию в 55 лет, как инвалид войны. Вот и все.

Сейчас позвоню бывшему сослуживцу. Спрошу, как у него дела».

P.S. Поговорив со Старостиным Михаилом Петровичем и поближе познакомившись с ним, мне подумалось: если бы тот человек, который недавно оскорблял его, знал бы, какую он прожил достойную жизнь, он никогда бы, наверное, не осмелился так вести себя грубо по отношению к нему.

Как санитарка больного от смерти спасла

Однажды в автобусе я услышал, как одна деревенская женщина рассказывала своей соседке трагикомический случай, происшедший с ее знакомым, пожилым мужчиной, несколько лет тому назад.

Жил тот мужчина в каком-то дальнем районе области. Участник Великой Отечественной войны. Инвалид. Одной ноги у него совсем не было, а другая была искалечена. Поэтому он вел малоподвижный образ жизни. И, значит, кишечник его работал не так интенсивно. То и дело возникали боли в животе. Потерял аппетит. В конце концов супруга вызвала скорую помощь и на ней доставили его в больницу. Обследовали. В легких нашли затемнение. А чтобы сделать снимок кишечника, ему назначили на голодный желудок глотать барий. Поскольку снимки получались неудачными, барий ему приходилось глотать несколько раз. После этого у мужчины начался запор. Никак не мог сходить в туалет. Чувствовать себя стал еще хуже. Поднялась высокая температура. Врачи всполошились. Не знали, что предпринять. Наконец, установили, что положение больного критическое. В больницу пригласили супругу. Сказали: «У вашего мужа рак. Метастазы распространились уже на другие органы. Если мы ему сде-

лаем операцию, вряд ли он ее выдержит. Забирайте его и готовьтесь к похоронам!» Супруга расплакалась. Почти полвека прожила она с мужем. Увезла больного домой. Деревенские мужики навестили своего товарища. Попрощались с ним. Он действительно похудел. Ничего не ест, не пьет. Лицо сделалось серым. Видать, страшна болезнь-то, коли врачи от операции отказались. Да и сам больной догадывался по сочувствующим лицам навещавших друзей и родных, что смерть у него за плечами. Но бывший фронтовик не сдавался. Крепился. Когда ему стало совсем плохо, жена снова увезла его в больницу. И там медицинский персонал на него, как на кандидата в покойники, махнул рукой. Пусть лежит. Одна бабушка, пенсионерка, работавшая санитаркой, пожалела инвалида войны. Видя, что помирает человек, подошла к нему и сказала: «Дай-ка я тебе, милок, напоследок-то клизму поставлю да помою тебя, чтобы умереть-то тебе чисто-му». От всей своей доброй души сделала ему клизму. Заставила потерпеть маленько. И тут из него весь спекшийся барий прорвало. Через полчаса он почувствовал облегчение. Температура пропала, и кишечник заработал. Через два часа он запросил кушать. А на другой день, когда жена приехала, заказал ей четвертинку водки. Врачи на него смотрели с недоумением, как на воскресшего. И, естественно, он через три дня выписался. А через месяц ему дали путевку из райсобеса, как инвалиду войны. «Сунулся он в больницу-то, – продолжала женщина, – взять карточку, чтобы заполнить са-

наторно-курортную карту. Всю больницу вверх дном перевернули, а его историю болезни так и не нашли. Говорят, что врачи-то всю свою позорную писанину выкинули со стыда. А в новую карту диагноз болезни написали с потолка. До сих пор тот «раковый больной» живет».

20.04.2000 г.

Алексей Егорович не доверяет женщинам

Бывшему леснику Проворову Алексею Егоровичу скоро стукнет 74 года. Но он выглядит моложе своих лет. Правда, седину никуда не спрячешь.

В наших краях проработал лесником более полувека. Начал еще в войну мальчишкой, после того, как отца-лесника взяли на фронт. Имеет награды: орден «Знак почета» и две медали – «Ветеран труда» и «За отвагу на пожаре». Семь лет назад у него умерла жена. Дети и внуки живут отдельно.

В солнечный зимний день шел я в свою деревню Новопокровское через поселок Сахарный дол, в котором он проживает с 1954 года, и по пути заглянул к нему.

Застал за обедом. Как не отнекивался, все равно приневолил меня сесть с ним «попить чайку».

Когда перекусили, зашли в переднюю комнату. Присели на кресла. Дом у него, как говорится, со всеми удобствами. Везде прибрано, чисто. В прихожей топились ОГВ.

Я поинтересовался: «Плохо тебе, наверно, одному?» – «Разве я один, – в шутку ответил он. – Вот две кошки, две собаки». – «Я имею в виду, без женщины!» – «Ну их, – услышал я в ответ. – Все они эгоистичные, думают только о себе». – «Откуда ты это взял?» – перебил я его. «Из жизни, –

произнес он и с улыбкой добавил: – Тут одна пришла ко мне и говорит: “Если есть у тебя на сберкнижке деньги, то я за тебя выйду замуж!” Еле выпроводил эту красавицу. А другая совсем недавно, увидев, что я убираюсь в комнатах, сказала: “Давай сходим в ЗАГС, распишемся, я потом приходишь к тебе буду сама убираться, но с тем условием, чтобы ты потом дом свой на меня подписал”»... . . .

К Алексею Егоровичу подошла огромная лохматая собака по кличке Мегги, тихо проскулила. «На улицу просится», – пояснил он. Встал. Дошел до прихожей и выпустил ее.

Служил Алексей в Морфлоте. Высокий, статный, темноволосый. Теперь напоминал он мне одного политического героя, который играл с артистом Анатолием Папановым в фильме «Холодное лето 53-го». Ссутулившийся, худощавый, с чуть заметными морщинками на лице. Добродушный. Он снова сел напротив меня и продолжил: «Пищу готовлю сам. Кой-чего постирать тоже в состоянии. И в комнатах прибраться раз в неделю для меня не проблема».

Что Алексей Егорович хозяйственный, я это сразу заметил, когда вошел во двор: снег вычищен. У сарая и бани ничего лишнего, кроме стопы распиленных и наколотых дров. Метла и деревянная лопата, которой он убирает снег, на месте. И я ему сказал: «Женские дела должна делать женщина». Тогда Проворов произнес: «Я уже тебе говорил, что нет у меня к ним никакого доверия. В каждой вижу 70% яда и 29,9% коварства». И он, с некоторым отступлением, пове-

дал мне еще про одну женщину. После того рассказанного им происшествия мне стало не по себе. Происходило это в военные годы.

Старый лесник Алексей Проворов.
Февраль 2003 г.

«Тогда в Кузнечихинском лесу, – начал Алексей Егорович, – где теперь находятся Мичуринские сады, с 1941 по 1945 год в больших землянках жили солдаты и офицеры. Их привозили туда для прохождения строевой службы и дляобретения навыков обращения с боевым оружием. Находились они здесь до шести месяцев. Через шесть месяцев их увози-

ли на фронт. И привозили других новичков.

Где стоит поселок Сахарный дол, в низине, рядом с первым озером (второго и третьего тогда и в помине не было) находилась баня, где мылись военные. Наверху, в лесу, были столовые для солдат и офицеров. В одной офицерской столовой работала посудомойкой молодая и красивая женщина. Жила она в Дубенках. А я с родителями при лесничестве на Щелоковском кордоне. Она всегда ходила мимо наших окон, и я любовался ей. Это был ангел во плоти. Да и не одному мне она нравилась. Многие восхищались ее красотой. И жалели, потому что была она одинокой. Двоих детей растила без мужа. Встречалась с мужчинами. Последний был офицер. Но люди рассуждали так: “Чужой дядя детям не отец, да и ей самой не потешка, а одна насмешка”. Много их. Каждый погуляет да бросит. А куда деваться? Молодость. Без любви жить скучно. Но... дети. При них не очень разгуляешься.

И вдруг у нее пропадает один ребенок. Соседи живо заинтересовались, мол, что-то не видать твоей младшенькой девочки. Молодая мама спокойно отвечала: “В деревню отравила”. Через неделю другой ребенок исчез. Окружающие люди всполошились. Но и на этот раз красавица с железным хладнокровием всем объясняла, что тоже увезла в деревню. Скоро привезет обратно.

Через некоторое время возле дома проходившие люди почувяли трупный запах. Приехала милиция. Женщину арестовали. Она призналась, что детей убила. Из мяса пекла пи-

рожки и съедала их с офицером. А кишки, кости и головы второпях зарывала у дома. Но, видимо, неглубоко, поэтому и появился запах.

Судил женщину-детоубийцу Ворошиловский районный народный суд (теперь это Приокский район). Вызывали офицера. Он не скрывал: «Да, действительно, я ел пирожки с каким-то странным мясом, похожим на медвежатину: мягким и нежным».

Говорят, что деревянные стены двухэтажного районного суда дрожали, когда жители рвались растерзать преступницу за жестокость, проявленную к своим детям.

Суд ей вынес высшую меру наказания».

Алексей Егорович тяжело вздохнул и проговорил: «Мне тогда было четырнадцать лет. И вот уже шестьдесят годов та молодая женщина не выходит из моей памяти.

Была у меня одна жена, сорок лет с ней прожили. Теперь мне никакой не надо».

03.03.2003 г.

Целый год на своих ногах ходил, как на протезах

Это было в начале 60-х годов прошлого столетия.

В то время наш колхоз «Победа бедноты» уже соединили с кузнецихинским для укрупнения, и носил он новое название – «Имени 22 съезда КПСС». Колхоз строился, рос, креп. В нем находились теплица, угольная кочегарка, свинарник, птицеферма, животноводческая ферма, силосная башня, складские помещения. Деревни окружали широкие поля с лугами.

Я работал грузчиком на грузовой автомашине. Возили с клинкерного Афонинского завода кирпич, осенью картошку, огурцы, морковь, капусту, зимой с Артемовских лугов сено. Ездили в Горький на пилорамы за опилками для подстилки коровам и свиньям.

Но однажды зимой для строительства понадобились бревна, и нас (три грузовых автомашины) послали за Волгу за лесом.

Как сейчас помню, выехали мы в 9 утра, но, поскольку дорога была занесена снегом, часто буксовали и прибыли на место лишь к 12 часам дня.

Бревна были заранее заготовлены, и мы бы за короткое время загрузились, но поднялась вьюга, и наша работа затя-

нулась. Вторую машину догружали в темноте с включенными фарами. Третью оставили до утра.

Километрах в трех от нас стояла деревушка. Шоферы и грузчики решили идти туда на ночевку и там поужинать. Мы с собой прихватили выпить и закусить. Поутру заодно надо было сходить к председателю колхоза и попросить у него трактор, чтобы выбраться нам из заснеженного леса.

Я категорически отказался идти в деревню. Сказал, что в кабине машины переночую. На меня мужики посмотрели с удивлением и сказали: «Если волков и медведей не боишься, то оставайся в лесу один». Я раньше работал в геолого-разведывательной партии в Семеновском краю, и лес для меня стал родной стихией.

Мужики мне оставили бутылку водки, кусок сала, пару соленых огурцов, луковицу и четвертинку хлеба. И ушли. Выпив стакан водки и закусив, я прилег на шоферское сиденье, подогнув под себя ноги, и заснул, как убитый. Проснулся от неудобного лежания. Приподнялся, вытянул ноги и почувствовал, что они у меня от ступни до колена омертвели: то ли от переохлаждения, то ли от того, что спал в неудобном положении. Подумал: утром разомнусь, все пройдет.

Метель закончилась. На небе выпали звезды. Начало морозить. Я с вечера был вспотевший, теперь меня донимал холод. Нашупав в углу кабины начатую бутылку водки, выпил из нее еще полстакана и, накрывшись телогрейкой, повернулся на другой бок и опять заснул.

Утром разбудил меня гвалт мужиков. Подъехал гусеничный трактор, который стал чистить дорогу.

Хоть утро выдалось солнечным, но я вылез из кабины расстроенный. Ходил, как на протезах. А мне надо работать. И я, стиснув зубы, начал опять с мужиками таскать бревна и грузить их на машину.

Закончив с погрузкой, мы по расчищенной дороге тронулись в обратный путь. Я надеялся, что в кабине мне станет лучше, но в ней, наоборот, когда я сидел, у меня было такое ощущение, как будто кровь не поступала в ноги, а пальцы дергало словно током. Это для меня была кара Господня. Я не знал, куда себя деть. Шофер, заметив мое беспокойное поведение, спросил: «Что случилось с тобой?» Когда я ему рассказал, он мне такого наговорил, что я был не рад, что поделился с ним всем этим.

В первую очередь он мне посоветовал обратиться к врачу. И сказал, что меня незамедлительно положат в больницу, будут ногам делать массаж и уколы. Потом добавил: «Надо отнестись к этому серьезно, чтобы избежать каких-либо последствий».

Подъехав к недостроенному зданию, мы возле него разгрузили машины, и я пошел домой. Со своего шофера взял слово, чтобы он никому не рассказывал, что со мной случилось.

Ни в какую поликлинику я, конечно, не пошел, потому что она и больница находились в Кстове, в 15 км от нашей

деревни. Да и вообще, по докторам ходить – не мое дело. И в дальнейшем продолжал выполнять все тяжелые работы, как и прежде.

И только через год мои ноги стали приходить в нормальное состояние. Но в пальцах ног дерганье прекратилось лишь лет через пять.

Жила такая женщина

Евстигнеева Жанна Васильевна, 1936 года рождения, приехала из города Кологрива Ивановской области в Зеленый город в начале 60-х. Первое время работала секретарем у директора дома отдыха «Звезда», а затем до пенсии – в доме отдыха «Красное Сормово» библиотекарем. Она родилась в интеллигентной семье. Предки ее до революции жили зажиточно. У Жанны на столе стоял серебряный самовар. На полке в углу привлекали к себе внимание старинные иконы в дорогих окладах. Это были остатки роскоши далекого прошлого.

Молодая, с большими голубыми глазами и с пышными, светлыми волосами, она многих мужчин привлекала собой, но замуж так и не вышла до конца своих дней.

Женщиной была необычной. Колец и серег не носила. Мяса не ела. Рядом с сараем у нее был маленький огородик, и она всегда копалась в нем. В парниках сажала огурцы и помидоры. Но, поскольку почва там песчаная и неудобренная, а света из-за высоких сосен и елей мало, огурцы появлялись только к сентябрю. А какой урожай может вырасти в это время года, когда природа начинает увядать? Но она трем-пяти огурцам, выращенным ею самой, радовалась, как ребенок. Всем соседям с восхищением показывала, какой она сказоч-

ный собрала урожай, бережно неся его в ладонях.

В своей комнатке 9,5 метров держала двух собачек. Бывало, заболит она сама, так и собачки от переживания за нее тоже заболели. Она за их здоровье беспокоилась больше, чем за свое. Лечила их разными таблетками, примочками, растираниями.

Когда заканчивался сезон пионерских лагерей, кошки от туда бежали к ее сараю. Птицы тоже прилетали туда. И всех она кормила. Жанна Васильевна женщиной была чисто плотной. Одна, без посторонней помощи, построила себе баньку и парилась в ней.

Пенсию она получала небольшую. Ей с питомцами часто ее не хватало. И она летом вынуждена была бродить с ними по лесу. Искала грибы и ягоды. Маленькие грибки не срывала, а замечала место и ждала день-другой, пока они подрастут.

Человеком она была очень скромным и доброжелательным. Всех называла только на «вы» и по имени-отчеству. Мать свою тоже называла на «вы».

Четыре года назад Жанна Васильевна серьезно заболела. Ее соседи и родная сестра, проживающая в Нижнем Новгороде, советовали ей лечь в больницу, но она категорически отказалась, заявив, что не оставит своих собачек. Видимо, никого не хотела ими обременять. И так случилось трижды.

В начале весны сестра ее все-таки увезла вместе с подопечными к себе на квартиру. Недели через две она умерла.

Пока была жива, казалось уж не такой худой. На смертном же одре выглядела настоящей старухой. Бывшие соседи плакали о ней и молились за нее. И радовались, что она умерла на второй день Пасхи. В такой день умереть – для верующих многое значит. «Она этого заслужила», – говорили они.

Собачки места не находили без нее. Долго тосковали.

Тарзан

Кто не помнит «тарзаньи фильмы?» В них Тарзана играл актер Джон Вайсмюллер.

Родился Джон Вайсмюллер в Пенсильвании, в рабочей семье австрийских переселенцев. Детство провел в Чикаго, где рано лишился отца, работавшего на пивоваренном заводе. В восьмом классе Джон был вынужден бросить школу и пойти работать. Был лифтером, мальчиком на побегушках в спортивном клубе. Кроме всего прочего, он занимался плаванием. Рослого и выносливого паренька, легко обгонявшего в заплывах на озере Мичиган своих сверстников, заметил тренер Бахрах, и уже через два года 17-летний Джон впервые побил мировой рекорд.

Перед тем как впервые сняться в роли Тарзана в 1930 году, Вайсмюллер был уже знаменитым спортсменом-пловцом. Он 67 раз обновлял мировые рекорды. На олимпиадах 1924 и 1928 годов завоевал 5 золотых медалей. Тарзана играли в Голливуде и до и после Вайсмюллера, но лучшими признаны ленты, где выступал этот своеобразный актер. Все сцены он играл сам, без помощи дублеров: и прыжки по деревьям и лианам, и борьбу с крокодилами, и впечатляющие сцены скоростного плавания. В «тарзаньих фильмах» он играл до 1949 года. К тому времени 45-летний Вайсмюллер уже

не устраивал продюсеров. Роль Тарзана отдали другому актеру – Пексу. Вайсмюллер стал играть в других картинах, но уже роли его были незаметны. Пытался делать свои картины, но они тоже ему успеха не принесли. Он сам признавался, что продюсера-бизнесмена из него не получилось. Актер залез в долги и постепенно совсем обеднел.

В 60-х годах он работал швейцаром в казино Лас-Вегаса. Затем у него случилось несколько серьезных приступов, и Вайсмюллер попал в голливудскую больницу для бедных актеров. Оттуда его буквально выжили – придрались к тому, что старый актер оригинальным способом протестовал против тамошних порядков – «кричал по ночам Тарзаном». Снискавший широкую популярность исполнением роли Тарзана в 18 кинофильмах, последние годы жизни Джон Вайсмюллер провел в Мексике. Он умер 20 января 1984 года в возрасте 79 лет в домике неподалеку от Акапулько, совсем рядом с озером, на берегу которого много лет назад в последний раз снимался в роли Тарзана.

из газеты

Суматошные дни молодости

Стояла погожая весна, где-то середина мая. Тогда я работал на заводе им. В.И. Ульянова. В гальванике. Помню, меня попросила начальница после смены остаться во вторую смену, оцинковать срочные детали. Никакие мои объяснения не убедили ее, да она и слушать не хотела, что мы с женой после работы (а был последний день рабочей недели) договорились идти в деревню, теще помочь на огороде, и она меня с ребенком дома будет ждать. Пришлось остаться. Свою заказную работу я выполнил засветло, часов в 9 вечера. Надеюсь, что меня дома все еще ждут, переоделся, быстро подошел к остановке, стал ждать транспорт. Но, как нарочно, ни автобуса, ни троллейбуса не было. Простоял около часа и уже потерял всякую надежду, чтобы уехать, но вдруг около меня остановился пустой троллейбус. Открылись двери. Я с радостью в него вошел. Немного отъехав от остановки, приготовился заплатить за проезд. Подошел к кабине. Там сидела девушка. Спросила меня: «Куда едете?» – «В третий микрорайон», – ответил я. «Поехали со мной!» – «Вы мне говорите?» – «Кому же!» – «Нет, дорогая, меня дома ждут!» – «Знала бы, не останавливала», – услышал я упрек в свой адрес. «Пожалуйста, могу сойти». – «Да ладно уж, мне все равно ехать в депю». Слез на площади Советской. Пришлось немного прой-

тись. Уже загорелись огни. Недалеко от своего дома еще две таких же попались. Обе в легоньких платьицах. Одна темненькая, небольшого росточка, с красивыми огромными глазами. Другая – высокая блондинка. Напевали в то время модную песню: «Где ты? Мне теперь все равно. С кем ты? Теперь все равно». Обе навеселе. Они стояли как раз у столба, на котором горела лампочка, и я хорошо смог их разглядеть. «Дяденька, дай спичку!» – обратились они ко мне в один голос. «Она у меня...» – хотел я ответить шуткой. Но, видя у них по сигаретке в пальчиках, со всей откровенностью ответил: «Извините, некурящий. И спичек нет». Торопливо проходя мимо них, я услышал сзади себя: «Жадина!» Я повернулся и сказал: «Красавицы, вы меня ни за что оскорбили!» – «А вам жалко спички, да?» Я повернулся в сторону своего дома и сказал им: «Вон в том доме моя квартира, и если вам дотуда дойти не лень, то пойдёмте, я вам их вынесу». Они, усмехнувшись, добродушно пошли. «А где окна вашей квартиры?» – начали допытываться они у меня. Я посмотрел на свои окна, увидел, что в них не горит свет, и с досадой проговорил: «Опоздал!» – «Кто опоздал?» – подхватили мои спутницы. «Да в деревню хотел вместе с женой и дочкой сходить, да опоздал». – «Эхма, а где ваша деревня?» – весело продолжали они свой допрос. Увидев у своего подъезда завсегда-так, я прошептал своим «подругам»: «Кончайте базар, видите у подъезда бабы ушки наострили топориком. Стойте здесь, я вам сейчас вынесу эти самые спички». – «И мы с вами!» –

«Куда? За спичками?» – «А что, нельзя, да?» – «Мама моя родная, вы, как маленькие дети. Да пойдемте же!» Чувствовалось, что этим женщинам (да вообще-то какие они были женщины – девчонки лет по 22-25) хотелось активно отдохнуть. Открыл квартиру, включил свет. Действительно, никого нет. Значит, ушли в деревню. «Вот, девчонки, вам спички». – «А мы покурим у вас?» Меня смех разобрал. Говорю: «Ну вы даете! Курите, но я вашу компанию не поддержу. Я же с работы. Жрать хочу, как волк. Перекушу, побегу в деревню! Она тут недалеко!» Пока на кухню отошел, слышу, они во всю мочь включили магнитофон:

«Ах, какая драма, пиковая дама,
Всю ты жизнь испортила мою».

Я уже начал нервничать. Иду с кухни, говорю: «Под окном подумают, что мы тут пир устраиваем». Красивенькая мне навстречу, улыбается: «А я знаю, кто это поет – Аркадий Северный!» Посмотрел в ее большие коричневые глаза и весь гнев пропал. Говорю: «Ну, крутите, только сделайте потише!» – «Да мы сейчас уйдем», – проговорили они. И вскоре ушли. Посмотрел в окно – они даже не обернулись. Обиделись, наверно. Сплетницы, видимо, того и ждали – встали и тоже пошли по своим квартирам.

Пока я перекусывал да после своих «гостей» пол подтирал, много прошло времени. Было 12 часов ночи. Какая де-

ревня в такое позднее время! Да еще усталость навалилась. Разделся и лег спать. Долго ворочался с боку на бок. Думал: женщин прогнал, а в деревню не пошел. Представились большие глаза темноволосой красавицы. И начал было засыпать, как послышался звонок в дверь. Открываю. Передо мной стоит сама, о которой только что думал. «Извините. А можно вас на минуту?» – «Хоть на две. А в чем дело?» – «Да вот моей подруге надо домой уехать, а транспорт уже никакой не ходит. Отвезти на такси у нас денег нет, да и боимся мы одни. Я сама здесь недалеко живу, но она у меня не хочет ночевать, потому что живет у свекрови. Боится скандала. Вот помочь бы ей надо». – «Ну надо, так надо». Оделся. Вышли. Торопливо захлопнул дверь. «Ух ты, ключи забыл. Замок-то английский. Теперь мне в квартиру не попасть». Говорю: «У меня сегодня весь день какой-то суматошный». – «А у меня они всегда суматошные», – проговорила моя спутница. «А где твоя закадычная?» – «Вон там, у соседнего дома. Под акацией, на скамеечке». Подошли к ней. Она уже в кофточке с сумкой в руках. Встала. Шатается. «Так вы еще, что ли, добавили?» – «Немного». – «Ну, подруги, с вами не соскучишься». – «А мы и вам оставили». Вытаскивает бутылку «Столичной». В ней половина. «Нет. Спасибо. Вот уже целый год не пью и не курю, и вам завязать это дело советую». – «А вы что, болеете, да?» – «Как вам сказать? Если это можно назвать болезнью, то да. Вот вы еще лет так несколько “попраздничаете” таким образом, то и вы запросто заболете та-

кой хворью». – «А-а-а... Тогда оставим мою “золотуленьку” на завтрашнее похмелье», – сказала блондинка и сунула бутылку в сумку, напиханную еще чем-то доверху. Быстренько дошли до площади Советской. Нас окликнул шофер: «Вам, случайно, не на площадь Свободы?» – «Нет, до хлебозавода № 11». – «Садитесь, довезу!»

В машине сидела и нервничала женщина. Спешила в аэропорт. Мы сели в такси и минут через десять были у дома, где жила блондинка. Обрато мы со своей «ненаглядной» возвращались пешком. Мне показалось, что она больше опьянела, потому что стала словоохотливее. Свой разговор начала с того, как их зовут: ее – Лариса, подругу – Оля. Рассказала, что у нее есть ребенок, что ему 2 годика и что с ним сейчас находится ее мать. А потом она убеждала меня, что они ни какие-нибудь тунеядки, а работают в столовой, и что, хоть зарплата у них небольшая, зато каждый день у них всякой всячины полно остается. «Во!» – она показала выше головы: и мяса, и масла, и крупы. «Я сразу понял, что вы богачки!» – «Шутить изволите?!» – «Никак нет!» – «У Оли видел сумку битком набитую». Я не знаю, рассчитывала ли Лариса на мою любовь с ней в этот раз, но, рассказывая о чем-то, она, как бы в шутку, то и дело прижималась ко мне. И я понимал, что мне нужно было взять ее под руку или даже, не стесняясь, идти в обнимку, потому что стало прохладнее. При неторопливой ходьбе мы с ней обо всем наговорились. Но только не о любви. Может, потому меня сдерживало, что я был женатый.

Честно сказать, она мне понравилась. От нее пахло парным молоком и еще чем-то приятным, как будто черемухой или сиренью, несмотря на то, что она немало приняла алкоголя. Приятные запахи отбивали вино, курила она редко, больше баловалась. Когда мы подошли к ее дому, она попросилась зайти на минутку в свою квартиру. А когда вернулась ко мне, за ней следом вышла с ворчанием мать. Было уже три часа ночи. Чмокнув меня в щечку, она проговорила: «До завтра!» Но... «завтра» я был в деревне. Копал грядки и встретил ее только спустя пять лет.

Однажды августовским воскресным днем, поссорившись с женой, я пошел к другу. Пройдя некоторое расстояние, недалеко от дороги, в открытом окне первого этажа я увидел молодую женщину. И стал ей объяснять, что пять лет назад здесь жила Лариса! Лариса смотрела на меня провалившимися, выцветшими глазами и улыбалась. «Счастливый вы человек, – сказала она. – Только сейчас вышел мой друг». – «Куда?» – «За вином». Зашел в квартиру, закрылись. И я не выдержал, обнял ее и обцеловал – и глаза, и шею, и нос, и щеки. Вернувшись, ее друг начал звонить, стучать по двери, а мы целовались за дверью, заключив друг друга в крепкие объятия. Я целовал Ларису пятилетней давности – ту свежую, красивую, здоровую, от которой пахло парным молоком и еще какими-то пряностями, а эта Лариса была насквозь пропитана куревом и винным перегаром. Слава Богу, что она не догадалась, что у меня желание к ней, как

к женщине, быстро пропало. Мы открыли дверь ее другу. Вошел высокий, симпатичный молодой человек со словами: «Ты уснула, что ли?» А увидев меня, произнес: «О! Тут еще один!» Он принес две бутылки водки. На прощанье я успел спросить: «Где мальчик?» – «С матерью в другой квартире. Скоро пойдет учиться в первый класс». – «Работаешь ли?» – «Нет. Уже давно». Ответ был ясен.

Для любимой девочки и новогоднего гостинца не жалко

В нашу семилетнюю школу деревни Новопокровское с пятого класса начали ходить учиться ребята из других близлежащих деревень: Утечино, Анкудиново и Афонино. Время было послевоенное, голодное и холодное. И несмотря на это администрация школы каждый год справляла Новогоднюю елку. Украшали ее разноцветными самодельными игрушками. Но гостинцы нам вручали настоящие, купленные в городе: печенье, конфеты (леденцы), пряники. Пусть в пакете их было немного, но детская душа была и тому рада.

Я почти всегда своим новогодним гостинцем делился с товарищами. Мать меня бранила за это. Говорила, чтобы я сам ел.

В шестом классе мы справляли елку вместе с учениками из деревни Афонино. В конце того праздника ко мне и к моим друзьям Витьке и Кольке Ганиным подошли три афонинские девочки и попросили нас проводить их до своей деревни. Мы согласились. Сначала шли вместе. Весело шутили, делились впечатлениями о проведенном Новогоднем вечере. Затем, когда зашли за деревню, Витька и Колька (они были старше меня на год и выше на полголовы) стали договариваться: кому с какой девочкой идти на пару. По их мнению,

мне должна достаться самая маленькая. Подошли к девочкам, но не тут-то было. Девочки уже распределили нас между собой. Самая высокая и красивая досталась мне. Она меня взяла за руку, и нежное тепло ее ладони жарко вспыхнуло в моем сердце. По небу гулял молодой месяц. Под ногами поскрипывал снежок. Пощипывал уши морозец, а я шел пальто нараспашку. Мне сразу тогда показалось, что на улице не январь, а май. И под ногами вовсе не снег, а цвет черемухи. Я в то время почувствовал себя наисчастливейшим человеком. Достал из кармана гостинец и стал угощать свою девочку.

На другой день утром меня мать спросила: «Опять не воспользовался своим гостинцем?» Тут я вспомнил, что на лугу нам встретила женщина, которая долго наблюдала за нами, а потом все до мельчайших подробностей рассказала моей матери: и как я шел за ручку со своей девочкой, и как угощал ее конфетами и пряниками.

Мать тогда мне сказала: «Девочка у тебя хорошая, но ты еще мал, чтобы думать о невестах».

Я был не согласен с мамой. Та девочка так всколыхнула мои чувства, что я написал ей длинное стихотворение. Вот две строки из него:

Красива ты, как нежная фиалка.
Повсюду снег, а мне с тобою жарко.

Та девочка приоткрыла мне завесу к тайне любви.

Меня однажды за террориста приняли

Зимой темнеет рано. И я всегда на прогулку в зимнее время стараюсь выйти засветло, чтобы успеть покормить синиц.

Позапрошлой зимой я также вышел из дома, прихватив с собой подсолнечных семечек и крошек от зачерствелого батона, и направился в березовую аллею. Это место между школой и стадионом. Там всегда бывает много синиц. Но на этот раз их не оказалось.

Прогуливаясь между берез, я видел, как за горизонт начало заходить солнце, а через некоторое время на небе стали появляться первые звездочки. Над стадионом включили освещение. И я решил семечки и крошки высыпать из кармана, но не на снег, а на крышку колодца теплотрассы у гаража по другую сторону школы, чтобы птицы могли воспользоваться этой пищей прямо с утра.

Только забрался на колодец и стал вынимать свое содержимое из кармана, как увидел в шагах семидесяти от меня молодую женщину, везущую в коляске ребенка. Я заторопился. Неудобно ж все-таки, глядя на ночь, таким вот образом о птицах заботиться. Но напрасен был мой конфуз. Когда взглянул еще раз в ту сторону, женщины с коляской уже и в помине не было.

Вернувшись на березовую аллею, я снова стал прогуливаться по ней. И вдруг заметил, что ко мне приближается женщина – сторож школы, внимательно вглядываясь в мое лицо. Я понял, что ей доложила обо мне молодая мама. Сторожиха поговорила со мной совершенно о чем-то постороннем и, убедившись, что я не террорист, удалилась.

Тогда по телевизору шла передача, где настойчиво доказывали, что у нас, россиян, с советского времени ни сексотов, ни гласных надсмотрщиков теперь нет, и террористы могут гулять по нашей стране, где угодно. Я благодарю Бога, что они ошиблись. Враг нас не застанет врасплох, наши люди, так же как и при советской власти, всегда настороже. Я в этом убедился.

Был такой случай

Летом 2001 года мы с сормовским поэтом Александром Колесовым договорились съездить в Дивеево, приложиться к святым мощам Серафима Саровского и искупаться в его источнике. Тогда очереди за билетами на автобус были большие, и я купил их заранее, недели за две. На автобусную станцию приехать в день отъезда условились на час раньше, чтобы спокойно сесть на свои места и уехать.

Но когда я прибыл на автостанцию, его не нашел ни в самом здании автостанции, ни на том месте, откуда отправлялся наш автобус. Подождал немного. Он все не появлялся. Стояла жара. Я позвонил на квартиру, но и по телефону никто не отвечал.

Оставалось 20 минут до отправления. Разнервничавшись, я пошел и сдал Сашин билет. Когда подошел к автобусу, увидел его. Спросил: «Ты почему запаздываешь?» Он ответил: «Я здесь уже целый час сижу!» – «Где, – спрашиваю, – ты сидел?» – «Вон там, в тенечке». Он сидел на лавочке под табличкой с расписанием движения совершенно другого автобуса. Пришлось брать новый билет. Я начал высказывать ему, что хотелось спокойно чувствовать себя при отъезде, ведь едем-то мы на святые места, а вот пришлось испытать досаду.

Неподалеку от нас сидела пожилая женщина. Она, услышав весь наш разговор, проговорила: «Ну и что, что вы едете к святым местам. Дьявол и в этих случаях не дремлет».

«Юмористы»

Сын моей тещи однажды летним воскресным утром вернулся с рыбалки пьянющий, по пояс мокрый. Пробормотал жене, что чуть в озере не утонул. Жена с оханьем, аханьем раздела его и уложила на диван. Весь день он на нем проспал. Вечером проснулся и пошел к своей матери, моей теще то есть, просить денег на похмелье. Идет, голову ломает, что на этот раз наговорить ей, с чего начинать, чтобы она сжалилась над ним и дала ему, ну, хотя бы на четверок.

Дорогой он услышал, что у его друга-собутыльника, который живет рядом с тещей, квартира сгорела от его собственного окурка. Сам друг чудом остался живым. Тут моего шурина осенила мысль. Вот сейчас он и спросит у матери денег, якобы для друга-погорельца. Мол, помочь надо! А сам купит вина и с ним выпьют. Пришел к матери и говорит: «Мама, мой друг Лешка сгорел...» – «Нет, сынок, – не дала договорить ему мать, – такие, как ты да твой друг Лешка, ни в воде не тонут, ни в огне не горят!»

У тещиноного внука огород находится в низине, поэтому копка у него из-за сырости всегда задерживается. Прошлой весной теща говорит сыну: «Сходил бы ты к племяннику своему, помог огород докопать!» – «Чего там осталось копать-то – раз плюнуть!» – ответил он ей. «Не вздумай плевать, – пре-

дупредила теща, – там и так сыро!»

А это высказывание трехлетнего тещиною правнука: «Бабуль, я не люблю кашу с ноготками (это он имел в виду овсяную кашу), свари мне лучше яйцо со снегом (глазунью то есть)».

Однажды его бабушка ногу наколола. Стала хромать. Он подошел к ней и говорит: «Бабуля, у тебя ножка болит? Тебе ходить трудно? А ты ползком, на коленках. Так не будет больно!»

За это его приняли в коммунисты

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Эту ленинскую формулировку я читал не только в книгах, но и на улицах нашего города на рекламных щитах. И свято верил этим словам. Когда мне предлагали стать коммунистом, я говорил: «Коммунистом должен быть кристально чистый человек, а я таковым себя не считаю. И не достоин носить это высокое звание». И приводил примеры из кинофильмов о Павке Корчагине, о молодогвардейцах, о бойцах Великой Отечественной войны. Конечно, я знал в жизни коммунистов-негодяев, которые за счет партии занимали посты и транжирили государственные деньги. Но считал, что таких было мало. Обычно в коммунисты принимали заслуженных людей.

Но бывали случаи и такие. В один прекрасный день я встретил мужика лет 50-ти, из дальнего района нашей области. Он мне рассказал, при каких обстоятельствах его приняли в члены КПСС.

«Это было осенью, – начал он. – Я пас телят на лугу. Погода тогда стояла солнечная, теплая. Отава была сочная. Ее телята с удовольствием щипали. Я спокойно прилег на тра-

ву, подстелив под себя телогрейку, и сладко заснул. Рядом с лугом находилось поле, на котором взошли уже озимые. Они тоже были молодые, сочные. Пока я спал, телята перешли на поле и наелись их. А они, оказывается, были протравленные химикатами. И половина моих телят сдохли. Хошь верь, хошь не верь, – с серьезным видом продолжал рассказывать мужик, – вызывает меня к себе в контору председатель колхоза и говорит: “Ну что, голубчик, с тобой делать? Сажать в тюрьму за нанесенный вред социалистическому хозяйству? Ты знаешь, сколько припаяют тебе за это? Не менее пятерика! Да и три года дадут – сладко не покажется. Единственно, как правильно выйти тебе из этого положения – вступить в партию. Согласен с моим мнением?” И, не дожидаясь моего согласия, председатель колхоза дал мне листок бумаги, ручку и стал диктовать, как писать заявление о вступлении в члены КПСС.

С той поры я стал коммунистом», – закончил свой разговор сельский мужик.

Бог шельму метит

Этот случай произошел осенью 1943 года. Рассказал мне его старый лесник Проворов Алексей Егорович.

Недалеко от Канавинского рынка города Горького один бандит выследил в закоулке беременную женщину и, наставив наган, начал вымогать у нее деньги. Но поскольку денег оказалось мало, он стал снимать с нее пальто. На улице было холодно. Молодая женщина упала на колени и пыталась умолить грабителя, чтобы он не делал этого, потому что до дома ехать далеко, и она может простудиться и загубить еще не появившегося на свет младенца. Но преступник был непреклонен. Стащив с нее пальто, быстро свернул его и сунул в широченную сумку. Тогда несчастная женщина, дрожащая от холода и страха, заплакала и уже безнадежно проговорила: «Дайте мне хоть вашу телогрейку, она же все равно у вас старая». Бандит, криво усмехнувшись, снял с себя телогрейку, кинул ее потерпевшей и убежал.

Приехав домой, женщина обнаружила в грудном кармане телогрейки милицейское удостоверение на имя старшего лейтенанта Кесарева. Поехала на улицу Воробьева – Главное управление внутренних дел – и там сообщила о случившемся.

Старший лейтенант Кесарев (нерусской национальности)

вместо буквы «Г» произносил «К», вместо «Д» – «Т», а вместо «Б» – «П». Был участковым в Дубенках и близстоящих бараках, и потому частенько под хмельком напевал самим сочиненную песенку: «Кте Тупенки, кте па-раки – там служу я Кесарем!».

После этого случая люди больше не слышали такой песенки и никогда не видели этого человека.

Когда приехали его арестовывать, он валялся на полу мертвый. Видно, вспомнил, что в телогрейке оставил свое удостоверение. И застрелился.

Фамилия милицейского работника изменена

Слово о бывшем воре-медвежатнике

«От людской подлости
не убережешься»

Ф.М. Достоевский

Мне рассказал о бывшем воре-медвежатнике один пожилой мужчина еще несколько лет тому назад, когда существовала советская власть. У нас с ним рядом находились садовые участки, и мы изредка навещали друг друга. Звали его Федором Поликарповичем Тюкаевым.

Однажды он у меня увидел изломанный старинный замок, взял его с собой и на другой день принес отремонтированным. Когда я начал восхищаться его мастерством, он мне поведал, от кого так нахватался починять замки. Я слушал его внимательно. Потом записал.

«На судоремонтном заводе города Баку Азербайджанской ССР, при управлении Каспийско-Нефтепромыслового флота, – начал рассказывать Федор Поликарпович, – наше морское судно стояло на ремонте. Я там работал механиком. Было мне в ту пору 23 года. На этом же заводе работал слесарем-инструментальщиком Иван Сидорович Иванов, лет пятидесяти пяти, который при знакомстве с другими попросту

представлялся дядей Ваней. Семьи он не имел. Некоторый раз и ночевал у себя в мастерской.

Как я с ним познакомился?

Один раз старший механик судна дал мне изломанный норвежский замок, чтобы я его отремонтировал. Три дня я с ним возился и все понапрасну. Не поддавался он ремонту. Я уж было хотел вернуть его хозяину изломанным. Но тут мне один рабочий посоветовал: “Ты отнеси его дяде Ване”. Я заинтересовался: “Кто такой дядя Ваня?” На это мне мужчина ответил: “Он тут недалеко в слесарной мастерской работает Там с ним и познакомишься”. Замок был не висячий, а внутренний. Пришел я к дяде Ване в мастерскую без всякой надежды, что он его починит, потому что сам с ним намучился.

Дядя Ваня был невысокого роста. Мрачноватый. Ходил, опустив голову вниз. Повертел он в руках мой замок. Даже не разбирая, сказал: «Детали в нем сложные, но я почию его к утру».

Я потом узнал, что он бывший вор-медвежатник. Половину своей жизни провел в тюрьме. Но мне не верилось, что этот человек был когда-то преступником, потому что уж очень мягким, справедливым и человечным он был. Даже каким-то застенчивым.

На другое утро зашел я к нему в мастерскую, а у него на верстаке уже лежал отремонтированный мой норвежский замок и три новых ключа к нему. Я поблагодарил его и дал ему бутылку водки, как договаривались. К дяде Ване через во-

енизированную охрану, которая охраняла наш судоремонтный завод, обращались за помощью, как к мастеру слесарных работ многие, в том числе и начальники других заводов. Когда к нему приносили сейф, который не открывался, он всегда просил всех выйти из мастерской, чтобы никто не мешал ему. Однажды я упросил его, чтобы я остался. Хотелось посмотреть, как он с ним работает. И был изумлен его отношением к железному ящику. Он с ним разговаривал, как с живым. Наклонившись, одной рукой обнял его, другой, сунув отмычку в замочную скважину, осторожно там нащупывал что-то и в это время тихо и ласково произносил: «Не подведи, дружок, умоляю тебя, откройся, пожалуйста». Сам был весь в напряжении. По лицу тек пот. Через минуту смотрю – о чудо! – сейф и вправду открылся. Дядя Ваня замок поправил. Новые ключи к нему сделал. Хозяин этого сейфа вместо одной бутылки водки притащил ему целый ящик, потому что в нем, кроме денег, находились еще ценные документы. При вскрытии сейфов дядя Ваня никаких ударов не производил и никаких вмятин и царапин на нем не оставлял. Действовал только отмычками и шептал, шептал что-то, как ворожей.

Один сейф, в котором находилась огромная сумма денег, хотели вскрывать с помощью автогена, потому что не надеялись, что дядя Ваня откроет, но он его открыл, всем на удивление, очень быстро. У него под рукой всегда был его личный инструмент, только ему необходимый. И он знал, какую отмычку надо применять к тому или иному сейфу.

К нему часто приезжали за помощью работники милиции. Также ему не давали покоя и воры-рецидивисты. Они знали его как незаменимого профессионала-медвежатника, который за несколько минут откроет любой сейф, и надеялись, что со временем он вольется в их шайку. Но проходил год, другой, а дядя Ваня и не думал к ним переходить. Только с горечью говорил: «И чего они от меня хотят? Я уж немолодой».

Жил он недалеко от завода в маленькой комнате. В ней была кроватка, стол и табурет. В один из дней дядя Ваня не вышел на работу, а мне нужно было сделать очень важное дело. Я уже к нему настолько привык, что шел по любому поводу. Ведь он совершенно бескорыстно меня натаскивал тайнам своего ремесла. Когда мы с товарищем пришли к нему в комнату, он лежал на полу мертвый. Сработали четко. Убийцу не нашли. А кто будет искать? Кому нужен был дядя Ваня мертвый, притом в прошлом вор в законе?».

На этой печальной ноте и закончил свой короткий рассказ Федор Поликарпович.

Пуд соли

Как-то раз старик купил в городе пуд соли. Ссыпал ее в мешок и, легко взвалив себе на спину, подумал: «А все-таки тут пуда-то нет. Обманули, каналы!». И пошел неудовлетворенный. Шел, шел старик, устал. До деревни еще далеко. Решил передохнуть. Отошел от дороги, присел на траву. Мешок рядом поставил. Вынул кисет с махоркой. Закурил, сладко затягиваясь и подозрительно поглядывая на свой мешок. Через некоторое время снова взвалил свой груз на себя. И тут ему показалось, что мешок-то стал тяжелее. «Пожалуй, тут пуд будет», – обрадованно подумал он. С его лица стал катиться пот градом, он смахивал его, улыбаясь. Сейчас он твердо был уверен, что на его спине соли не один пуд, а все два. «И как это я их одурачил?» – ухмылялся про себя старик. С каждым шагом тяжесть становилась на его спине все несусветнее. Домой еле притащился. С порога сказал супруге своей: «Обманул я продавцов-то пуда на три!». – «Батюшки мои! – воскликнула старуха. – Что ты, старый, с ума, что ли, спятил, на свою душу грех такой брать». – «Я бы их, баба, не обдурачил, если б мой путь был коротким», – с серьезным видом устало ответил старик.

Мне эту притчу рассказывала мать еще в юности.

Подкармливать птиц – природе польза и себе удовольствие

Когда-то я держал птиц в квартире. Недавно зимним днем, увидев, как жена с удивительным интересом смотрит на синиц и воробьев через окно, сказал: «Не купить ли нам опять каких-нибудь попугайчиков или канареек?» На что она ответила: «А разве нам этих недостаточно?» – и кивнула на кормушку. Действительно, за окном шумел птичий базар. От нашего дома в десяти метрах – березовые посадки, и нам очень интересно наблюдать, как птицы пикируют с высокой березы на подоконник, где находится их кормушка. Это у нас стало как бы нормой жизни. Так привыкли, что сами за стол не сядем, пока не насыплем в кормушку хлебных крошек для воробьев и не привяжем на ниточку салца для синичек.

Я заметил: если воробьи проголодались, да еще за окошком мороз, они ранним утром, словно заняв очередь, сидят на пустой кормушке. Ждут. Насыпаешь им корму, а они, кто посмелее, уже клюют. Другие порхают над кормушкой. Третьи на ветках берез тоже приготовились, как на старте. Через минутумотришь – у них «куча мала». Головы вниз и молча, кажется, забыв про свою безопасность, клюют – не наклюются. Если какому-то воробью не находится места, он шлепает прямо по головам и спинам своих друзей. Не протиснулся –

отгоняет синицу от сала и сам начинает его клевать. Синица обиженно пищит, но... сдается и улетает. А когда птицы не очень голодны, они не торопятся к кормушке, выжидают: кто из них самый смелый и нетерпеливый. Подлетит один, за ним все. И клюют, оживленно переругиваясь друг с другом. А то еще и драку затеют. Иногда некоторые из них вытянутся и заглядывают сквозь оконные рамы на кухню, чутко реагируя через тюлевую занавеску на каждое наше движение. На кормушке, кроме воробьев и синиц, можно увидеть и поползней, и дятлов. Дятел так долбит замороженное сало – думаешь, кто-то стучит по окну.

Природа для птиц – естественная среда обитания. Но квартира – это и для них плен, и хозяевам лишние хлопоты и неудобства. Кроме того, запах их помета здоровью человека очень вреден. В свое время я немало знал любителей птиц. Некоторые держали для них целые комнаты-вольеры. У них птицы были почти со всего мира: из Австралии, Африки и других стран. Говорящих попугаев – Жако, Лори, Какаду – они держали отдельно. Один любитель птиц мне рассказал, как директор одной фабрики, выйдя на пенсию, захотел «душевно отдохнуть». Купил у него всю коллекцию этих птиц (разумеется, за большие деньги). Через какое-то время он заболел. Астмой, что ли... Врачи ему категорически запретили держать в квартире птиц. И тут он приехал к любителю, взмолился: «Хозяин, возьми обратно у меня своих птиц!» Тот за полцены согласился. У этого хозяина в волье-

ре стояло крепкое, сухое, типа яблони, суковатое дерево, на котором располагались, перелетая с ветки на ветку, птицы. Здесь для них было все необходимое: и пища, и вода. Если на улице пасмурно, включал электрический свет. Такие люди находят в птицах не только душевное удовлетворение, но и материальную выгоду. Конечно, кому что. Но мое личное мнение таково: надо любить птиц и подкармливать их бескорыстно, на воле. Этим не только себе делаешь удовольствие, но и природе пользу, а это важнее денег.

Вездесущая синица

Один знакомый мне рассказывал, как к ним в форточку залетела синица. «Давно это было, – говорил он. – Тогда мы еще жили в бараке. Жилье было обветшалое, и мы не стали ее держать в клетке, а оставили летать по комнате. Синица – птица любопытная, сразу же приступила по-хозяйски высматривать все углы и щели нашей комнаты. Чего-нибудь да находила там. Из-под старых обоев поклевала всех клопов, в щелях мух и всяких других букашек-таракашек. Очистив от насекомых комнату, синичка заскучала. Мы это сразу заметили, стали баловать ее: специально ставили в одной тарелке водичку, в другой – подсолнечные семечки, пшено, мелко нарезанное мясо. Когда садились за стол, она и тут обязательно присоединялась к нам. Не прозеваешь ни завтрак, ни обед, ни ужин. У нас был самовар, мы его начищали до блеска. Синичка наклюется, напьется, сядет на ручку самоварную и любит себя. У нас тогда телевизора не было, так мы с удовольствием наблюдали за ней. Всей семьей полюбили ее. Она тоже привыкла к нам. Садилась каждому на плечо, на голову, на руку. Это привлекало нас. И вдруг она пропала. Для нашей семьи это был шок. Недоумевали: куда синица могла деться? Кошка у нас не водилась. Единственно, на что можно было подумать: могла вылететь при открытии

входной двери. Все думы передумали. Но через неделю она нашлась. Кто бы мог представить себе где? Мать полезла на печь за валенками, и синичка из валенка выпорхнула. Слава Богу, жива и здорова. Сколько было радости. Не передать.

Родина Льва Толстого
Ясная поляна

21 августа 2005г.

